

ISSN 2308-4804

SCIENCE AND WORLD

International scientific journal

№ 1 (41), 2017, Vol. II

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2013 (September)

Volgograd, 2017

UDC 631+330+340+80+371+61+159.9
LBC 72

SCIENCE AND WORLD

International scientific journal, № 1 (41), 2017, Vol. II

The journal is founded in 2013 (September)
ISSN 2308-4804

The journal is issued 12 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 53534, 04 April 2013

Impact factor of the journal «Science and world» – 0.325 (Global Impact Factor 2013, Australia)

Impact factor of the journal «Science and world» – 0.350 (Open Academic Journals Index, Russia)

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Manotskova Nadezhda Vasilyevna

Lukienko Leonid Viktorovich, Doctor of Technical Science

Borovik Vitaly Vitalyevich, Candidate of Technical Sciences

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences

Valouev Anton Vadimovich, Candidate of Historical Sciences

Kislyakov Valery Aleksandrovich, Doctor of Medical Sciences

Rzaeva Aliye Bayram, Candidate of Chemistry

Matvienko Evgeniy Vladimirovich, Candidate of Biological Sciences

Kondrashihin Andrey Borisovich, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Technical Sciences

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.

Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 «G»

E-mail: info@scienceph.ru

Website: www.scienceph.ru

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 631+330+340+80+371+61+159.9
ББК 72

НАУКА И МИР

Международный научный журнал, № 1 (41), 2017, Том 2

Журнал основан в 2013 г. (сентябрь)
ISSN 2308-4804

Журнал выходит 12 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 53534 от 04 апреля 2013 г.**

*Импакт-фактор журнала «Наука и Мир» – 0.325 (Global Impact Factor 2013, Австралия)
Импакт-фактор журнала «Наука и Мир» – 0.350 (Open Academic Journals Index, Россия)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

*Лукиенко Леонид Викторович, доктор технических наук
Боровик Виталий Витальевич, кандидат технических наук
Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Валуев Антон Вадимович, кандидат исторических наук
Кисляков Валерий Александрович, доктор медицинских наук
Рзаева Алия Байрам, кандидат химических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Кондрашихин Андрей Борисович, доктор экономических наук, кандидат технических наук*

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: info@scienceph.ru
www.scienceph.ru

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Agricultural sciences

- Karipov R.Kh., Tleppayeva A.A.*
MINIMUM TILLAGE AND NO-TILLAGE
UNDER THE CONDITIONS OF DRY STEPPE ZONE..... 8
- Mirkhamidov F.Sh., Rakhimov A.D., Kodirov A.Sh.*
AGROTECHNICAL FACTORS OF INCREASE
IN NITROGEN FIXATION EFFICIENCY AT LEGUME CROPS..... 10

Economic sciences

- Beysembayeva R.S., Assylgazina K.A., Serikuly T.*
GEOGRAPHIC ANALYSIS OF POTENTIAL OF KAZAKH BORDER AREAS' SPHERES..... 12
- Mussina A.Zh., Deryabin Yu.A., Riabikov K.Ye.*
ENSURING FINANCIAL STABILITY OF BANKING
SYSTEM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN 17
- Stebenyayeva T.V., Lazareva L.Yu., Larina T.S.*
SELECTION OF THE INTEGRAL INDEX
FOR PEER REVIEW OF INNOVATIVE SOFTWARE PROJECTS' QUALITY 20

Jurisprudence

- Ali Jihad Ammar Raad Ali Jihad*
THE FIRST 1958 REPUBLICAN PROVISIONAL
CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF IRAQ 24
- Kartashev D.I.*
LEGAL REGULATION OF CLUSTER MODEL OF BUSINESS ORGANIZATION IN RUSSIA 27

Philological sciences

- Al-Shuwaili Hussein Ali Khudhair*
INTERTEXTUAL POETICS OF THE NOVEL
"UNDERGROUND OR A HERO OF OUR TIME" BY V. MAKANIN 29
- Al-Kadhimi Mahmood Ghazi Ghalloob*
ETHNO-CULTURAL STEREOTYPES: CONTENTIVE AND FORMAL TAXONOMY 37
- Babayev I.A.*
V.V. VINOGRADOV ON THE CHARACTER OF DEVIANCE..... 43
- Thukra Talib Heiralla*
STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF ADJECTIVAL POETICAL
METAPHORS (THE RUSSIAN CONTEMPORARIES' POETRY CASE STUDY)..... 46
- Montasra Abdulrahman Al-Rekaby*
ON THE ISSUE OF FUNCTIONAL AND SEMANTIC TYPES
OF NOMINATIVE RUSSIAN SENTENCES IN THE MODERN LINGUISTIC STUDIES..... 51

<i>Sagindykova A.S., Tazabekova B.N.</i> SELF-REFLECTION IN PHILOSOPHY AND PEDAGOGUE'S PROFESSIONAL SELF-REFLECTION.....	57
<i>Salah Abdul Hussain Salmn</i> DEPICTION OF CAMP LIFE AS DEATH SPACE ACTUALIZATION IN RUSSIAN WRITERS' WORKS OF THE XX CENTURY (BASED ON THE MATERIAL OF A. SOLZHENITSYN'S <i>ONE DAY IN THE LIFE OF IVAN DENISOVICH</i> AND V. SHALAMOV'S <i>KOLYMA TALES</i>).....	59
<i>Senatenko V.Yu., Kekeyeva T.M.</i> REALIAS IN FICTION – MARKERS OF NATIONAL CULTURAL COLOUR (CASE STUDY OF O. HENRY'S NOVELS).....	64
<i>Haider Abo Garee</i> COMPOSITE TERMS IN COMPUTER TERMINOLOGY IN GERMAN AND ARABIC.....	66

Pedagogical sciences

<i>Tashtobaeva B.E.</i> SYSTEMIC APPROACH TO TRAINING OF SPECIALISTS OF CONSUMER GOODS AND FABRIC INDUSTRY	71
--	----

Medical sciences

<i>Karmen N.B., Starodumova T.I.</i> THE INFLUENCE OF CHRONIC HYPOXIA ON THE ACTIVITY OF LIPID PEROXIDATION PROCESSES IN LYMPHOCYTE MEMBRANES	74
<i>Karmen N.B., Starodumova T.I.</i> THE INFLUENCE OF CHRONIC HYPOXIA ON STRUCTURAL AND FUNCTIONAL PROPERTIES OF LYMPHOCYTE MEMBRANES	77
<i>Omurzakov B.A., Logvinenko M.Yu.</i> THE NEW OPPORTUNITIES OF SURGICAL TREATMENT FOR TEGUMENT HEMANGIOMA AT CHILDREN	80

Psychological sciences

<i>Krasnova A.A.</i> PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL MODEL OF ADDICTIVE BEHAVIOUR PREVENTION AMONG TEENAGERS	83
<i>Moskatova A.K.</i> CONSCIOUSNESS ASSET OF AN ATHLETE AS A BASIS FOR SPORTS EVOLUTION.....	86
<i>Chumachenko L.A.</i> CONFLICT RELATIONS IN YOUNG FAMILIES	93

СОДЕРЖАНИЕ

Сельскохозяйственные науки

- Карипов Р.Х., Тлеппаева А.А.*
МИНИМАЛЬНАЯ И НУЛЕВАЯ ОБРАБОТКА ПОЧВЫ В УСЛОВИЯХ СУХОСТЕПНОЙ ЗОНЫ 8
- Мирхамидов Ф.Ш., Рахимов А.Д., Кодиров А.Ш.*
АГРОТЕХНИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ
ПРОДУКТИВНОСТИ АЗОТФИКСАЦИИ У БОБОВЫХ КУЛЬТУР 10

Экономические науки

- Бейсембаева Р.С., Асылгазина К.А., Серікұлы Т.*
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОТЕНЦИАЛА
ОТРАСЛЕЙ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАЗАХСТАНА 12
- Мусина А.Ж., Дерябин Ю.А., Рябиков К.Е.*
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ
БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН 17
- Стебеньева Т.В., Лазарева Л.Ю., Ларина Т.С.*
ВЫБОР ВИДА ИНТЕГРАЛЬНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ ДЛЯ ЭКСПЕРТНОЙ
ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ИННОВАЦИОННЫХ ПРОГРАММНЫХ ПРОЕКТОВ 20

Юридические науки

- Али Джихад Аммар Раад Али Джихад*
ПЕРВАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ВРЕМЕННАЯ
КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ ИРАК 1958 ГОДА 24
- Карташев Д.И.*
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КЛАСТЕРНОЙ
МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ БИЗНЕСА В РОССИИ 27

Филологические науки

- Аль Шувайли Хуссейн Али Кудхир*
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ ПОЭТИКА РОМАНА
В. МАКАНИНА «АНДЕГРАУНД, ИЛИ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» 29
- Аль-Кадими Махмуд Гази Чаллюб*
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ: КОНТЕНСИВНО-ФОРМАЛЬНАЯ ТАКСОНОМИЯ 37
- Бабаев И.А.*
В.В. ВИНОГРАДОВ О ХАРАКТЕРЕ ОТКЛОНЕНИЙ ОТ НОРМ 43
- Зикра Талибь Хейралла*
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
ПОЭТИЧЕСКИХ МЕТАФОР (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ РУССКИХ СОВРЕМЕННИКОВ) 46
- Мунтасыра Абдур-Рахман Аль-Рикаби*
К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ
ТИПАХ НОМИНАТИВНЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 51

Сагиндыкова А.С., Тазабекова Б.Н.
РЕФЛЕКСИЯ В ФИЛОСОФИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ ПЕДАГОГА..... 57

Салах Абдуль-Хуссейн Сальми
ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛАГЕРНОЙ ЖИЗНИ
КАК АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА СМЕРТИ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX СТ. (НА МАТЕРИАЛЕ «ОДИН ДЕНЬ
ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» А. СОЛЖЕНИЦЫНА, «КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ» В. ШАЛАМОВА) 59

Сенатенко В.Ю., Кекеева Т.М.
РЕАЛИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ – МАРКЕРЫ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОЛОРИТА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ О. ГЕНРИ) 64

Хайдер Абоджерри
ТЕРМИНЫ-КОМПОЗИТЫ В СОСТАВЕ
КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В НЕМЕЦКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ 66

Педагогические науки

Таитобаева Б.Э.
СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПОДГОТОВКЕ
СПЕЦИАЛИСТОВ ЛЕГКОЙ И ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЕЙ..... 71

Медицинские науки

Кармен Н.Б., Стародумова Т.И.
ВЛИЯНИЕ ХРОНИЧЕСКОЙ ГИПОКСИИ НА АКТИВНОСТЬ ПРОЦЕССОВ
ПЕРЕКИСНОГО ОКИСЛЕНИЯ ЛИПИДОВ В МЕМБРАНАХ ЛИМФОЦИТОВ 74

Кармен Н.Б., Стародумова Т.И.
ВЛИЯНИЕ ХРОНИЧЕСКОЙ ГИПОКСИИ
НА СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА МЕМБРАН ЛИМФОЦИТОВ 77

Омурзаков Б.А., Логвиненко М.Ю.
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ХИРУРГИЧЕСКОГО
ЛЕЧЕНИЯ ГЕМАНГИОМ НАРУЖНЫХ ПОКРОВОВ У ДЕТЕЙ 80

Психологические науки

Краснова А.А.
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОФИЛАКТИКИ
АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ..... 83

Москатова А.К.
КАПИТАЛ ОСОЗНАННОСТИ СПОРТСМЕНА – ОСНОВА ЭВОЛЮЦИИ СПОРТА..... 86

Чумаченко Л.А.
КОНФЛИКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МОЛОДЫХ СЕМЬЯХ 93

Agricultural sciences
Сельскохозяйственные науки

УДК 631.51

**МИНИМАЛЬНАЯ И НУЛЕВАЯ ОБРАБОТКА
ПОЧВЫ В УСЛОВИЯХ СУХОСТЕПНОЙ ЗОНЫ**

Р.Х. Карипов¹, А.А. Тлеппаева²

^{1,2} кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина (Астана), Казахстан

***Аннотация.** Целью научных исследований является выявление эффективности минимальной и нулевой технологии возделывания рожьика ярового в сухостепной зоне Северного Казахстана. Полевые опыты проводились в четырехпольном плодосменном севообороте на темно-каштановых почвах. Впервые в агроэкологических условиях сухостепной зоны Северного Казахстана установлено, что минимальная и нулевая технологии имеют преимущество перед традиционной по накоплению почвенной влаги и органического вещества, интенсивности биологических процессов, сохранению плодородия почвы. Установлено достоверное превышение урожайности культуры по минимальной и нулевой обработке почвы в сравнении с традиционной.*

***Ключевые слова:** минимальная технология, нулевая технология, рожжик яровой, темно-каштановая почва, органическое вещество, ресурсосбережение.*

Одной из основных составляющих инновационной технологии производства продукции растениеводства является диверсификация земледелия и на этой основе применение ресурсосберегающих технологий производства продукции растениеводства.

В современной отечественной и мировой практике к наиболее перспективным почвозащитным, ресурсосберегающим приемам относятся минимальная и нулевая обработки почвы.

В теории и практике современного земледелия выделились два направления – минимальная и нулевая ресурсосберегающие технологии, предусматривающие значительную экономию невозобновимой энергии, сохранение почвенного плодородия, экологическую безопасность и, в конечном итоге, достижение значительного экономического эффекта.

Мировой опыт свидетельствует о том, что страны-лидеры производства зерна (Канада, Австралия, Аргентина, США) давно перешли на ресурсосберегающие технологии на основе сокращенной и нулевой обработки почвы, которые позволяют сокращать затраты на производство зерна и одновременно получать стабильный урожай, сохраняя окружающую среду [4, 5, 6].

В статье изложены некоторые результаты научных исследований, проведенных на темно-каштановых почвах в сухостепной зоне Северного Казахстана. Полевой опыт состоял из традиционной технологии с интенсивными обработками почвы, минимальной с послеуборочным чизельным рыхлением и предпосевным опрыскиванием гербицидом Раундап 36 %, в.р. в дозе 2 л/га, нулевого варианта без какой-либо механической обработки почвы с предпосевным опрыскиванием гербицидом Раундап 36 %, в.р. в дозе 2 л/га.

Одним из факторов, ограничивающих применение ресурсосберегающих технологий, является склонность почв к уплотнению. Исследования показали, что даже при полном исключении механических обработок почвы ее плотность находилась в пределах оптимальных значений. В среднем за период вегетации по нулевому варианту объемная масса в пахотном слое почвы составила 1,25 г/см³, по минимальной технологии – 1,21 г/см³. При традиционной технологии почва оставалась рыхлой в течение всего периода вегетации рожьика с объемной массой 1,13 г/см³, что существенно ниже значений равновесной и оптимальной плотностей. Таким образом, почва при интенсивных обработках (традиционная технология) характеризовалась искусственно завышенной аэрацией, приводящей не только к потере влаги в результате диффузии паров воды, но и к плохому контакту семян с почвой, медленному прорастанию семян, к пониженному урожаю.

Отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что единственным преимуществом осенней обработки почвы является улучшение поглощение талых вод в годы влажной осени и многоснежных зим [3].

Северный Казахстан относится к крайне засушливой зоне, и в этих условиях сохранение и рациональное использование влаги имеют если не главное, то исключительное значение. Накопление влаги в почве происходит здесь в основном за счет осенних и зимних осадков.

В провинции Манитоба (Канада) было выявлено, что при минимальной и нулевой обработках запасы

продуктивной влаги к моменту посева яровых пшеницы были выше, чем на полях, где проводили обычную обработку на 25-50мм [5]. По мнению М.К. Сулейменова применение сберегающих технологий способствует накоплению и сохранению продуктивной влаги на любом поле севооборота [2]. Исследователи Буянкин Н.И. и Слесарев В.Н. отмечают, что в степной земледелии существующие приемы обработки не решают в полной мере проблему накопления и сохранения влаги в почве. По их мнению, глубоко обработанная почва хорошо аккумулирует влагу атмосферных осадков, но плохо ее сохраняет, а более плотная почва, при мелкой и поверхностной обработке, хуже аккумулирует влагу, но лучше ее сохраняет [1].

В наших опытах перед посевом рыжика ярового в метровом слое почвы на минимальном и нулевом вариантах содержалась на 29,7 и 21,8 % и больше, чем на контроле. Дефицит почвенной влаги в засушливых зонах обусловлен не только недостатком атмосферных осадков, но и непродуктивными их потерями, достигающими до 70-80мм. Особенно большие потери влаги наблюдаются на рыхлых почвах в весенний предпосевной период, продолжительность которого в местных условиях равна 25-30 дням. Наиболее оптимальные условия влагообеспеченности посевов в период вегетации рыжика ярового складывалась на варианте с чизельным рыхлением (минимальная технология). Превышение запасов продуктивной влаги по отношению к традиционной технологии составило весной 14,2 %, в фазе цветения 8,6 %, в период налива семян – 18,6 %. От схода снега до полного созревания рыжика ярового в среднем содержание продуктивной влаги в метровом слое почвы на минимальном и нулевом вариантах составило соответственно 135,8 и 124,8 мм, а по традиционной технологии – 119,0 мм.

Одним из главных принципов сберегающих технологий является сохранение растительных остатков в измельченном виде на поверхности почвы. Исследования показали, что чем меньше почва подвергается механическому воздействию, тем больше накапливаются в почве органические вещества. Так, при интенсивной механической обработке почвы (традиционный вариант) общая биомасса корней и пожнивных остатков в пахотном слое почвы составила 39,3 м³/га, а при минимальной и нулевой – 47,8 и 57,6 м³ ц/га соответственно. Но самым ценным свойством минимизации основных обработок почвы в зоне рискованного земледелия является сравнительно высокий урожай, особенно в чрезмерно засушливые годы. В наших опытах урожайность маслосемян рыжика ярового на минимальном и нулевом вариантах в сравнении с традиционной технологией оказалась соответственно выше на 0,27 и 0,13 т/га. При этом получен наибольший чистый доход, превышение рентабельности производства маслосемян по отношению к традиционной технологии составило 35,7 и 17,5 %.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буянкин, Н.И. Деградация и экологизация сибирских черноземов / Н.И. Буянкин, В.Н. Слесарев. – Калининград, 2006. – 190 с.
2. Сулейменов, М.К. Ресурсосберегающие технологии возделывания зерновых, зернобобовых, масличных и крупяных культур на севере Казахстан / М.К. Сулейменов. – Шортанды, 2009. – 143 с.
3. Чмиль, А.Н. Агроэкологические подходы к обработке почвы в сухостепной зоне. В кн. Ресурсоэнергосберегающие технологии возделывания сельскохозяйственных культур / А.Н. Чмиль. – Шортанды. – 1991. – С. 33-40.
4. Ellis, F.B., Lynch I.M. Sth conf Inst, Soil, Till, Res, 1979, Istro Bundesrepublik Deutschland
5. Mitchell, W. The comparative costs of no-tillage weed control / W. Mitchell // Northeastern Weed Schiema Society Suppl. Proc. – 1983. – 37: 22-27.
6. Swenson, A. Economics of no-till crop production / A. Swenson, R. Tohnson // N.D. Farm Res. - 1982. – 39. - 4: 14-17.

Материал поступил в редакцию 20.12.16.

MINIMUM TILLAGE AND NO-TILLAGE UNDER THE CONDITIONS OF DRY STEPPE ZONE

R.Kh. Karipov¹, A.A. Tleppayeva²

^{1, 2} Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor
S. Seifullin Kazakh AgroTechnical University (Astana), Kazakhstan

Abstract. *The purpose of this research is efficiency determination of the minimum tillage and no-tillage of camelina in the dry steppe zone of Northern Kazakhstan. Field study was made in four-course crop rotation on dark-chestnut soils. For the first time under agroecological conditions of dry steppe zone of Northern Kazakhstan it is established that the minimum tillage and no-tillage have advantage over traditional tillage according to the collection of water and organic substance, intensity of biological processes, preservation of soil fertility. The proved increase in productivity of crops using minimum tillage and no-tillage in comparison to traditional tillage is established.*

Keywords: *minimum tillage, no-tillage, camelina, dark-chestnut soil, organic substance, resource-saving.*

УДК 633.31/37

АГРОТЕХНИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ ПРОДУКТИВНОСТИ АЗОТФИКСАЦИИ У БОБОВЫХ КУЛЬТУР

Ф.Ш. Мирхамидов¹, А.Д. Рахимов², А.Ш. Кодиров³

^{1,2} ассистент кафедры «Генетика, селекция и семеноводство с/х культур», ³ студент факультета агрономии
Андижанский сельскохозяйственный институт, Узбекистан

***Аннотация.** Все зернобобовые культуры обладают способностью вступать в симбиотические взаимоотношения с клубеньковыми бактериями, относящимися к роду *Rhizobium*. В статье даны агротехнические рекомендации для возделывания бобовых культур и для эффективного применения нитрагинизации. Изложены данные о повышении эффективности использования в сельском хозяйстве азота атмосферы, фиксированного микроорганизмами в симбиозе с бобовыми растениями.*

***Ключевые слова:** симбиоз, зернобобовые культуры, азот, почва, удобрение, растения, минеральный азот.*

К основным приемам возделывания бобовых культур относятся: обязательное применение фосфорно-калийных удобрений, известкование кислых почв, обработка семян растворами микроэлементов – бора, молибдена, кобальта, что создает оптимальные условия для бобовых растений и для их симбиоза с клубеньковыми бактериями.

Группа зернобобовых культур представлена довольно большим числом весьма отличных друг от друга видов. К ним относятся: вика, горох, фасоль, чечевица, кормовые бобы, нут, люпин, чина и другие, которые характеризуются прежде всего высоким содержанием биологически ценного, хорошо усвояемого белка в семенах и других органах.

Большинство зернобобовых культур хорошо использует труднодоступные минеральные соединения почвы, что делает их относительно менее требовательными к минеральным удобрениям, хотя многим, особенно фасоли и кормовым бобам, хорошо удается лишь на достаточно плодородных почвах.

Роль предшественников бобовых растений и влияние покровных культур на многолетние бобовые травы, взаимодействие с не бобовыми растениями, с которыми часто возделываются бобовые культуры как в пастбищных травостоях, так и в различных однолетних кормовых смесях, изучены в Узбекистане пока недостаточно. Даже о таких факторах, как способы обработки почвы или густота стояния растений, сведений в научной литературе мало. Тем не менее, воздействие всех этих факторов и агроприемов на развитие бобовых растений и конечную продуктивность их симбиоза с клубеньковыми бактериями несомненно.

Роль густоты стояния растений исследовали для посевов сои в Андижанском НИИ зерновых и зернобобовых культур. Число растений в рядах варьировало при постоянной ширине междурядья. В течение 120 дней после посева проводили наблюдения за накоплением азота в растениях. Было установлено, что скорость накопления азота при числе растений 1 и 4 на 25 см рядка была соответственно через 100-120 дней после посева 6,8 и 8,8 кг на 1 га за один день.

Особое внимание исследователей и практиков сельского хозяйства привлекает вопрос о применении минерального азота под бобовые культуры. Выше уже указывалось, вопрос о целесообразности использования минерального азота под бобовые растения может быть решен только применительно к конкретным культурам и для определенных почвенно-климатических зон страны.

Положительный эффект внесения небольших доз минерального азота под бобовые культуры в некоторых зонах объясняется тем, что активное усвоение атмосферного азота в клубеньках начинается не ранее чем через 4-5 недели после всходов у однолетних бобовых растений и через 5-6 недель у многолетних, таких как клевер. До этого периода бобовые культуры используют минеральные формы азота почвы или удобрений. При правильно выбранной дозе азотных удобрений происходит улучшение развития бобовых растений, хорошо развивается корневая система и фотосинтетический аппарат, что приводит не только к повышению урожая, но и к созданию условий для эффективного симбиоза с клубеньковыми бактериями. Но если содержание подвижного азота в зоне корней оказалось завышенным, то отмечается отрицательный эффект как в отношении развития бобово-ризобиального симбиоза, так и урожая. Поэтому выяснение сущности влияния минерального азота на взаимоотношения бобового растения с клубеньковыми бактериями и продуктивность их симбиоза представляет не только теоретический, но и практический интерес для разработки научно обоснованных агротехнических рекомендаций.

В связи с приведенными сведениями ставится вопрос о необходимости, с одной стороны, селекции бобовых культур с более высокой продуктивностью фотосинтеза и повышенной активностью процесса симбиотической азотфиксации и, с другой, селекции штаммов клубеньковых бактерий с более экономным использованием энергетического материала на единицу восстановленного азота.

Большие и еще почти не использованные резервы повышения размеров накопления биологически связанного азота бобовыми культурами заключены в направленной селекции симбионтов по этому признаку.

По современным данным, видовая специфичность клубеньковых бактерий контролируется генетически как со стороны растения, так и со стороны бактерии и связана с образованием особо специфичных соединений в оболочке бактерии и корневого волоска. С помощью этих веществ, взаимодействующих между собой по принципу иммунологических реакций, бактерия прочно прикрепляется к корневному волоску. Затем образуется инфекционная нить, окруженная целлюлозной оболочкой, которая прорастает через корневой волосок и клетки эпидермиса в кору корня. Она разветвляется тетраплоидных и соседних диплоидных клеток коры, что и приводит в конце концов к образованию клубеньков. Бактерии размножаются уже в инфекционной нити, но особенно энергично в цитоплазме растительных клеток, где располагаются по отдельности или группами, обязательно в окружении мембраны. В цитоплазме размножающиеся бактериальные клетки увеличиваются в объеме примерно в 10-12 раз и меняют форму, образуя грушевидные, ветвистые, дисковидные или сферические образования, получившие название бактериоидов. Ткань клубенька, заполненная бактериоидами, приобретает розовую окраску, обусловленную пигментом леггемоглобином. Образование его, по современным данным, генетически контролируется растением. Если леггемоглобин не образуется и клубеньки приобретают серую или зеленоватую окраску, то азотфиксации в таких клубеньках не происходит, даже если они и заполнены бактериоидами. Хотя гены леггемоглобина находятся в геноме растения, продуцирование его зависит от каких-то свойств бактерии, причем свойств, присущих не всем штаммам. В клубеньках, где бактерий нет, леггемоглобин никогда не образуется.

Рациональная система удобрения и вообще технология возделывания зернобобовых культур должна быть направлена на создание оптимальных условий для продуктивного симбиоза. Эти условия многофакторные и ограничивающее действие какого-либо фактора, может свести на нет действие других.

Важное значение для симбиоза имеет аэрация почвы. Тяжелые, заплывающие глинистые почвы, как правило, малопригодны для возделывания зернобобовых культур. Очень чувствителен симбиоз к реакции почвенной среды. На кислых почвах образование клубеньков идет плохо у гороха, вики, кормовых бобов, фасоли, чечевицы и других зернобобовых культур.

В заключение следует отметить, что все приемы механической обработки почвы, применяемые при возделывании зернобобовых культур, сами по себе мало изменяют плодородие почвы, но являются важнейшим условием получения высоких урожаев.

Материал поступил в редакцию 29.12.16.

AGROTECHNICAL FACTORS OF INCREASE IN NITROGEN FIXATION EFFICIENCY AT LEGUME CROPS

F.Sh. Mirkhamidov¹, A.D. Rakhimov², A.Sh. Kodirov³

^{1,2} Assistant of Department "Genetics, Selection and Seed Production of Agricultural Crops",

³ Student of Faculty for Agronomics

Andijan Agricultural Institute, Uzbekistan

Abstract. *Each of grain legumes has ability to enter the symbiosis with the legume bacteria of Rhizobium genus. In the given article the agrotechnical recommendations for cultivation of legume crops and for effective application of nitrogenization are given. The data of increase in nitrogen usage efficiency fixed by microorganisms in symbiosis with legume crops in agriculture are stated.*

Keywords: *symbiosis, grain legumes, nitrogen, soil, fertilizer, plants, mineral nitrogen.*

Economic sciences

Экономические науки

УДК 911.37 (574)

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОТЕНЦИАЛА
ОТРАСЛЕЙ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАЗАХСТАНА****Р.С. Бейсембаева¹, К.А. Асылгазина², Т. Серікұлы³**

¹ кандидат географических наук, доцент ВАК, профессор РАМ РК, профессор кафедры экологии и географии,
^{2,3} магистрант 1 курса специальности «Географии»

Восточно-Казахстанский государственный университета им С. Аманжолова (Усть-Каменогорск),
Республика Казахстан

***Аннотация.** Проблема трансграничного экономического сотрудничества является важным фактором, влияющим на социально-экономическое развитие страны. Анализ функционирования основных механизмов регионального развития помог определить особенности трансграничного экономического сотрудничества в системе основных механизмов реализации региональной экономической политики Республики Казахстан. Приграничные регионы Казахстана и России играют большую роль в интеграционных, торгово-экономических процессах для осуществления инвестиционной деятельности Казахстана со странами Таможенного союза, в первую очередь с главным партнером – Российской Федерацией, что показано в данной статье.*

***Ключевые слова:** инвестиции, интеграция, регионы, экономика, потенциал, население, сотрудничество, приграничные регионы, экспорт.*

Трансграничное экономическое сотрудничество в казахстанских условиях является важным фактором, влияющим на социально-экономическое развитие страны. Этот тезис крайне актуален для Республики Казахстан в связи с тем, что 13 областей из 14 имеют выход к государственной границе. На основе анализа функционирования основных механизмов регионального развития мы попытались определить положение трансграничного экономического сотрудничества в системе основных механизмов реализации региональной экономической политики Республики Казахстан.

Анализ картины текущего состояния торгово-экономических отношений приграничных территорий со странами Таможенного союза, инвестиционные процессы в приграничных регионах Казахстана представлены как географический анализ потенциала отраслей приграничных территорий Казахстана для привлечения инвестиций из стран Таможенного союза.

Создание в 2010 году на территории постсоветского пространства Таможенного союза (ТС) является первым этапом формирования единого экономического пространства на территории Казахстана, России и Беларуси (Белоруссии), который предусматривает единую таможенную территорию с населением более 170 млн. человек, с суммарным ВВП 1,6 трлн. долларов США (4 % мирового ВВП и более 80 % ВВП стран СНГ, 11 % глобального сырьевого экспорта). Необходимо отметить, что страны ТС обладают почти 83 % экономического потенциала бывшего СССР, занимают территорию в 20 миллионов квадратных километров – более 15 % всей мировой суши.

Участие Казахстана в Таможенном союзе стало стимулом для кооперации взаимодополняющих предприятий и создания, совместных вертикально-интегрированных корпораций России, Беларуси и Казахстана. Так, по данным Агентства Республики Казахстан по статистике в 2015 году в Казахстане было создано более 6443 совместных казахстанско-российских и 123 казахстанско-белорусских предприятий.

Особое значение в сотрудничестве играют приграничные регионы, так как в них наблюдается наиболее высокая инвестиционная активность, создаются совместные предприятия, способствующие адаптации региональной экономики к рыночной трансформации и появлению новых межгосударственных границ.

Приграничные регионы Казахстана и России играют большую роль в интеграционных, торгово-экономических процессах для осуществления инвестиционной деятельности Казахстана со странами Таможенного союза, в первую очередь с главным партнером – Российской Федерацией.

Значительным фактором двусторонних экономических отношений приграничных регионов Казахстана и России является сотрудничество в различных отраслях промышленности, науке, культуре, здравоохранении.

Имеются все основания полагать, что число совместных казахстанско-российских предприятий будет постоянно увеличиваться. Ожидается, что прямо пропорционально с ростом притока инвестиций в приграничные

регионы Казахстана из стран Таможенного союза, большое количество российских и белорусских компаний, ориентированных на охват рынков центральных регионов России, Сибири и Центральной Азии, открывает свою производственную и хозяйственную деятельность именно в приграничных регионах Казахстана.

Как известно, 7 казахстанских регионов Республики Казахстан, расположенных вдоль одной из самой протяженной в мире сухопутной границы двух государств (7512 километров) граничат с 12-ю российскими регионами.

Внешняя торговля приграничных регионов России и Казахстана (особенно экспорт) связана, главным образом, с третьими странами, а не с сопредельными страной и регионами, если не считать транзитную торговлю нефтью и газом.

Импорт у казахстанских приграничных регионов сложился следующим образом: третью часть совокупного объема импорта приграничных регионов составили машины, оборудование и транспортные средства (32 %). Четверть от общего объема закупаемых товаров составляет продукция топливно-энергетического комплекса, в первую очередь бензин и масла (26 %), металлы и изделия из металлов – 13 %, продукция химической промышленности, пластик и каучук – 12 %, продовольственные товары и сельскохозяйственные продукты – 9 %, древесина и бумажные изделия – 3 %, прочая продукция – 5 %.

*Рисунок 1. Импорт и экспорт казахстанских приграничных регионов
(по данным Агентства РК по статистике за 2014 год)*

В экспорте казахстанских приграничных регионов преобладает продукция топливно-энергетического комплекса, преимущественно сырая нефть, минералы, неметаллические руды и другие полезные ископаемые (83 %), десятую часть от совокупного объема экспорта приграничных регионов составляют металлы и их продукция – 11 %.

Анализируя структуру импорта по приграничным регионам Казахстана, можно отметить, что все приграничные регионы почти в равной степени приобретают зарубежное оборудование и транспортные средства, более высокие объемы поставки оборудования из-за рубежа осуществляет Атырауская область. Павлодарская область имеет значительную часть в структуре импорта продукции топливно-энергетического комплекса (43 %). Восточно-Казахстанская (27 %) и Костанайская (24 %) области более четверти от совокупного объема импорта завозит продукцию химической промышленности, пластмассы и каучук. Западно-Казахстанская и Актюбинская области импортируют продовольственные товары и сельскохозяйственную продукцию – 21 % и 17 % соответственно.

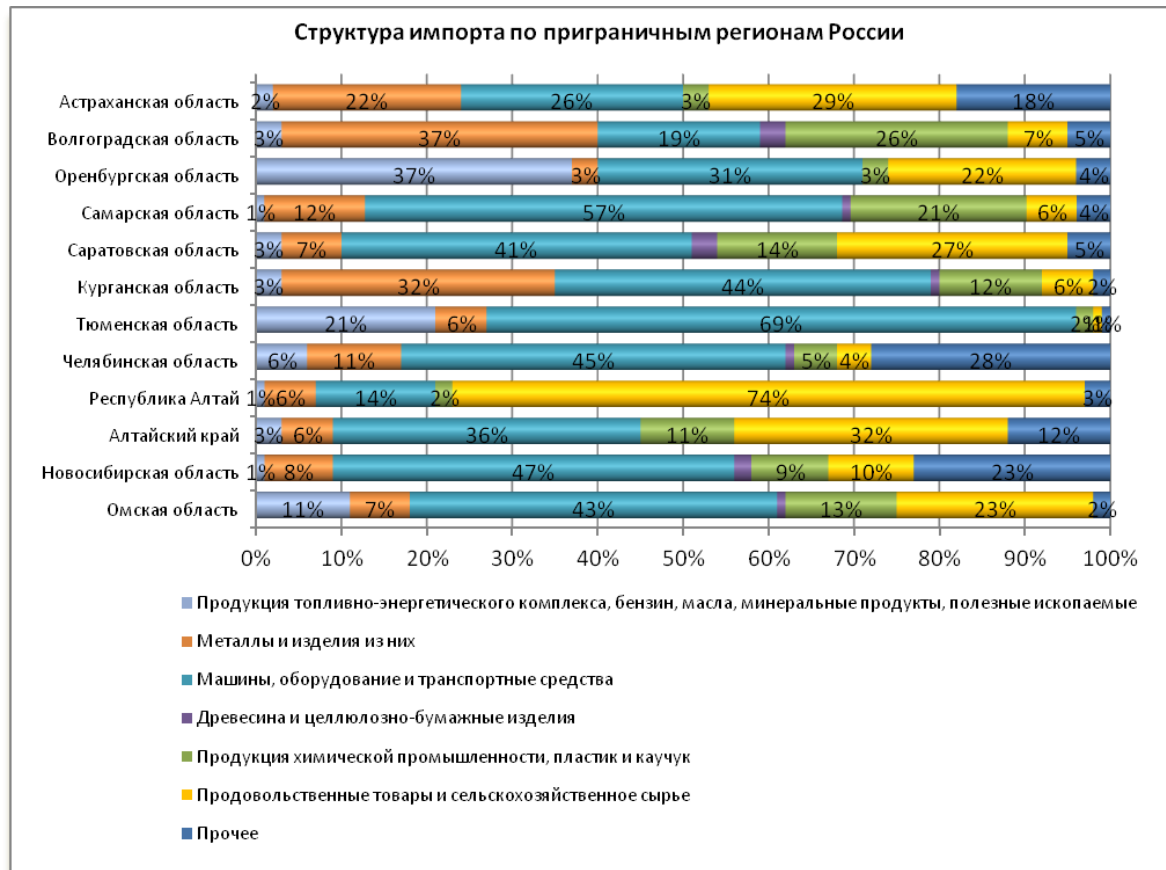

Рисунок 2. Структура импорта по приграничным регионам России
(по данным Федеральной службы государственной статистики РФ на 2014 год)

Экспорт большинства казахстанских приграничных регионов по своей структуре не отличается разнообразием. Основную долю экспорта продукции из данных регионов, за исключением Северо-Казахстанской области, занимают продукты топливно-энергетического комплекса, металлы и металлические изделия.

Рисунок 3. Структура экспорта по приграничным регионам Казахстана
(по данным Агентства РК по статистике за 2014 год)

Если сравнить статистические данные Агентства Республики Казахстан по статистике, ВРП приграничных регионов Казахстана до вступления и после вступления Казахстана в Таможенный союз, то можно с уверенностью сказать, что уровень ВРП имеет стабильный положительный рост. Немаловажным фактором сотрудничества приграничных регионов Казахстана и России является взаимная миграция населения, трудовых ресурсов, родственные связи приграничья обеих стран.

Базовая модель межрегионального сотрудничества Казахстана и России может быть построена на основе выделения пространственно-экономического каркаса приграничных систем расселения. Данный процесс может помочь отслеживать экономические факторы воздействия на развитие приграничной системы расселения в комплексе с экономическими и социальными факторами, производить деятельность по инвестиционному регулированию экономических процессов, инициировать своевременную разработку новых инвестиционных проектов, направленных на экономическое развитие приграничных регионов Казахстана.

Анализируя процессы притока иностранных инвестиций в приграничные регионы Республики Казахстан и индексы физического объема в основной капитал за 2009-2014 годы, можно отметить, что наблюдается прогресс в Восточно-Казахстанской, Костанайской, Актыубинской и Северо-Казахстанской областях (рис. 4).

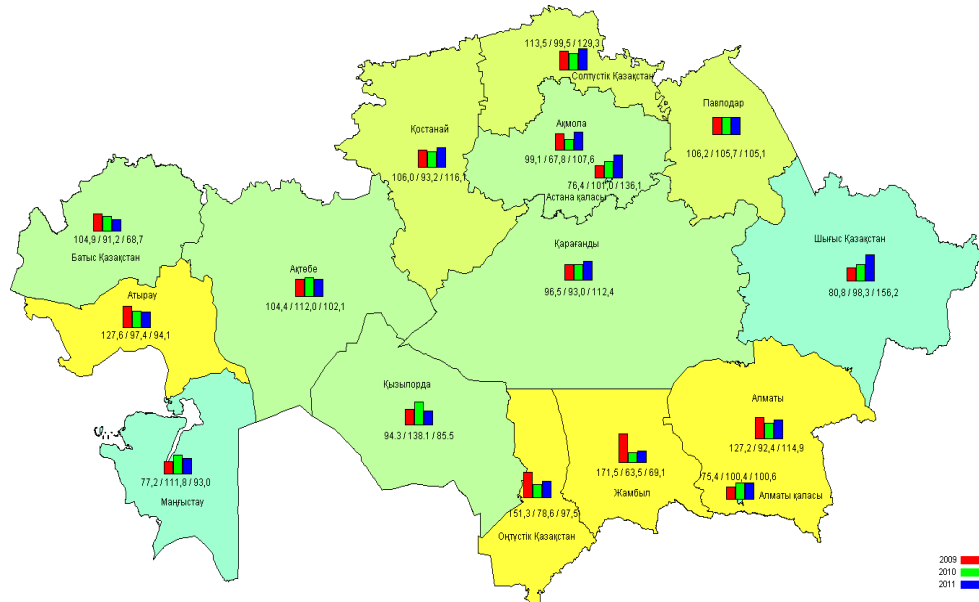

Рисунок 4. Индексы физического объема в основной капитал, % (по данным Агентства РК по статистике)

Приграничные регионы играют ключевую роль в привлечении инвестиций в основной капитал в Республику Казахстан. Их доля в общем объеме привлекаемых инвестиций в Казахстан составляет 45,9 %. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что наибольшую долю инвестиций из всех приграничных регионов Казахстана привлекают Атырауская (21,5 %) и Актыубинская области (7,7 %).

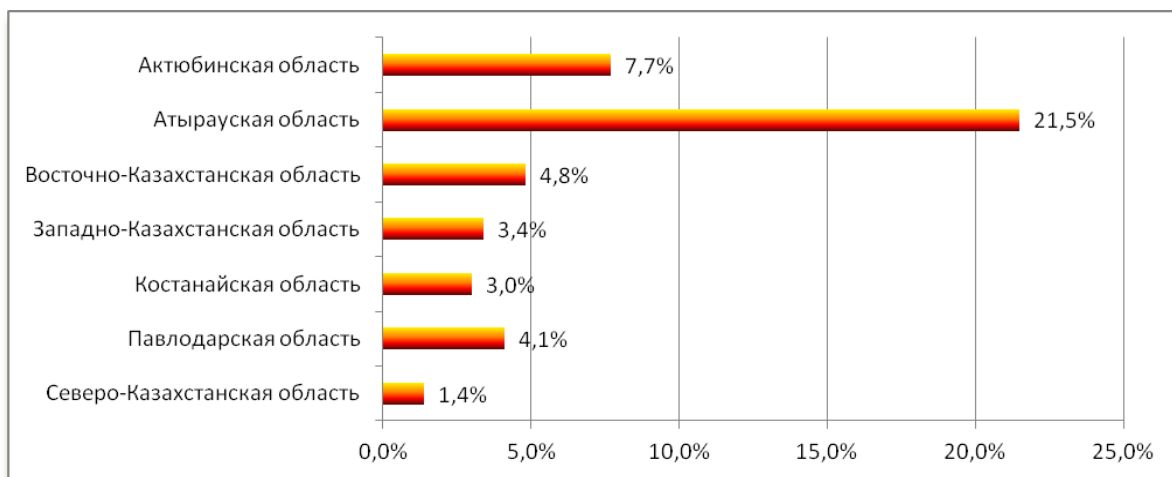

Рисунок 5. Структура инвестиций в основной капитал по приграничным регионам в соотношении к общему объему по РК, % (по данным Агентства РК по статистике 2014 г.)

Географический анализ инвестиционных процессов в приграничных регионах Казахстана дает возможность представить некоторые выводы:

- Таможенный союз однозначно позитивно повлиял на рост товарооборота Казахстана со странами Таможенного союза, увеличились доли экспорта и импорта;

- Таможенный союз привнес положительную роль, так как у Казахстана появился более упрощенный вариант транзита и продажи основных казахстанских товаров (нефть, сырье, зерно и прочее) основным потребителям, которыми являются (Европейский союз, Россия, Беларусь);
- приграничные регионы Казахстана играют важную роль в процессе интеграции и торговли с Российской Федерацией;
- географическая близость российских и казахстанских приграничных регионов в вопросах открытия совместных производств играет второстепенную роль и не способствуют обширной агломерации казахстанско- и российского бизнеса.

Сегодня для инвесторов Казахстан по-прежнему в большей степени привлекателен для вложений сырьевой сектор. Поэтому первоочередная задача государства – формирование лучших в регионе условий для инвесторов, ориентированных на обрабатывающую промышленность. В целом Казахстан по всем направлениям своей экономики – нефтегазодобывающей, угольной, черной и цветной металлургии и атомной промышленности, машиностроению и энергетике, аграрной индустрии и туризму – сохраняет пока огромный нереализованный потенциал. И в стране планомерно делают все для того, чтобы этот потенциал был использован по максимуму, чтобы государство было процветающим и успешным, сохраняя роль одной из главных точек опоры мировой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агентство Республики Казахстан по статистике 2014г, 2015г, <http://stat.gov.kz>
2. Стратегический план развития РК до 2020 года: Указ Президента Республики Казахстан от 01.02.2010 г. № 922: [Электронный ресурс] // www.akorda.kz
3. Стратегия территориального развития Республики Казахстан до 2015 года : Указ Президента Республики Казахстан от 28 августа 2006 г. № 167: [Электронный ресурс] // www.akorda.kz
4. Федеральная служба государственной статистики 2014г, <http://www.gks.ru>

Материал поступил в редакцию 07.12.16.

GEOGRAPHIC ANALYSIS OF POTENTIAL OF KAZAKH BORDER AREAS' SPHERES

R.S. Beysembayeva¹, K.A. Assylgazina², T. Serikuly³

¹ Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of Higher Attestation Commission,
Professor of Department of Ecology and Geography,

^{2,3} Master's Degree Student Majoring in Geography

Sarsen Amanzholov East Kazakhstan State University (Ust-Kamenogorsk), Republic of Kazakhstan

Abstract. *The issue of cross-border cooperation is important factor influencing on the social and economic development of the country. The analysis of functioning of the main mechanisms of regional development allowed to determine the peculiarities of cross-border economic cooperation in system of the main mechanisms of implementation of regional economic policy of the Republic of Kazakhstan. The boundary regions of Kazakhstan and Russia play a valuable role in integration, trade and economic processes for implementation of investment activity of Kazakhstan with the countries of the Customs Union, first of all with the major partner – Russian Federation – that is shown in this article.*

Keywords: *investments, integration, regions, economy, potential, population, cooperation, boundary regions, export.*

UDC 336.711

ENSURING FINANCIAL STABILITY OF BANKING SYSTEM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

A.Zh. Mussina¹, Yu.A. Deryabin², K.Ye. Riabikov³

¹ Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, ^{2,3} Postgraduate Student

¹ S. Toraighyrov Pavlodar State University, Kazakhstan

^{2,3} Omsk State Transport University, Russia

Abstract. In the article, the analysis of a banking system stability of the Republic of Kazakhstan and factors defining it on the basis of macroprudential approach is carried out. As this directions the solution of the problem of credits' overdue, recapitalization of a banking system, expansion of domestic banks' resource base, improvement of relationship between borrowers and creditors and improvement of a banks' risk management are offered.

Keywords: banking system, financial stability of a banking system, risk management.

Actual issue of the modern world is financial stability in which providing the special role is played by a sustainable development of economy and its major link – banking system.

Kazakhstan is an emerging market in Central Asia. The main share in the general size of a financial system of the Republic of Kazakhstan is the share of banking system, the second large is the budgetary system, the third large share is securities and investments market and the fourth one is the insurance market. Therefore, the banking sector is a key component of the financial system of Republic of Kazakhstan.

The continuing decrease in the world price for oil, and also reduction of physical volumes of oil, coal, ferroalloys, copper and aluminium export negatively affects GDP growth, reduces the export income and has a negative impact on the income of republican budget and payments balance of the Republic of Kazakhstan.

In these conditions, the banking system of the Republic of Kazakhstan again faced serious calls. Devaluation of tenge in February, 2014 and then in the second half of 2015 provoked significant growth in system risks of the Kazakhstan banking sector.

According to that it is necessary to refer formation of model of a steady banking system to the number of the major problems of theory and practice. In that case the search of the directions and instruments of overcoming the crisis phenomena, strengthening stability of a banking system, becomes the major macroeconomic task.

As practice shows, debt problems of the state are the prime reason of crises emergence in a financial system (Eskindarov, 2012). According to official data, for the end of the III quarter of 2015 the external debt of RK was 155.6 bln. dollars, from which 8.575 bln. dollars (5.5 %) is an external debt of the banking sector (Figure 1). For the considered period, the increase in the external debt of RK as in relative as in absolute value is observed. So, for the end of the III quarter of 2015 the ratio of an external debt to GDP was 72.4 %, and the ratio of an external debt to EGS was 258.3 % (National Bank of Kazakhstan). The situation is aggravated with that the retardation of gross domestic product's growth and noticeable decrease in export of goods and services (EGS) are observed.

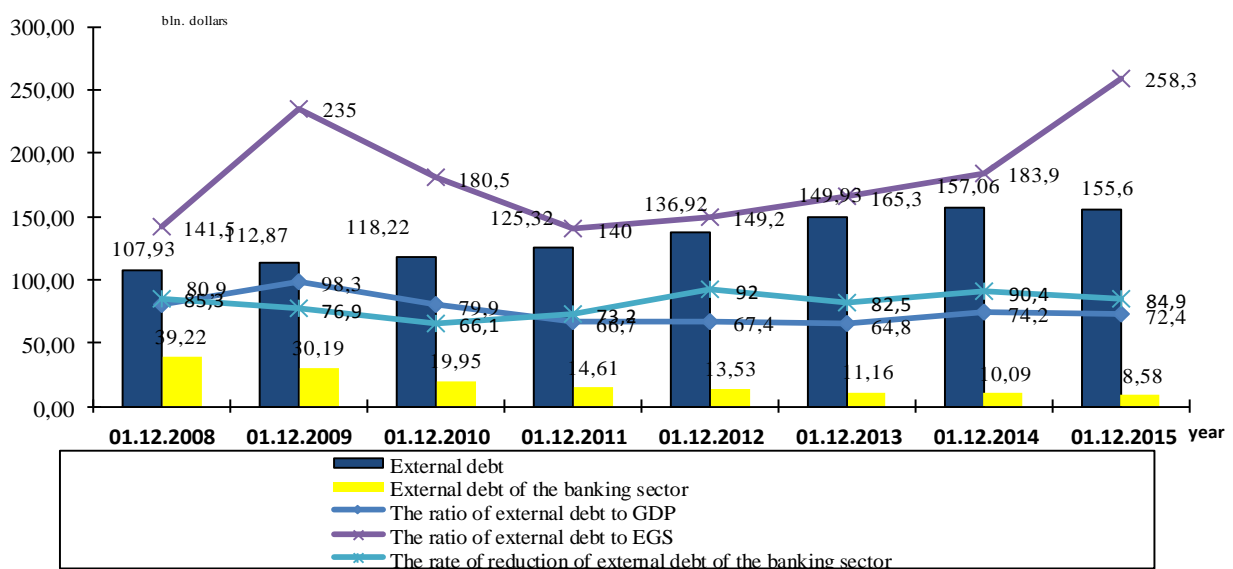

Fig. 1. Dynamics of external debt of RK. Source – (National Bank of Kazakhstan)

Against an adverse situation in general concerning an external debt the position of the banking sector of RK is a little better than in other sectors. So, the banking sector of RK lowered the debt ratio considerably from 39.22 bln. dollars in 2008 to 8.575 bln. dollars in September, 2015, that is 78 % (National Bank of Kazakhstan).

From 2008-2015 there were significant negative changes among main indicators of a banking system of RK. So, for the studied period these indicators decreased considerably and for January 1, 2015 amounted into the following values: the ratio of assets to GDP reached the level of 54.8 %; the ratio of the credits to GDP – 36.4 %, the ratio of deposits to GDP – 36.2 %. The increase in bank assets growth is generally provided with consumer crediting which volume grew by 130 % since the beginning of 2011 that is connected mainly with banks short-term funding.

Reduction of banking sector assets in relation to GDP by one third for the considered period speaks about noticeable decrease of banks in economy of Kazakhstan. Decrease in banks assets, and also in issued credits in relation to GDP for several years slowed down the economic growth of the country. So, for the end of 2015 the volume index of GDP decreased and numbered 101.2 %.

Stability of the banking sector is characterized by the following indicators' value: capital sufficiency coefficients, liquidity, highly liquid assets share, banking sector profitability indicators.

In general, for the end of 2015 the state of capital sufficiency in the banking system of RK does not cause serious fears. Standard average value is at rather high level, but at the same time, capital distribution is not uniform, and the recapitalization is needed for certain banks in the banking system.

The Kazakhstan banking sector' liquidity state since the end of 2011 slightly worsened, dynamics of liquidity coefficient change shows their compliance to standard indicators, but there was observed the decrease in separate indicators in 2012-2014 in relation to 2011. In 2015, the banking sector liquidity is being stabilized at the low levels. So, quick ratio coefficient up to 1 month increased by 17 points, quick ratio coefficient up to 7 days increased by 46 points in relation to previous year. Stable growth of a banks clients' deposit base continues to remain the main source of banking sector liquidity, however, in the conditions of increasing economic demand for credit resources banks lack for long-term funding and as a result it leads to the deficiency of long-term liquidity.

According to the results of financial activity for the considered period, the banking sector is in a positive zone. Dynamics of profitability of the banking sector of RK shows the income growth of the banking sector in an absolute value, however relative indicators of profitability evidence about the decrease in efficiency of using their own capital by banks and about assets profitability reduction.

Results of the analysis showed that today there are the following problems in ensuring banking system stability in the Republic of Kazakhstan:

- insignificant banks assets and credit portfolio growth because of weak economic activity of the enterprises and their inability to qualitatively serve credit obligations;
- external sources of funding for the Kazakhstan banks are limited, and the resources of domestic market are not enough. For the analyzed period domestic market became the main source of credit resources for domestic banks;
- the deposit base of banks remains unstable though during recent years there was observed a significant growth in population deposits, due to the increase of the maximum amount of deposits compensation by Deposit insurance fund;
- credit portfolio poor quality of second level banks, high specific weight of hopeless assets of banks in their general structure;
- overdue arrears and reserves growth reduce the banks' capital that limits the possibility of crediting and causes noncompliance with the capital sufficiency standard;
- low liquidity of the Kazakhstan financial instruments;
- insufficiency and inefficient use of funding means;
- lack of effectiveness of risk management system.

Besides, the increase in share of idle loans, non-optimal assets structure and insufficient level of domestic banks funding can cause sharp recession of real level of banks' profitability.

The problem of ensuring financial stability of the banking system causes the solution of a complex of tasks: increasing of level of capitalization and quality of assets of bank, formation of conditions of injection of a banking capital in real economy, availability of long-term sources of funding of banks.

The offered measures are urged to solve some structural problems, typical for the Kazakhstan banking sector, and to provide to the regulator and participants of the financial market necessary conditions and effective tools of ensuring financial stability.

REFERENCES

1. Basel Committee on Banking Supervision. Consultative Document: Principles for effective risk data aggregation and risk reporting. June 2012. – URL : www.bis.org.
2. Current state of the banking sector of RK for December 1, 2015. – National Bank of Kazakhstan.
3. Eskindarov, M. A. Russian financial system stability: assessment indicators and criteria / M. A. Eskindarov // «Bulletin of Financial University». – № 2 (68), 2012. – P. 8–19.
4. Lu, W. Stress Testing of Commercial Banks' Exposure to Credit Risk: A Study Based on Write-off Nonperforming Loans / W. Lu, Zh. Yang // Asian Social Science. – 2012. – Vol. 8, No. 10.
5. Payment balance and external debt of the Republic of Kazakhstan for December 1, 2015. – National Bank of Kazakhstan.

6. Stability of a banking system and development of bank policy: monograph / team of authors; edited by. O. I. Lavrushina. – М. : KNORUS, 2014. – 280 p.
7. The Financial Sector Assessment Program // International Monetary Fund. – URL : imf.org/external/np/fsap/fsap.aspx (September 21, 2015).
8. The memorandum concerning financial stability between the Government of RK and National Bank of Kazakhstan. – URL : <http://www.nationalbank.kz>.
9. The project of the Concept of development of financial sector of RK till 2030 (financial concept 2030). – URL : www.nationalbank.kz.
10. The report on financial stability of Kazakhstan for 2014. – URL : www.nationalbank.kz.

Материал поступил в редакцию 09.01.17.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

А.Ж. Мусина¹, Ю.А. Дерябин², К.Е. Рябиков³

¹ кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, ^{2,3} аспирант

¹ Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Казахстан

^{2,3} Омский государственный университет путей сообщения, Россия

***Аннотация.** В статье проведен анализ устойчивости банковской системы Республики Казахстан и факторов, определяющих его на основе макропруденциального подхода. В этом направлении предлагается решение проблемы кредитов, таких как просроченные, рекапитализация банковской системы, расширение ресурсной базы внутренних банков, улучшение отношений между заемщиками и кредиторами, улучшение управления рисками банков.*

***Ключевые слова:** банковская система, финансовая стабильность банковской системы, управление рисками.*

УДК 004.05 + 001.895

ВЫБОР ВИДА ИНТЕГРАЛЬНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ ДЛЯ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ИННОВАЦИОННЫХ ПРОГРАММНЫХ ПРОЕКТОВ *

Т.В. Стебеньева¹, Л.Ю. Лазарева², Т.С. Ларина³

¹ кандидат экономических наук, ведущий специалист,

² кандидат технических наук, ведущий специалист, ³ научный сотрудник

АНО ДПО Институт международных стандартов учета и управления (Москва), Россия

***Аннотация.** В работе установлено, что при внедрении в управление производственной деятельностью различных организаций и предприятий информационных систем, технологий и инновационных программных проектов в первую очередь необходимо уделять пристальное внимание качеству их разработки. Для оценки качества указанных выше информационных продуктов могут применяться разного рода экспертные системы, использующие для получения результирующего значения расчетные величины интегрального показателя экспертной оценки качества. В статье приведен ряд возможных представлений интегрального показателя экспертной оценки качества и формул для определения его расчетной величины, выбор которых осуществляется в зависимости от наличия ограничений, накладываемых на групповые агрегируемые показатели качества в соответствии с требованиями пользователей или заказчиков разработки указанных информационных продуктов.*

***Ключевые слова:** инновационные программные проекты, оценка качества, состав требований, частные показатели, интегральный показатель.*

Введение

В настоящее время наблюдается стремительный рост числа организаций и предприятий, активно применяющих в системах управления своей производственной деятельностью различные информационные системы, технологии и инновационных программных проектов (ИПП). Однако у этого вопроса имеются две стороны. Во-первых, применение адекватных их производственной деятельности информационных продуктов позволяет получать дополнительные конкурентные преимущества на рынке. Во-вторых, внедрение в производственную деятельность не адаптированных к ней информационных продуктов нередко приводит к ухудшению результатов. Указанные обстоятельства можно объяснить большим количеством причин, но наиболее значимой из них является низкое качество информационных систем, технологий и ИПП [1, 3, 5, 7].

Сам по себе процесс разработки высококачественных ИПП достаточно сложен в связи с необходимостью переработки все возрастающих объемов информации, а также с многообразием разного рода требований, предъявляемых к показателям качества и характеристикам свойств такого рода продуктов. С учетом данных обстоятельств резко повышается важность применения формализованных методов для определения качества разработки информационных продуктов вообще и современных ИПП в частности.

Для повышения уровня формализации установлен набор требований и состав характеристик и подхарактеристик показателей качества ИПП, которые достаточно подробно описываются моделями оценки качества, принятыми в стандарте ISO/IEC 25010:2011 Systems and software engineering – Systems and software Quality Requirements and Evaluation (SQuaRE) – System and software quality models [9]. Его аналогом в России стал ГОСТ Р ИСО/МЭК 25010-2015. Информационные технологии. Системная и программная инженерия. Требования и оценка качества систем и программного обеспечения (SQuaRE). Модели качества систем и программных продуктов [2].

Однако нас в данной статье будет интересовать выбор возможных видов и форм представления интегрального показателя экспертной оценки качества ИПП, расчетное значение которого позволит сделать вывод о целесообразности его использования в производственной деятельности конкретного предприятия или организации.

Основная часть

Возможность представления интегрального показателя экспертной оценки качества инновационных программных проектов (ИПП) в конкретной форме определяется числом ограничений, накладываемых по требованиям пользователей или заказчиков их разработки на групповые агрегируемые показатели. Обычно такие ограничения формулируются в виде условий, которым должны соответствовать агрегируемые показатели. Среди наиболее важных и значимых необходимо отметить условия существования и непрерывности показателей, а также условия их независимости по приращению и по предпочтению.

В том случае, когда выполняются условия существования и непрерывности агрегируемых показателей, интегральный показатель экспертной оценки качества ИПП (IP) может быть представлен в нормальном виде по формуле:

$$IP(p) = \sum_{i=1}^n p_i(P^{(i)}) \quad (1)$$

где $P^{(i)} = (p_1, \dots, p_i)$ – вектор, содержащий только первые i из общего числа n показателей p .

В том случае, когда набор частных агрегируемых показателей дополнительно к условиям существования и непрерывности удовлетворяет условию независимости по приращению, интегральный показатель экспертной оценки качества ИПП может быть представлен в мультиаддитивной форме [4].

Для выполнения условия независимости по приращению вводится специальный вектор $P_{(i-)} = (p_1, \dots, p_{i-1}, p_{i+1}, \dots, p_n)$, не содержащий i -ой компоненты. Показатель p_i не зависит по приращению от остальных агрегируемых показателей, если отношения предпочтительности между приращениями этого показателя не зависят от того, на каком уровне определены фиксированные значения компонент вектора $P_{(i-)}$. Выполнение этого условия может быть проверено через установление отношений предпочтительности лицом, принимающим решения (ЛПР), между одним и тем же приращением Δp_i показателя p_i при различных значениях вектора $P_{(i-)}$. Если принятое ЛПР отношение предпочтительности к приращению Δp_i показателя p_i сохраняется при любых значениях $P_{(i-)}$, то при любых значениях остальных частных агрегируемых показателей рост показателя p_i остается равножелательным, что соответствует выполнению условия независимости показателя p_i по приращению.

Если условие независимости по приращению выполняется для всех частных агрегируемых показателей p_i ($i = 1, n$), то интегральный показатель экспертной оценки качества ИПП может быть представлен в мультиаддитивном виде по формуле:

$$IP(p) = \sum_{k=1}^n \prod_{i=1}^k \mu_i(y_i(p_i)) \quad (2)$$

где $P = (p_1, p_2, \dots, p_n)$ – вектор частных агрегируемых показателей; μ – соответствующая комбинация частных агрегируемых показателей $y_i(p_i)$; $k=1, n$; $i=1, k$ – размерность выборки исследуемых частных агрегируемых показателей $y_i(p_i)$.

Исходя из формулы (2) видно, что представление интегрального показателя экспертной оценки качества ИПП в мультиаддитивной форме есть не что иное как комбинация из n функций одной переменной, которые значительно проще находить, чем при наличии функций многих переменных.

Как было отмечено ранее, последующее упрощение вида представления интегрального показателя экспертной оценки качества ИПП может быть достигнуто только при выполнении условия независимости показателя p_i по предпочтению. Его сущность заключается в следующем. Утверждение о том, что для пары частных агрегируемых показателей (p_i, p_j) выполняется условие независимости по предпочтению от остального набора показателей $p_{(i,j-)} = (p_1, \dots, p_{i-1}, p_{i+1}, \dots, p_{j-1}, p_{j+1}, \dots, p_n)$ верно в том случае, если отношение предпочтительности, установленное между векторами $P' = (P'_i, P'_j, P_{(i,j-)})$ и $P'' = (P''_i, P''_j, P_{(i,j-)})$ не зависит от уровней, на которых определены фиксированные значения показателей $p_{(i,j-)}$. В общей теории математических вычислений считается доказанным утверждение о том, что, при определении отношения предпочтительности только для пары показателей p_i и p_j , эти отношения предпочтительности можно распространить на все множество рассматриваемых частных агрегируемых показателей [4]. Таким образом, при выполнении условия независимости по предпочтительности на всем множестве рассматриваемых частных агрегируемых показателей, интегральный показатель экспертной оценки качества ИПП может быть представлен в простом аддитивном виде по формуле:

$$IP(p_n) = \sum_{i=1}^n y_i(p_i) \quad (3)$$

Поскольку интегральные показатели экспертной оценки качества ИПП, получаемые один из другого с помощью монотонных преобразований некой совокупности частных агрегируемых показателей, принято считать эквивалентными, то аддитивному виду представления интегрального показателя экспертной оценки качества ИПП будут эквивалентны следующие формулы его выражения:

– формула для мультипликативного показателя:

$$IP(p_n) = \prod_{i=1}^n y_i(p_i) \quad (4)$$

– формула для нормированного аддитивного показателя:

$$IP(p_n) = \sum_{i=1}^n k_i y_i(p_i) \quad (5)$$

где

$$\sum_{i=1}^n k_i = 1 \text{ и } k_i \geq 0 \text{ для всех } i = 1, n \quad (6)$$

Напомним, что исходной предпосылкой наших исследований было обоснование использования для оценки частных агрегируемых показателей такого вида функций, которые удовлетворяют условиям существования и непрерывности, следовательно, и отображаемые этими функциями частные агрегируемые показатели также удовлетворяют этим условиям. Указанное обстоятельство позволяет нам представлять интегральный показатель экспертной оценки качества ИПП в нормальной форме (1). Представление интегрального показателя экспертной оценки качества ИПП в других представленных выше формах возможно только в случае выполнения условий независимости на множестве частных агрегируемых показателей качества [6, 8, 10].

Для подтверждения гипотезы о независимости частных агрегируемых показателей качества был проведен натурный эксперимент, в ходе которого проверялось выполнение условия независимости для каждой пары частных агрегируемых показателей качества $y_i(p_i), y_j(p_j)$ для $i, j = 1, n$ от остальной совокупности этих показателей. В результате проведения эксперимента было установлено, что число n частных агрегируемых показателей для различных вариантов экспертной оценки качества ИПП различно и находится в пределах от 30 до 50. Тогда общее число проверок R независимости всех элементов множества $\{p_n\}$ может быть найдено, как:

$$R = \binom{n}{2} = \frac{n!}{(n-2)! \times 2!} \quad (7)$$

где $\binom{n}{2}$ – количество сочетаний по 2 из n частных агрегируемых показателей.

Одновременно с этим было установлено, что необходимое число R проверок в рамках одного эксперимента осуществить невозможно в виду экспоненциального роста значения $R(n)$ согласно (7). Кроме того, даже использование средств автоматизации не обеспечивает полной проверки независимости всех элементов множества $\{p_n\}$ за короткий промежуток времени из-за сложности каждой проверки в сочетании с экспоненциальным характером временной сложности общего алгоритма организации их проведения.

Вместе с тем, в ходе проведения эксперимента нами был установлен факт наличия независимости между отдельными свойствами нескольких частных агрегируемых показателей. При этом для ряда случайно выбранных частных агрегируемых показателей p_i и p_j была определена предпочтительность наличия прироста общего качества для различных уровней случайно выбранных частных агрегируемых показателей p_i и p_j в пределах всего диапазона возможных изменений их расчетных значений. Полученные в результате этого эксперимента расчетные значения подтвердили гипотезу о независимости частных агрегируемых показателей качества ИПП путем проведения опытного эксперимента с использованием конкретных расчетных процедур квалиметрического оценивания. В соответствии с известными положениями теории эффективности в случае подтверждения факта независимости для части показателей некоторого множества, можно распространить выполнение условия независимости на все множество рассматриваемых показателей. На этом основании можно сделать вывод о том, что в случае экспериментального подтверждения независимости любых двух случайно выбранных частных агрегируемых показателей p_i и p_j интегральный показатель экспертной оценки качества ИПП может быть представлен в виде нормированного аддитивного показателя по формуле (5).

Вместе с тем, при оценке разных видов ИПП, учитывая, что входная информация обычно выражается в виде функции $y_i(p_i)$ и при проведении расчетов представляет собой конкретное число на отрезке $(0,9) \in \mathfrak{R}$, принято интегральный показатель экспертной оценки качества ИПП (5) рассматривать как один из частных видов аддитивного показателя, а именно – интегральный показатель линейной формы, который может быть выражен формулой:

$$IP(p_{n\rho}) = \sum_{i=1}^n k_i y_i \quad (8)$$

Однако, учитывая критическую значимость частных агрегируемых показателей качества ИПП, более целесообразным представляется использовать синтезируемый вид интегрального показателя экспертной оценки качества ИПП в мультипликативно-аддитивной форме:

$$IP(p) = \prod_{q=1}^n k_q \left(\sum_{i=1}^q \bar{k}_i y_i(p_i) \right)_q \quad (9)$$

Определение коэффициентов k_q интегрального показателя экспертной оценки качества ИПП вида (9) осуществляется в рамках процедуры оценки значимости частных агрегируемых показателей качества. Однако по отношению к данной процедуре первоначальной будет процедура декомпозиции интегрального показателя экспертной оценки качества ИПП в форме построения иерархической сети показателей. Поскольку ее детальное описание требует достаточно много места, то данный вопрос нами вынесен за пределы настоящей статьи и будет освещен в полном объеме в другой работе.

Заключение

Таким образом, в ходе проведенных исследований нами было выявлена необходимость определения качества разработки информационных систем, технологий и ИПП, используемых для управления производственной деятельностью в различных организациях и предприятиях. Для оценки качества указанных выше информационных продуктов могут применяться разного рода экспертные системы, использующие в качестве результирующего значения расчетные величины интегрального показателя экспертной оценки качества. В статье обобщен примерный состав возможных представлений интегрального показателя экспертной оценки качества и формул для определения его расчетной величины, выбор которых осуществляется в зависимости от наличия ограничений, накладываемых на групповые агрегируемые показатели качества в соответствии с требованиями пользователей или заказчиков разработки указанных информационных продуктов.

** Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №15-06-00044а «Развитие методологии экспертизы результатов поисковых научных исследований для проектов создания инновационной продукции, услуг и технологий: экономические методы, модели, инструментарий и алгоритмы обработки информации»*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбаченко, И.М. Оценка качества программного обеспечения для создания систем тестирования / И.М. Горбаченко // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 6-4. – С. 823-827 [Электронный ресурс]. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31642> (дата обращения: 20.12.2016).
2. ГОСТ Р ИСО/МЭК 25010-2015. Информационные технологии. Системная и программная инженерия. Требования и оценка качества систем и программного обеспечения (SQuaRE). Модели качества систем и программных продуктов.
3. Джеймс, Р. Управление качеством / Р. Джеймс. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 637 с.
4. Дивин, А.Г. Методы и средства измерений, испытаний и контроля: учебное пособие. В 5 ч. / А.Г. Дивин, С.В. Пономарев. – Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2011. – Ч.1. – 104 с.
5. Исаев, Г.Н. Моделирование оценки качества информационных систем / Г.Н. Исаев. – М.: ИМСГС, 2006. – 230 с.
6. Липаев, В.В. Качество программных средств / В.В. Липаев. – М.: Янус-К, 2002. – 400 с.
7. Нестеров, А.В. Основы экспертно-исследовательской деятельности / А.В. Нестеров. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2009. – 163 с.
8. Стебеньева, Т.В. Выбор показателей для экспертной оценки качества инновационных программных продуктов / Т.В. Стебеньева, Л.Ю. Лазарева, Т.С. Ларина // Альманах современной науки и образования. – 2015. – №4(94). – С. 129-132.
9. ISO/IEC 9126-1:2001. Software engineering – Software product quality – Part 1: Quality model.
10. Fitzpatrick, R. Software Quality: Definitions and Strategic Issues / R. Fitzpatrick. – Staffordshire University, School of Computing Report, 1996. – 34 p.

Материал поступил в редакцию 21.12.16.

**SELECTION OF THE INTEGRAL INDEX FOR PEER REVIEW
OF INNOVATIVE SOFTWARE PROJECTS' QUALITY**

T.V. Stebenyayeva¹, L.Yu. Lazareva², T.S. Larina³

¹ Candidate of Economic Sciences, Leading Specialist,

² Candidate of Technical Sciences, Leading Specialist, ³ Researcher
Institute of International Accounting Standards and Control (Moscow), Russia

Abstract. *In this paper, it was found out that the introduction of information systems, technologies and innovative software projects in the management of production activities of the various organizations and enterprises first of all needs careful attention to the quality of their development. For the assessment of information products' quality mentioned above we can use various expert systems, using as the final value the calculated values of the integral index of peer review of quality. This article presents several possible representations of the integral index of quality peer review and the formulas for the determination of its estimated value, the choice of which depends on the presence of constraints imposed on the group aggregated quality indicators in accordance with the requirements of users and the development of these information products customers.*

Keywords: *innovative software projects, quality assurance, requirements composition, private performance, integral index.*

Jurisprudence
Юридические науки

УДК 342.41

**ПЕРВАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ВРЕМЕННАЯ
КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ ИРАК 1958 ГОДА**

Али Джихад Аммар Раад Али Джихад, юрист факультета бизнеса и экономики,
магистрант 261 группы юридического факультета
Нахраинский университет (Багдад), Ирак

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются предпосылки принятия первой Конституции Ирака 1958 года, установившей республиканскую форму правления, основные положения данной Конституции, ее особенности, систему органов власти, действующую в данный период, основные права и свободы граждан новой республики, юридическая судьба данного конституционного акта. Также дается юридический анализ конституционных положений, их сравнительная характеристика с монархической конституцией Ирака 1925 года.*

***Ключевые слова:** конституция, форма правления, система органов государственной власти, права человека.*

Революция, произошедшая в Ираке 14 июля 1958 года, покончила с монархией, которая управляла Ираком 37 лет. В первых же революционных актах было объявлено о создании Первой Иракской республики и Первой республиканской Конституции 1958 года, которая должна была подтвердить легитимность, как позиционировалось, пришедшего к власти правительства народа, действующего в его интересах. С этого момента Ирак стал именоваться Иракской Республикой, а власть передавалась временному Совету, в ожидании народного референдума по выборам президента¹.

Проект Конституции 1958 года основывался на Египетской конституционной декларации 1953 года и Конституции Египта 1956 года, а также на временной Конституции Объединенной Арабской Республики, изданной в марте 1958 года. Иракский кабинет министров одобрил проект Конституции, который готовился всего лишь в течении двух дней. В заявлении об одобрении говорилось: «Новой власти стало явно, что прежний режим был основан на политической коррупции, когда власть перешла в руки некоторым персонам, управляющим страной вопреки воле большинства, не во благо народа. Их целью было личное обогащение, защита интересов империализма и реализация своих планов».

Конституцию Иракской Республики 1958 года можно вполне оценить как классический пример Основного закона страны, созданного в революционный период и носившего временный характер.

Среди особенностей данного Конституционного акта можно назвать:

- предельную лаконичность (текст Основного закона Ирака 1958 года) содержал всего 30 статей.
- установлена республиканская форма правления, в первой главе закреплялось, что «Иракское государство – это суверенная республика, с независимой властью».
- устанавливался демократический политический режим. В седьмой главе отмечалось «Народ – это источник всех властей».
- был утвержден новый курс развития Ирака, устанавливалось, что «Ирак – часть рабской нации».

Конституция Ирака 1958 года устанавливала следующую систему органов государственной власти: власть была сосредоточена в руках двух ведомств, это Государственный Совет и Совет министров². В состав Государственного Совета Ирака входили руководитель и два члена. Совет Министров состоял из председателя – премьер-министра и нескольких членов. Первый из сформированных Советов состоял из председателя и двенадцати министров. Пробелом Конституции Ирака 1958 года можно считать тот факт, что она не определила минимальное число министров, входящих в Совет. Кроме того, что Конституция Ирака 1958 года не закрепляет способ избирания ни членов Государственного Совета, ни членов Совета Министров.

Совет Министров наделялся законодательными полномочиями. Однако эти его полномочия ограничивались необходимостью утверждения законопроектов Государственным Советом Ирака. Согласно тексту статьи 21 Конституции, «Совет Министров ответственен за законодательную власть, с одобрением Государственного Совета».

Представляется, что данная норма являлась не полноценной, поскольку она не указывала на правовые последствия в случае отказа Государственного Совета от одобрения законопроектов Совета Министров.

Считается, что Совет министров в то время – это де-факто управляющий страной орган, поскольку он, по сути, руководил и законодательной, и исполнительной властью в стране. Поэтому Конституцию Ирака 1958 года нельзя назвать истинно демократическим актом, поскольку идеи демократии и разделения властей не нашли в ней реального воплощения. Все стало зависеть от воли премьер-министра, руководящего законодательной и исполнительной властью с подчиненным Государственным Советом³.

Тем не менее, Конституция Ирака 1958 года закрепляла и основные права и свободы граждан новой Арабской республики. Во второй главе были гарантированы следующие права и свободы:

- право на жизнь. Было впервые закреплено на уровне Основного закона Ирака. В Иракской конституции 1925 года право на жизнь не упоминается.

- право на личную свободу: Конституция Ирака от 1958 года указывает на свободу личности, охрану и неприкосновенность⁴. Стоит отметить, что, в результате, личная свобода обеспечена каждому жителю Ирака. Не допускается задержание, принудительная смена места проживания или принуждение в помощи военным;

- право на неприкосновенность жилища;

- свобода передвижения и выбора места жительства;

- право на гражданство. В соответствии с данным конституционным положением были отменены те нормы Закона Ирака «О гражданстве» 1954 года, изданного в эпоху монархии, которые предусматривали возможность лишения гражданства.

В статье 11 Конституции Ирака 1958 года упоминалось о том, что права и свободы могут быть ограничены для общего блага, но в рамках закона.

Таким образом, Конституция Ирака 1958 года расширила некоторые права граждан Республики, по сравнению с монархической Конституцией 1925 года, а некоторые права, наоборот, менее раскрыты и расширены.

Так, в Конституции Ирака 1925 года была закреплена свобода почтовой переписки, которая не нашла свое отражение в республиканской Конституции Ирака.

Не содержал текст Основного закона и некоторых политических прав, в том числе право на демонстрации и митинги. Тем не менее, Закон о митингах и демонстрациях был принят вскоре в 1959 году. Он установил право на митинги и определил условия их проведения. Так, о митинге необходимо было уведомить власти за 48 часов до его проведения, с указанием организаторов, причин и места проведения. Власти в случае отказа должны были оповестить митингующих за 24 часа до начала мероприятия. Данное решение можно было оспорить в течении пяти суток со дня его вынесения.

В монархическом Ираке не существовало данного права, поэтому его закрепление стало достижением Республики и конституционным прогрессом.

Подытожив сказанное, стоит отметить, что, в целом, Конституция Ирака 1958 года не была Основным законом, принятым для иракского народа в целях улучшения его жизни, развития демократии и правопорядка.

Она отражала волю политических элит, силой захвативших власть в Ираке, была принята и работала в их интересах. Положения о правах человека носили в большей степени декларативный характер.

Тем не менее, она осталась в истории как первая Конституция Ирака, легитимирующая смену формы правления с монархической на республиканскую, закрепившуюся и оставшуюся в стране навсегда.

Концентрация власти в руках Совета министров и следование политике одного лидера, вызвали гнев народа и политиков, оказавшихся вне власти. 8 февраля 1963 года в Ираке произошла новая революция, Совет Министров был свергнут и власть перешла в руки другого государственного органа «Национального совета революционного командования»⁵.

Стоит отметить, что даже после падения режима Конституция Ирака 1958 года не подверглась моментальной замене. В нее вносились определенные изменения, инициированные Национальным Советом, который стал новым органом законодательной власти. Первыми подверглись изменениям статьи, закрепляющие систему органов государственной власти и их полномочия. Остальные положения Конституции Ирака 1958 года действовали вплоть до 29 апреля 1964 года, когда была принята новая Конституция Республики Ирак.

Примечания

¹ Доктор Джавад Кадхим. «Конституционный порядок в Ираке» / Доктор Джавад Кадхим, Салех Али Галиб, Шафик Абдул Раззак. – 1980. – С. 36.

² Мохаммед Хасан Аль-Зубайди. Революция 14 июля 1958 / Мохаммед Хасан Аль-Зубайди. – Багдад, 1981. – С. 77–91.

³ Хамид аль-Саади. Принципы конституционного права и развитие конституционного строя в Ираке / Хамид аль-Саади. – Издательство Дар Аль-Хикма для печати. – Мосул, 1990. – С. 159.

⁴ Азхар Абдул Карим Абдул Вахаб. Общественные права и свободы в иракских конституциях, Магистерская диссертация / Азхар Абдул Карим Абдул Вахаб. – Багдадский Университет, 1983. – С. 57.

⁵ Хамид аль-Саади, Принципы конституционного права и развитие конституционного строя в Ираке / Хамид аль-Саади. – Издательство Дар Аль-Хикма для печати. – Мосул, 1990. – С. 159.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азхар Абдул Карим Абдул Вахаб. Общественные права и свободы в иракских конституциях, Магистерская диссертация / Азхар Абдул Карим Абдул Вахаб. – Багдадский Университет, 1983.
2. Джавад Кадхим. Конституционный порядок в Ираке / Джавад Кадхим, Салех Али Галиб, Шафик Абдул Раззак. – 1980.
3. Мохаммед Хасан Аль-Зубайди. Революция 14 июля 1958 / Мохаммед Хасан Аль-Зубайди. – Багдад, 1981.
4. Хамид аль-Саади. Принципы конституционного права и развитие конституционного строя в Ираке / Хамид аль-Саади. – Издательство Дар Аль-Хикма для печати, Мосул, 1990.

Материал поступил в редакцию 20.12.16.

THE FIRST 1958 REPUBLICAN PROVISIONAL CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF IRAQ

Ali Jihad Ammar Raad Ali Jihad, lawyer of Business and Economics Faculty,
Master Student of 261 group of Juridical Faculty
Nahrain University (Baghdad), Iraq
Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Russia

Abstract. *In the article the prerequisites of adoption of the first Constitution of Iraq in 1958, which stated the republican government, the substantive provisions of this Constitution, its peculiarities, the regulatory body system, which acted in that period, the basic rights and freedoms of citizens of the new republic, the legal fate of this constitutional act are considered. The juridical analysis of constitutional provisions, their comparative characteristics with 1925 monarchic constitution of Iraq are also given.*

Keywords: *constitution, form of government, governmental authorities system, human rights.*

УДК 346.5

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КЛАСТЕРНОЙ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ БИЗНЕСА В РОССИИ

Д.И. Карташев, студент

Ростовский государственный университет путей сообщения (ФГБОУ ВО РГУПС) (Ростов-на-Дону), Россия

***Аннотация.** В статье затронуты правовые вопросы формирования и функционирования инновационных промышленных кластеров в России, в частности рассмотрен механизм их формирования, также проанализированы нормативные и ненормативные документы, посвященные процессу кластеризации. Обоснована необходимость переработки и дальнейшего развития законодательства, регулирующего деятельность кластеров, правоотношения внутри кластера и определяющего порядок их формирования.*

***Ключевые слова:** правовое регулирование, кластер, промышленный кластер, инновационный кластер.*

На сегодняшний день одной из приоритетных задач регионов является поддержка развития кластеров, служащих для повышения конкурентоспособности организаций, осуществляющих деятельность в одной экономической отрасли. «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р [3], определяет основные задачи, среди которых гос. содействие развитию кластеризации.

Создание кластеров также обусловлено наличием федеральных целевых программ в области поддержки инноваций, региональных программ, инвестиционных программ и иных форм содействия. Однако, правовое регулирование их деятельности, легальное определение, проработанные механизмы формирования, являющиеся условием успеха их формирования и развития не до конца определены как на федеральном, так и на региональных уровнях.

Обращаясь к типологии кластеров, условно выделяют промышленные, инновационные, туристические, образовательные кластеры. Кластер – некая формация, легальное определение которой впервые появилось в п.3 ст.2 Федерального закона от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [5]. В соответствии с ним, кластер – совокупность особых экономических зон одного типа или нескольких типов, которая определяется Правительством Российской Федерации и управление которой осуществляется одной управляющей компанией.

Однако, на наш взгляд, приведенная дефиниция не является исчерпывающей, поскольку не позволяет сформировать окончательное представление о сущности кластера, а лишь относит нас к подзаконным актам. Безусловно, это сделано для упрощения развития кластеризации. Тем не менее, кластер может объединять не только особые экономические зоны, также, кластером можно считать объединение субъектов экономической деятельности по территориальному, родовому или иному признаку.

В ходе ознакомления с иными ненормативными источниками, посвященными кластеризации, а именно: методическими рекомендациями по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации от 26.12.2008 г. № 20636-АК/Д19 [1], в соответствии с которыми, кластер – это объединение предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций, связанных отношениями территориальной близости и функциональной зависимости в сфере производства и реализации товаров и услуг, при этом кластеры могут размещаться на территории как одного, так и нескольких субъектов Российской Федерации, становится понятно, что в основном данное определение подходит для промышленных кластеров.

На первый взгляд может показаться, что кластер имеет общие черты с простым товариществом: двое или несколько лиц объединяют свои вклады и действуют совместно без образования юридического лица в целях извлечения прибыли. Субъектами простого товарищества, соответственно, являются индивидуальные предприниматели и коммерческие организации. Однако субъектами кластерных отношений могут являться и некоммерческие, а также государственные организации.

Анализируя соглашения о создании кластеров в различных отраслях, можно сделать вывод о том, что в структуре кластера всегда присутствует организация, занимающая центральное место, являющаяся ядром объединения. Она осуществляет координационную функцию. Зачастую ядром кластера является либо правительство субъекта, либо иные государственные учреждения, либо организации, созданные по инициативе администрации территориально-административного образования.

В Ростовской области координатором деятельности большинства кластеров является НП «ЕРЦИР РО» Единый региональный центр инновационного развития Ростовской области, учредителем которого является департамент инвестиций и предпринимательства Ростовской области. Непосредственная близость региональной администрации к кластерам говорит о ее заинтересованности в привлечении федеральных субсидий. Для промышленных кластеров существуют требования, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 31 июля 2015 г. №779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров» [2].

Данный документ содержит требования о наличии специализированной организации промышленного кластера, которая определяется как осуществляющая методическое, организационное, экспертно-аналитическое и информационное сопровождение развития промышленного кластера. Соответственно «ЕРЦИР РО» является таковой.

На примере Ростовской области, мы видим механизм формирования кластеров. В этой связи можно сделать вывод о том, что кластерная инициатива сосредоточена в руках правительства региона, что в свою очередь стимулирует появление региональных монополий. Однако Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ [6] не содержит информации о кластерах.

Иная проблема, на наш взгляд, подлежащая рассмотрению, касается внутренних отношений субъектов кластера, которые подлежат специальному нормативно-правовому регулированию. На сегодняшний день отношения между субъектами предпринимательской деятельности внутри кластера регулируются нормами гражданского права. На самом деле, с учетом специфики кластера как формы взаимодействия организаций, сохраняющих свою организационную самостоятельность, но преследующих общие цели в соответствии с заключенным соглашением, необходимо учитывать общность их целей и интересов. Также необходимо определить характер распределения гражданско-правовой ответственности между участниками кластера. И вопросы, связанные с имущественным правом, поскольку между участниками кластера могут возникать споры по поводу ненадлежащего исполнения обязательств, неисполнения обязательств. В этих вопросах руководствуются принципом дозвоительной направленности. На наш взгляд, решение этих вопросов возможно лишь посредством придания кластеру статуса организационно-правовой формы. Как отмечает Т.А. Скворцова, это позволит создать четкую систему, позволяющую определить состав хозяйствующих субъектов, входящих в кластер, что в свою очередь будет способствовать определению внутриорганизационных правоотношений [4, с. 86].

Кластеризация, будучи стимулятором развития экономики, безусловно важна для современной России. Однако для оптимизации процесса кластеризации необходимо развитие и расширение как федеральной, так и региональной законодательной базы, направленной на урегулирование вопросов формирования, развития и функционирования кластеров. Также актуальным является определение кластера как особой организационно-правовой формы и закрепление его в федеральном законодательстве. Все это поможет четко определить сущность кластера, привлечь к кластеризации большее число предпринимателей. При этом нужно помнить, что первоначальная кластерная инициатива исходила от государства.

По нашему мнению, в целях решения затронутых проблем понятие кластера должно быть закреплено в федеральном законодательстве следующей формулировкой: кластер – добровольное объединение двух и более юридических лиц, сохраняющих свою организационную самостоятельность, связанных территориальной близостью, функциональной зависимостью и общностью деятельности, созданное на принципах государственно-частного партнерства во исполнение законодательства в области инновационного и экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах РФ (подписаны заместителем Министра экономического развития Российской Федерации А.Н. Клепачем от 26.12.2008 г. № 20636-АК/Д19) // СПС «Консультант Плюс».
2. Постановление Правительства РФ от 31.07.2015 № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров» (ред. от 26 сентября 2016 г. № 963) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 05.08.2015.
3. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Российская газета. 03.01.2012.
4. Скворцова, Т.А. Кластерная модель развития экономики регионов/ Т.А. Скворцова // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2016. – № 3(19). – С. 84-88.
5. Федеральный закон от 22.07.2005 г. №116-ФЗ (ред. от 13.07.2015 № 213-ФЗ) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Российская газета. 27.07.2005.
6. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 03.07.2016 № 264-ФЗ) «О защите конкуренции» // Российская газета. 27.07.2006.

Материал поступил в редакцию 21.12.16.

LEGAL REGULATION OF CLUSTER MODEL OF BUSINESS ORGANIZATION IN RUSSIA

D.I. Kartashev, Student

Rostov State Transport University (Rostov-on-Don), Russia

Abstract. *In this article the issues of formation and functioning of innovative industrial clusters in Russia, in particular the mechanism of their formation, are considered, the normative and non-normative documents devoted to the clustering process are also analyzed. The need of processing and the further development of the legislation regulating activity of clusters, legal relations in a cluster and determining an order of their formation is proved.*

Keywords: *legal regulation, cluster, industrial cluster, innovative cluster.*

Philological sciences
Филологические науки

УДК 1751

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ ПОЭТИКА РОМАНА В. МАКАНИНА
«АНДЕГРАУНД, ИЛИ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»**

Аль Шувайли Хуссейн Али Кудхир, ассистент
Кафедра русского языка, факультет языков,
Багдадский университет, Ирак

***Аннотация.** В статье рассматривается интертекстуальная поэтика, имеющая ярко выраженный аллюзийно-реминисцентный характер. Устанавливаются внутритекстовые и внетекстовые диалогические связи с произведениями русских классиков. Анализируется сложная система двойников и антиподов. Уточняется позиция протагониста романа как Героя времени.*

***Ключевые слова:** двойник, писатель, интертекстуальность, андеграунд, жанровая уникальность, литературное пространство, постмодернизм, цитата, аллюзия.*

Одним из самых известных русских романов XX века мы по праву можем называть роман «Андеграунд, или Герой нашего времени» Владимира Маканина. Именно этот роман принес автору Государственную премию по литературе и всемирную известность. Роман, несомненно, продолжает традицию Героев эпохи, над созданием которых трудились Пушкин, Лермонтов, Толстой и Достоевский.

По мнению исследователей современной русской литературы, определяющей особенностью русской литературы конца XX века можно считать обращение к культурным текстам русской классики. Однако модель, которую зачастую используют современные авторы, существенно отличается от классических эстетических форм литературы. Постмодернизм современной русской литературы – это, прежде всего, осмысление, возврат к прошлому опыту мировой художественной практики. Нужно отметить, что для периода 1980-1990 гг. XX века характерна проблема традиций и новаторства, это переломный этап развития русского искусства.

В творчестве В. Маканина мы можем увидеть возврат к традициям гуманистического искусства. Обращение к русской классике помогает автору утвердить некую нравственную основу. А.М. Марченко, российский критик и литературовед, говоря о концепции личности в произведениях Маканина, отметила крайне важный момент для понимания творчества писателя, а именно связь героев автора с русской классической литературой. По мнению Марченко, писатель «умеет видеть коренное, вечное под обманчивым обликом сиюминутного»¹.

Именно этот аспект сближает творчество В. Маканина с прозой выдающихся русских классиков, таких как Достоевский Ф.М., Лермонтов М.Ю., Гоголь Н.В. По мнению литературоведа и критика К.А. Степаняна, роман В.С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» - это классический образец русского постмодернизма. Критик уточняет, что этот роман становится постмодернистским в результате того, что автор использует большое количество разнообразных цитат из русской и мировой литературы, относящейся к последним двум столетиям. В романе Маканина ирония не используется широко, происходит некая игра с авторским «я», герой переосмысливает знакомую читателю мысль Достоевского, заключающуюся в том, что «если нет Бога и бессмертия человека, то все позволено», в романе она получает другое значение. Заключение героя в романе обратное: «Если есть Бог, то все позволено». Степанян говорит о том, что: «Петрович не материалист, он признает существование Бога, но Бог для него где-то там, под закрытыми Небесами, непонятная, загадочная и страшная сила... Петрович специально подчеркивает, что не верит ни в какой «отчет», - тогда подсознательная уверенность в вечном существовании означает полную вседозволенность: все позволено в бесконечном перемещении по пространству-времени» [Аннинский, Л.А. Структура лабиринта: Владимир Маканин и литература «серединого» человека. Маканин В.С. Избранное/ М.: Советский писатель. 1987. С. 6].

Роман Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» написан в 1998 году, на сегодняшний день он остается самым значительным произведением писателя. Автор наделяет главного героя, Петровича, частью своих функций, оставив за ним свободу в пределах текста. Петрович становится не просто главным героем, а смысловым центром повествования. Реальность романа целиком и полностью зависит от взгляда и сознания главного героя. Роман отличает достаточно сложная система образов персонажей-двойников, сложность поэтики, необычность композиции, а также обилие аллюзий и реминисценций, так свойственных постмодернистской литературе.

Мы можем точно сказать, что уже название романа содержит несколько интертекстуальных ссылок.

Цитаты и аллюзии ставят роман Маканина в историко-культурный ряд. Рассматривая роман с позиции интертекстуальности, мы можем говорить о том, что первая часть названия имеет двойственный смысл. С одной стороны, андеграунд – это направление русской культуры, к которому обращается читатель через призму творчества Достоевского с его человеком из «подполья». Роман Маканина является своего рода продолжением «Записок из подполья» Достоевского. Главного героя романа Маканина – агешника Петровича [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 72], без сомнения, мы можем соотнести с прототипом Подпольного, который, по мнению Достоевского, является парадоксолистом.

Герой Маканина обладает противоречивыми мыслями, из которых вытекают его поступки, как и Подпольный, он болезненно самолюбив. Оба героя отвергают общепринятые идеологические и общественные принципы и образ жизни. Им чужды шаблоны мысли их современников, эти герои ценят превыше всех свободную волю. Герои стремятся во что бы то ни стало сохранить свое «я». В романе Маканина Петрович ради спасения своего «я» решает совершить убийство, размышляя таким образом: «Надо. Отступить некуда. Два с лишним десятилетия барабанил по клавиатуре машинки. Мое «я» <...> выбросить в угоду тому, что он тоже человек [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 365]

...вынянченное, выпестованное всей моей жизнью, он загубит мое – большее, чем я» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 366].

Герой Достоевского размышляет также подобным образом: «...глупейшее <...> может быть выгоднее всех выгод даже и в таком случае, если приносит нам явный вред <...>, потому что во всяком случае сохраняет нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность» [Достоевский Ф.М. *Полное собрание сочинений в 30 т.* — Т. 5. — Ленинград: Наука, 1973. — С. 115].

Читатель также обнаруживает интертекстуальную ссылку в неспособности обоих героев любить. Герой Маканина – экзистенциальный нигилист, он отказывается от всех существующих принципов истеблишмента [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 669]. Не признавая отчетности перед Богом, он считает, что его существование где-то далеко: «Он может наказать за убийство, а может и не наказать; про кого-то может забыть» [Степанян К. *Кризис слова на пороге свободы // Знамя*. — 1999. — № 8. — С. 207]. Петрович не верит, что за убийство придется ответить перед Богом: «Кто, собственно, спросит с меня – вот в чем вопрос. Бог?.. Нет и нет. Бог не спросит. Я не так воспитан. Я узнал о нем поздно, запоздало, я признаю его величие, его громадность, я даже могу сколько-то бояться Бога в темные мои минуты, но отчетности перед ним как таковой нет. Не верю в отчет [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 227]. Маканинский герой не раскаивается в совершенных убийствах, для него покаяние равносильно «распаду» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 387].

Однако, Достоевский доказывает читателю, что личностное спасение возможно благодаря вере в Бога: «причина подполья – уничтожение веры в общие правила. «Нет ничего святого». ... Трагизм подполья ... в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться! Что может поддерживать исправляющихся? Награда, вера? Награды – не от кого, веры – не в кого! Еще шаг отсюда, и вот крайний разврат, преступление (убийство)» [Достоевский Ф.М. *Полное собрание сочинений в 30 т.* — Т. 16. — Ленинград: Наука, 1976. — С. 329-330].

Маканин, являясь ярким представителем постмодернизма, стремится всеми силами оправдать героя-безбожника, в его представлении и общество является обезбоженным. Мы можем с уверенностью сказать, что роман Маканина не несет в себе воспитательной цели, в отличие от произведения Достоевского. По мнению Маканина: «Герой литературный не имеет к герою в жизни прямого отношения. <...> литературный герой — это тот инструмент, с помощью которого грядущие поколения будут открывать чердаки, комнаты и подвалы нашего времени» [Странная война Владимира Маканина: Интервью с Владимиром Маканиным [Электронный ресурс] // Новая литературная карта России: сайт. — URL: http://www.litkarta.ru/dossier/strangewarmakanin/dossier_2236/ (дата обращения: 10.04.2016)]. Таким образом, мы можем говорить о том, что автор стремился в своем романе как можно точнее отразить современность. Автор пишет в «Андеграунде...»: «Достоевский тоже ведь и нас побеждал словами. Но как только Ф.М., с последним словом, торжествовал победу, выяснялось, что он победил кого-то стороннего. Не меня» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 238].

Обращаясь ко второй части названия романа Маканина, мы видим прямую и явную интертекстуальную отсылку к произведению Лермонтова М.Ю. «Герой нашего времени». Заимствование автором заглавие романа Лермонтова мы можем рассматривать с двух позиций. С одной стороны, интертекстуальная отсылка к роману Лермонтова важна как символ классической русской литературы, в данном случае важна именно его хрестоматийность. Цель автора в данном случае – показать сложный процесс дискуссии классической и андеграундной культур. Можно сказать, что андеграундная культура вытесняет собой классическую литературу, андеграундное искусство приобретает статус классической отечественной культуры.

С другой стороны, интертекстуальная цитата, использованная Маканиным, необходима в качестве номинативного значения. Герой нашего времени в данном случае рассматривается как собирательный образ человека, с чертами, присущими для людей именно этой эпохи. Обращаясь к структуре повествования, мы можем сказать, что произведение Лермонтова значительно сложнее.

Нужно отметить, что жанровая специфика произведения Лермонтова для своего времени была необычной и новой. Жанровая уникальность романа заключается в сочетании черт реализма, романтизма и социально-

психологического романа, в его стилистике и построении. По мнению Белинского, роман «Герой нашего времени» – это целостное произведение, хотя оно и было составлено из отдельных повестей и рассказов». В русской литературе впервые были объединены социально-психологическая и нравственно-философская проблематика. Для раскрытия философско-психологической проблематики романа потребовался синтез повествовательных жанров. В романе были использованы такие жанры, как очерк, исповедь, путевые записки, новелла, психологическая и философская повесть, дневники. Ни один из вышеперечисленных жанров в отдельности не смог бы в достаточной мере объяснить противоречивую природу героя своего времени. Мы можем сказать, что первая часть романа, которой является повесть «Бэла», довольно близка по жанру к путевым запискам; «Максим Максимович» - рассказ; «Тамань» относится к романтическим новеллам с авантурным сюжетом, самая крупная часть романа «Княжна Мери» - это психологическая повесть, завершающая часть романа повесть «Фаталист» в которой раскрывается философская идея. «Журнал Печорина» - это своего рода дневник, который состоит из нескольких частей, в ней главный герой повествует о различных жизненных ситуациях, с которыми он столкнулся.

В романе Маканина пять частей, при этом необходимо отметить, что каждая из них – это законченная повесть. Мы полагаем, что Маканин в данном случае опирается на творчество Лермонтова. Русский литературовед, Эйхенбаум Б.М. обозначил подобное явление в литературе, как «цикл повестей, объединенных фигурой главного героя». В.С. Маканин так же, как и Лермонтов, расположил все части романа в определенной последовательности, используя подобный прием для постепенного ознакомления читателя с жизнью и личностью героя.

М.Ю. Лермонтов использует несколько рассказчиков, помимо Печорина. Мы можем определенно сказать, что автор стремится, используя такой прием, «изобразить» перед читателем максимально объективный образ «героя своего времени». В романе же Маканина образ героя предельно субъективен, такое впечатление складывается в результате того, что автор использует только речь Петровича.

Можно ли сравнивать Петровича и Печорина? Но в этом и заключается основная мысль автора отправляющего читателя мысленно к «герою нашего времени» 30-40-х годов XIX века. Герой романа Лермонтова имеет принципиальное отличие от главного героя Маканина. Их принципиальная разница заключается в степени свободы, которой их наделили авторы, но эта свобода находится в прямой зависимости от литературного статуса героев. Анализируя роман Маканина, мы можем говорить о том, что внутритекстовая степень свободы Петровича, несомненно, выше, чем у Печорина. Печорин относится к типичным героям классического романа, полностью подчиненному законам художественного произведения. Для Петровича в романе нет безвыходных ситуаций или практически нет, он с легкостью понимает мотивы поступков других персонажей, однако не всегда в состоянии их скорректировать.

В романе Лермонтова герой совершает достаточно большое количество разнообразных поступков, случайности в его жизни закономерны и необходимы для развития действий романа. События в романе Маканина вызваны исключительно желанием главного героя прожить судьбой другого человека. Герой Маканина вступает в диалог с «Другим», желая понять его, он стремится сам стать другим, насколько это возможно. Он отвергает все, что происходит в «бурном потоке жизни», предпочитая созерцательное существование. Именно созерцательное существование делает Петровича непосредственно личностью андеграунда. Как и Печорин, герой Маканина – лишний в окружающей его действительности. По мнению литературных критиков, герой романа Маканина – это «средний» человек, т.е. он обладает средним возрастом, имеет средние условия жизни, предъявляет средние требования к себе и к жизни.

Говоря о Печорине, мы можем говорить о его стальной воле, сильном характере, чувстве собственного достоинства, сам автор говорит о его «крепком сложении, способном переносить все трудности кочевой жизни», но и сам автор подмечает странность и противоречивость характера героя. Образ Печорина автор использует для общей характеристики целого поколения. Нужно отметить, что сам герой, в целом способный на сильные чувства, активно совершающий различные поступки, приносит окружающим его людям несчастье. Мы полагаем, что трагедия лермонтовского героя в том, что он желает делать добро, а приносит людям только зло.

Герои Лермонтова и Маканина не могут получить однозначную трактовку, в романах нет ответов на конкретные поставленные вопросы. Мы можем говорить о том, что авторы заложили в эти неоднозначности различный смысл. У М.Ю. Лермонтова главный герой рассматривается как образ «лишнего» человека, его противоречия с окружающим миром, окружающей действительностью так велики, что достигнуть гармонии невозможно. Главный герой В.С. Маканина воспринимается читателем как текст, состоящий из цитат, имеющих незавершенную природу, получающий новое значение, новое прочтение. Однако основным отличием главных героев этих романов можно считать их отношение к завершению жизни – смерти. Для персонажа Лермонтова смерть – это выход из мира и окружения, где он так и не нашел своего места, а для персонажа Маканина принципиально не существует смерти.

Маканин описывает в своем романе убийцу изнутри, он тщательно, во всех деталях прорабатывает психологический портрет, уделяя внимание душевному состоянию, его мотивам и ощущениям. Печорин не обрел не только своего места в мире, но и счастья, а Петрович в своем зыбком мире обрел счастье. Петрович не оставляет после себя ни рукописей, ни семьи, ни детей, ни имущества – только лишь два мертвых тела.

Герой, созданный Маканиным, не убийца по своей сути, убийства происходят практически случайно.

Также неожиданно он совершает второе убийство, его охватывает ужас: «неужели будет и третий труп – “не хочу убивать!» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. – С. 238].

Убийство можно считать логичным следствием жизненной позиции Петровича, однако он не предполагал, что сможет зайти так далеко. Мы полагаем, что автора в данном случае интересовала не психология убийцы, а механизмы изживания вины. По нашему мнению, тип человека – героя нашего времени – это не тип убийцы. Маканину важно в Петровиче совсем другое, ему важно чувство вины. Для героя это иррациональное чувство, причину и источник он осознает очень смутно. «Краткое ощущение Бога» слишком незначительно для того, чтобы оно приобрело некий религиозный смысл. Возможно, именно поэтому в романе вина предшествует преступлению, преступление же дает основание существованию вины.

Автор использует в книге удвоение сюжета с убийством, с покаянием и разоблачением. Дважды ставятся и вопросы, однако ответы даются противоположные. Маканин использует сюжет с Лесей Дмитриевной для того, чтобы показать, насколько процесс покаяния может быть омерзительным внешне, но тут же помещает героя в аналогичный сюжет, но уже в условия психиатрической больницы. В больнице немотивированное чувство вины используется для того, чтобы уничтожить человека как личность. «Покаяние» в романе используется в религиозном контексте, кроме того, автор дает понятие «метанои», сформулированное с изрядной долей иронии: «В покаянии-то не только утешение ищут – есть еще и подспудный охранительный смысл (вполне прагматический). Вот почему покаяние. Чтобы после двух раз не сорваться в третий, в пятый. Однажды где-то наследись... А покаешься – вроде как точку поставил. Все правильно. Все разумно. Очень даже продуманно. (И ведь скидку сделают.)» [См. Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 238].

Петрович появляется в храме не случайно: «Не скажу, что шаг за шагом прибило к верующим, меня попросту потянуло (сквозняками и голодом) к теплу московских церквушек, что на окраинах. <...> Пройдя в церковь, я грелся телом, грелся и умиротворенной душой, чтобы только пережить холодную осень, не дольше. Тактика неблагодарных» [См. Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 238]. Автор в данном случае показывает, что церковь – Бог, остались за пределами схемы «Свой-чужой», куда уже вписались гэбист-палач, врач и т.д. Убийственное покаяние и убийственная жалость в романе становятся смысловыми центрами романа, это уже видно с первых страниц, в этот же момент автор и читатель занимают позицию сторонних наблюдателей.

Маканин сосредоточен на создании или художественной реконструкции подсознания Петровича, в данном случае мы можем рассматривать «андеграунд» как подсознание общества. «Общажный» коллектив, описанный Маканиным, попадает как бы в сюрреалистическое пространство, оно маргинально и дополняется такими образами как психбольница, метро. Общага рассматривается автором как метафора мира, герой же существует в пространстве коридора. Пространство коридора служит неким связующим звеном между различными «мирами» романа, эта принадлежность героя к различным «мирам» и делает маканинского героя неоднозначным.

Убийства Петрович совершает только для утверждения собственного достоинства. В романе не существует хронологической последовательности событий, происходящих с героем, они все являются фрагментами переживаемого героем настоящего, выстраиваемые образы адресованы читателю. Другие персонажи романа, являясь обитателями огромной «общаги», составляют вместе с Петровичем образ «Героя нашего времени». Коллективное бессознательное, изображаемое Маканиным, испытывает жалость к падшим и ненависть к чужим, способность к состраданию и к хладнокровному убийству, в нем затаилась агрессия и жажда покаяния.

Для творчества Маканина герой романа «Андеграунд, или Герой нашего времени» нетрадиционен, большинство героев предшествующих произведений вписывались в существующий социум, что проявлялось через призму социальных категорий, которыми являются дом, семья, работа. Герои предыдущих произведений занимают среднее положение в обществе. «Обычность» или «срединность» - это главная отличительная черта персонажей Маканина. Однако Петрович, в отличие от других персонажей, маргинален и абсолютно асоциален. Он неработающий, практически бомж – это социальный андеграунд, этический же андеграунд заключается в убийстве, а культурный в том, что он – не написавший ни строки писатель. Автор относится особенно к своему герою, мы можем об этом говорить, исходя из текста. Однако в конце романа смысловой центр резко меняется, смещаясь с Петровича на другого героя – Венедикта Петровича.

Система персонажей романа подчеркивает неоднозначность маканинского героя. В романе представлены две группы персонажей: с одной стороны – это представители андеграунда, с другой стороны – жители общаги. Анализируя эти две группы, мы можем сказать, что мнимое противопоставление, возникающее на первый взгляд, исчезает и выявляются общие черты. Именно Петрович не просто находится на границе романских миров, но и тесно, неразрывно с ними связан. Любой из представителей романного пространства может рассматриваться читателем как двойник главного героя. Романские миры представлены автором как уходящие, остается только Петрович, в котором тесно переплелись и общага, и андеграунд. Он – единственный представитель тех исчезающих социумов, которые неразрывно с ним связаны. Петрович соединил в себе различные типы романного пространства, различные типы культур, что в конечном итоге лишило его целостности. По нашему мнению, деструкция героя была неизбежна. Герой Маканина разрушился, распался на отдельные черты многих культур, затем в пространстве художественной литературы восстановился. Он – единое целое, но его природа изменилась, он стал частью литературы, создаваясь из уже существующих текстов. Таким образом, мы уже

говорим о деконструкции героя. Другими словами, после деструкции наступила реконструкция, но его восстановление происходит не в прежнем пространстве, а в пространстве текста русской литературы.

Обращая свое внимание на роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», мы можем говорить о том, что это первый в русской прозе реалистический социально-психологический и нравственно-философский роман. Этот роман посвящен трагедии незаурядной личности, трагедии «героя нашего времени» 30-х годов XIX века. Лермонтов писал роман «Герой нашего времени», когда он как жанр в русской литературе еще не был сформирован окончательно. Мы должны отметить, что М.Ю. Лермонтов опирался в основном на опыт А.С. Пушкина, а также на западноевропейские литературные традиции. Влияние западноевропейских традиций отчетливо видно в чертах романтизма «Героя нашего времени». Однако роман, прежде всего, реалистичен, это заключается в постановке важнейших проблем современности, а также в создании образа «героя времени». Типичный представитель той эпохи – «лишний человек», автор стремится как можно точнее и психологически объективно изобразить и объяснить особенности натуры героя. Типичны и прочие персонажи романа. Лермонтов воссоздает взаимоотношения общества и личности во всей их многогранности, сложности и противоречивости. Окружающий мир, действительность главного героя, автором описан с разных точек зрения, разными типами быта.

В романе Маканина, в отличие от произведения Лермонтова, имеется как реально-географическое пространство, так и метафизическое. Рассматривая пространственную вертикаль, изображаемую автором, мы можем выделить два взаимозаменяемых уровня – «нижний» и «верхний». Верхний, практически не достижимый уровень – это литература, литературное пространство, практически безотносительно существующее вне времени, оно соотносимо с понятием «абсолют». Нижний уровень пространства романа – это андеграунд общества, культуры, социума. Такое построение пространственной модели романа еще сильнее подчеркивает маргинальность андеграундной культуры. Средний уровень занимает общага с ее жителями, наделенными коллективным сознанием, с их стереотипным представлением о жизни или способе жизни. Метафизическое уровневое пространство романа – это не только система уровней жизни, но и система уровней мысли, уровней бытия.

В осмыслении системы персонажей романа интертекстуальный анализ текста романа играет большую роль. Как мы уже и говорили ранее, роман отличается достаточно сложная система образов персонажей-двойников. Пространство романа насыщено персонажами, которые являются двойниками главного героя. Мы можем выделить трех наиболее значимых двойников. Эти персонажи относятся к разным уровням метафизического и реально-географического пространства, у каждого двойника имеется свое литературное имя. Несмотря на то, что их типы абсолютно разные, у них есть нечто общее объединяющее – это Петрович. Двойники играют большую роль в дополнении образа главного героя, объяснении его мыслей и поступков, авторского отношения к нему, они служат необходимым инструментом в прорисовке психологического портрета Петровича. Одним из персонажей-двойников Петровича, является Тетелин. Тетелин разительно отличается от главного героя во внутреннем сюжете, но значительно схож во внешнем. Оба героя – сторожа в общаге. Тетелин начинает подражать Петровичу, его походке, манере разговора и другим привычкам. Таким образом, образ Тетелина наполняется гипертрофированными чертами главного героя, которые он стремится вытеснить из себя. Именно внешнее сходство вызывает у Петровича презрение, брезгливое раздражение по отношению к своему «двойнику». Его «двойник» не стремится быть собой, его устраивает роль «двойника», отголоска главного героя. Тетелин актуализирует неприятные параллели Петровича.

Сюжет, посвященный преуспевающему писателю Зыкову – также возможный вариант «двойника» героя. Читателю сначала кажется, что героя и его двойника разделила судьба или случайность: «Злые языки говорили, что мы с Зыковым стоим друг друга и что вся разница наших судеб в случайности признания и непризнания. В том, что однажды после совместной пьянки я опохмелился, а он нет. Случились вдруг западные корреспонденты (тогда еще, при цензуре бегали за нами), они-то из нас двоих и выбрали для фото Зыкова как более изможденного ... меня, только-только опохмелившегося и благодушного, в газетах отвергли. (Зачем-де им счастливицы брежневской поры)... Западные газеты на какую-то неделю запестрели фотографиями изможденного, плохо выглядевшего Зыкова, а тут как раз перестройка – совпало! – и тот час его в параллели стали издавать и там, и здесь» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 437].

Мы не можем говорить, что именно этот сюжет объясняет выбор разных путей Петровичем и Зыковым. Однако мы можем предположить, что при других обстоятельствах судьба Петровича могла стать другой. Зыков – это представитель бывших «агэшников», которые на данный момент получили от власти свой «пряник». Зыков – это важный двойник-антипод главного героя, потому что он талантлив: «Злые языки говорили, что мы с Зыковым как прозаики стоим друг друга и что вся разница наших судеб в случайности признания и непризнания» [См. Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 437].

Петрович серьезно размышляет на тему того, что судьба Зыкова, который теперь успешно издает свои книги в России и за рубежом, могла бы стать его судьбой. Главного героя и его двойника связывает память о времени андеграунда, сохранив щепетильное отношение по поводу малейшей неприкосновенности к КГБ, к случайному доносу. Глава, посвященная Зыкову и его встрече с Петровичем, носит перекликающееся с «достоевским» название «Двойник». Однако двойник Петровича в данном случае является его полным антиподом, что объясняет отношение главного героя к собственному творчеству как писателя, его молчание.

Говоря о двойниках романа Маканина, мы должны отметить, что это возвращение к сходным, повторяющимся ситуациям – не новый прием, он неоднократно был использован в русской классической литературе

такими писателями, как Ф.М. Достоевский, М.Ю. Лермонтов. Например, в «Преступлении и наказании» главный герой – Раскольников, трижды встречаясь с Соней и со следователем Порфирием Петровичем, ведет с ними своего рода диалоги-поединки. В «Герое нашего времени» Лермонтов описывает повторную встречу Печорина и Максима Максимыча. Используемая в завершающей части романа, эта встреча важна для характеристики главного героя. Оба русских классика используют повторные сцены для прояснения позиции персонажа. Маканин, подобно русским классикам, использует параллельные сцены и персонажей-двойников для того, чтобы пояснить недосказанное, создать более полный образ героя, проникнуть в его сознание и подсознание. Двойники Маканина – это варианты судьбы главного героя, несостоявшиеся варианты его возможной жизни.

Одним из главных двойников Петровича, мы можем считать его брата Веню. У Вени, в отличие от брата, есть имя – он гениальный художник, сломленный государственным строем, советской системой. Веня «распался», был потерян в психушке. Веня описывается как человек редкой одаренности и смелости, он не боится высмеять следователя-гебиста. Именно из-за этого факта он и оказался «не столько в ловушке чьего-то доноса, сколько в ловушке своего собственного превосходства над людьми» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 137]. Веня не просто пойман, он находится в ловушке своего «Я». Петровичу недоступна та степень свободы, которую обретает его брат. История же брата воспринимается героем как вариант собственной жизни. Маканин, используя данного двойника-героя, дает интертекстуальную ссылку к поэме В.В. Ерофеева «Москва-Петушки», закрепляя тем самым за Венедиктом статус полноценного андеграундного мифа.

«Андеграунд, или Герой нашего времени» - это роман, пестрящий цитатами, он подчеркнуто интертекстуален – это завораживает. Параллели героев, параллели из знаковых текстов русской литературы создают атмосферу некой борьбы, классики и главного героя, русской литературы и повседневной жизни. Однако победа достается авторскому тексту Маканина. Русская литература, классика не способны справиться с реалиями сегодняшнего дня, они даже описать адекватно повседневность не в состоянии.

Сам автор комментировал отсылки в романе к текстам классической литературы и слово «андеграунд»: «Это только слово «андеграунд» как бы чужое, но реально это — подполье. У Достоевского были «Записки из подполья». Ценно само слово. Но слово было скомпрометировано, для меня, во всяком случае, для моего поколения. <...> Одно дело — пришел человек к такому же человеку андеграунда, как и я. А пришел подпольщик к подпольщику — это сразу вызвало бы ненужную комическую ситуацию. Поэтому эти переклички естественны. Они говорили не столько о желании открыть новую тему, сколько попытаться засветить эту перекличку с великой литературой XIX века» [Маканин Владимир. *Самое интересное — играть черными* [Электронный ресурс] // Телеканал «Культура»: сайт. — URL: <http://www.tvkultura.ru/news.html?id=142174>(дата обращения: 03.04.2016).].

Однако мы должны отметить, что «подполья» у Достоевского и Маканина разные. Так, у Достоевского «подполье» - это обратная сторона человеческой личности, его сущности и мысли, в которых герою стыдно признаться не только окружающим, но и себе. У Маканина «подполье» - это андеграунд социальный, своего рода «подсознание России» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 259]. Андеграунд рассматривается как культурное «подполье» - творческая интеллигенция, которая отказалась от участия в советском стиле управления искусством и литературой. Маканин описал в романе такое серьезное социально-политическое, мировоззренческое явление, как «подсознание общества» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 694]. Маканин описывает Зыкова как героя, который смог выйти из данного социального подполья. Он состоялся, он известен, он хочет «слыть хорошим для андеграунда» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 692]. Петрович продолжает оставаться «агэшником». Его не печатают, он не приобрел известность, маленький паучок – это единственное «живое существо, кого заинтересовали тексты» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 571]. Герой повсюду с собой таскает старую пишмашинку которая и придает ему статус писателя. Самая важная ценность для Петровича – сохранность своего «Я», чему он противопоставляет непризнание. Гордостью его является принадлежность к андеграунду.

По нашему мнению, основным приемом автора в организации повествования романа можно считать выбор главного героя, на которого автор возложил часть писательских полномочий. Таким образом, из главного героя Петрович превращается в соавтора, а его положение в тексте приобретает особый статус. Авторский статус главного героя романа подчеркивается и тем, что он сам по профессии писатель.

Однако Петрович ничего не пишет и не печатает, он сообщает о своем молчании читателю. Подобное положение влияет на отношение читателя к главному герою. Читатель не может однозначно воспринимать слова писателя, который бросил писать, но в то же время роман – это произведение в котором он является и писателем и действующим лицом. Результатом такого художественно-литературного приема можно считать корректировки текста, сделанные героем-автором, пространственные рассуждения о «сюжете». Со временем Петрович начинает несколько изменять сюжет, трансформируя окружающую его реальность. Главный герой – это не только «герой нашего времени», он стремится обладать особыми знаниями о своем времени. Стирается граница между реальной жизнью и художественной литературой, подчеркивая эту особенность произведения, автор насыщает и перенасыщает повествование главного героя разного рода интертекстами, сюжетами литературных произведений и сравнениями с ними.

По мнению литературоведов, Маканин не просто писатель, а рассудочный гроссмейстер от литературы. В этом романе ему удалось создать героев, полных жизни, они не марионетки автора, а живут по законам окружающей их действительности, совершая поступки по своему усмотрению. По нашему мнению, именно это делает роман «Андеграунд или герой нашего времени» одним из самых значительных текстов российской прозы рубежа веков. Маканин откровенно демонстрирует, не скрывая сделанность и условность текста, авторскую игру со временем, навязчивость мотивов, принципиально размывает границу между автором и героем-писателем, что создают потрясающий воображение читателя эффект. Мы должны отметить, что коллизии, происходящие в романе, абсолютно самодостаточны, интересны, помимо основной концепции романа. Именно этот аспект вызывает у читателя к героям романа «Андеграунд...» сочувствие – сострадание.

Несомненно, в романе есть как «объект», так и «субъект» сострадания, к ним относятся Петрович и его брат Веня. Благодаря образу Венедикта, автор дает возможность Петровичу проявить лучшие качества его души: искреннюю любовь к брату, лишённую зависти. Автор подчеркивает, что Петрович – «герой положительный», обладающий качествами хорошего человека. Образ Вени автор изобразил дважды, как бы составил из двух несопоставимых образов: гения за минуту до признания и тихого идиота. Оба образа представляют «положительно прекрасного человека». Основу личности Венедикта составляет легкость взгляда на жизнь, что, собственно, и делает его гением. Автор не предусмотрел переход от одного образа к другому, который должен быть осуществлен через покаяние. Петрович негативно относится к жалости и покаянию, с его точки зрения они ведут к распаду личности: «На жалость меня больше не подцепить – на бессмысленную, слезящую там и тут жалость. Меня не втиснуть в тот утренний троллейбус. И уже не вызвать сострадательного желания раствориться навсегда, навеки в тех, стоящих на остановке троллейбуса и курящих одну за одной, — в тех, кто лезет в потрескивающие троллейбусные двери и никак, с натугой, не может влезть» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 238].

Таким образом, роман, основу которого пронизывает жалость, доказывает всем своим существом, что жалость – это убийство личности, национального менталитета. Для Маканина этот вывод становится в некотором смысле универсальной категорией его художественного мира. Литературный критик И.Б. Роднянская рассуждает о причинах появления этой литературной категории: «Ужас и горечь жизни были всегда. Но не всегда их встречали, настолько разоружившись. Уместно будет диагностировать не рост Зла, а дефицит мужества, питаемого знанием Добра» [Роднянская И. *Сюжеты тревоги // Новый мир*. 1997. №4. — С. 205].

Подводя итог, мы можем сказать, что одним из самых эффективных художественных приемов, используемых Маканиным в романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» является размещение концептуально значимых смыслов художественного текста. Уже в названии романа автор представляет основные содержательные характеристики романа. Маканин подчеркнул парадоксальность главного героя соединив противоположные, но безусловно сильнейшие литературные традиции Лермонтова и Достоевского. Интертекстуальные связи, имеющиеся в названии романа и в эпиграфе, только усиливают глубинный смысл романа, дают ключ к пониманию его смысла. Продолжив тему классика XIX века, автор развивает тему «подполья» и «подпольного» человека. Однако мы должны отметить, что Маканин переосмыслил образ главного героя с позиции постмодернизма, создав современного героя – человека андеграунда. «Подпольный» человек Достоевского обречен на непреодолимое, принципиальное одиночество. Маканинский герой – агэшник Петрович относится к неконформистам с активной позицией, он человек общества, ему доступны все проявления общественной жизни. Перед нами предстает «подпольный» человек в современном прочтении. Маканин видит призвание писателя только в отображении современной действительности и ее пороков, в этом он сближается с постмодернистской философией. Мы полагаем, что роман «Андеграунд или герой нашего времени», не укладывается в какие-либо концепции, его невозможно толковать однозначно. Автор доказывает всеми возможными ему способами, что жалость убийственна, покаяние бесперспективно, он отрицает христианскую систему ценностей и метафизическую основу русской классической литературы. Автор, таким образом, дает возможность переосмысления, иного толкования для читателя. Жалость убийственна, но она позволяет главному герою сохранить истинную ценность – свое собственное «я». Кажется, что только современному человеку «все позволено», но и брату Венедикту «все позволено» потому, что он душевнобольной и не несет ответственности за свои поступки. Подобные выводы побуждают читателя задуматься, насколько образ такой свободы привлекателен. Соединение взаимоисключающих смыслов позволяет автору уйти от определенных ответов и от ответственности. Подобная авторская позиция, ее двойственность, своего рода «неоконченность» делает роман Маканина наполненным жизнью, а образы героев – живыми.

Примечание

¹ Марченко, А.М. Владимир Семенович Маканин. Запах своей тропы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннинский, Л. А. Структура лабиринта: Владимир Маканин и литература «серединого» человека. Маканин В. С. Избранное / Л. А. Аннинский. – М. : Советский писатель, 1987. – 206 с.
2. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 5. / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1973. – 408 с.
3. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 16. / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1976. – 440 с.
4. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1995. – № 1. – С. 97–124.
5. Маканин, В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени / В. С. Маканин. – М. : Эксмо, 2010. – 736 с.
6. Маканин, В. Самое интересное – играть черными / В. Маканин // Телеканал «Культура»: сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tvkultura.ru/news.html?id=142174> (дата обращения: 03.04.2016).
7. Роднянская, И. Сюжеты тревоги / И. Роднянская // Новый мир. – 1997. – №4. – С. 200–212.
8. Степанян, К. Кризис слова на пороге свободы / К. Степанян // Знамя. – 1999. – № 8. – С. 204–214.
9. Странная война Владимира Маканина: Интервью с Владимиром Маканиным // Новая литературная карта России: сайт. – [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.litkarta.ru/dossier/strangewarmakanin/dossier_2236/ (дата обращения: 10.04.2016).

Материал поступил в редакцию 28.12.16.

**INTERTEXTUAL POETICS OF THE NOVEL
“UNDERGROUND OR A HERO OF OUR TIME” BY V. MAKANIN**

Al-Shuwaili Hussein Ali Khudhair, Teaching Assistant
Department of the Russian Language, College of Languages,
Baghdad University, Iraq

Abstract. *The article deals with the intertextual poetics of significant referential and reminiscential character. The intratextual and non-textual dialogic connections with the works by the Russian classics are distinguished. The complex system of doubles and antipodes is analysed. The position of novel's agonist as a Hero of Time is determined.*

Keywords: *double, writer, intertextuality, underground, genre uniqueness, literary space, postmodernism, citation, reference.*

УДК 80

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ: КОНТЕНСИВНО-ФОРМАЛЬНАЯ ТАКСОНОМИЯ

Аль-Кадими Махмуд Гази Чаллюб, кандидат филологических наук, доцент
Факультет языков,
Багдадский университет, Ирак

Аннотация. В статье осуществлена контенсивно-формальная таксономия этнокультурных стереотипов с позиции В.В. Красных и Е. Бартминского; выяснена языковая сторона феномена «стереотип»; проанализировано соотношение стереотипа и его языкового знака с позиций когнитивной лингвистики; классифицированы этнокультурные стереотипы на основе оппозиции свой / чужой; реконструированы этнокультурные стереотипы по плану содержания и плану выражения; охарактеризованы и обнаружены семантические (топики), формальные (идиомы) и формально-семантические (формулы) типы этнокультурных стереотипов.

Ключевые слова: контенсивно-формальная таксономия, этнокультурный стереотип, оппозиция свой / чужой, план содержания, план выражения, топики, идиомы, формулы.

На современном этапе развития лингвистики феномен стереотипа оказался чрезвычайно востребованным в различных сферах гуманитарного знания, однако представители каждой из этих сфер выделяют в стереотипе те его свойства, которые важны с точки зрения своего направления и аспекта исследования. Конечно, лингвистика тоже присоединилась к разработке проблематики стереотипов (труды Е. Бартминского, А. Березович, В. Квастхофф, И. Кобозева, Л. Крысина и др.) и уже имеет определенные результаты в изучении собственно лингвистической природы стереотипных единиц. Как отмечает А. Белова, под стереотипами понимают «установленные конвенциональные семантические и / или формальные конструкции, которые формируют культурно-языковой образ объекта» [5, с. 13]. Такой вывод позволяет говорить о двух разных плоскости лингвистической классификации или шире типологической таксономии стереотипов: 1) *формальная* (фразеология, речевые клише, принципы сочетаемости в рамках языковой конструкции (стереотипного образования); 2) *семантическая* (смысловые коннотации языковых единиц, сопровождающие основное / по умолчанию) [4, с. 154].

Для лингвистической таксономии стереотипов чрезвычайно важны такие аспекты, как 1) стереотип и его языковой знак, 2) стереотип и значение слова с позиций когнитивной семантики, 3) когнитивная структура стереотипа, 4) стереотип как способ концептуализации действительности и языковые средства его вербализации. Именно эти вопросы остаются актуальными для систематизации стереотипов как языковых единиц, в основу которой должен быть положен их типологические таксономии – формальная и семантическая.

Для изучения же этнокультурных стереотипов актуальным является *этнолингвистический вектор*, согласно которому они рассматриваются как явления, принадлежащие «языке культуры», поэтому предметом анализа с этой точки зрения становится семантика знака в языке культуры (работы Т. Агапкиной, Е. Бартминского, Л. Виноградовой, М. и С. Толстых).

Необходимо отметить, что о роли «представителя культуры» и «опоры личности в диалоге культур» говорит В.А. Маслова [9, с. 108], предоставляя стереотипу таким образом этнокультурную окраску. Будучи, с одной стороны, упрощенным и схематичным представлением, которое характеризует действительность в простейшем виде, стереотип, отмечает исследовательница, выполняет чрезвычайно важную функцию: «служит основой менталитета народа, помогает личности ориентироваться в мире. Мировосприятие находится в плену языковой картины мира, которая становится для определенного этноса фундаментом для всех культурных стереотипов» [9, с. 111].

Как правило, *этнокультурные стереотипы* формируются как артефакты фольклорно-мифологического сознания и бытуют в системе традиционной культуры [5, с. 8]. Как справедливо утверждает А. Белова, *этнокультурный стереотип* – это не просто оценочный образ «чужого», которое закреплено в языке (номинативные модели, паремии), но и значимый концепт как обязательная составляющая картины мира. Для понятие этнокультурного стереотипа важна не только *языковая компетенция* (национально-культурный компонент значения слова), но и *прагматическая компетенция* (знание о мире, об окружающей действительности) [5, с. 12].

В народной культуре отношение к представителям других культур определяется понятием *этноцентризма*, когда свои традиции, своя религия, свои обычаи и свой язык воспринимаются как единственно правильные и настоящие. Эти осознание достигают, как уже выше упоминалось, фольклорно-мифологического толкования этнокультурных стереотипов, где образ чужого динамично развивался между двумя полюсами: 1) *отторжение* (любой представитель иноэтнической группы воспринимался как существо опасное и почти потусторонняя) и 2) *толерантность* (включение чужих в сферу традиционной обрядности, магических и религиозных практик), сочетая в себе, на первый взгляд, противоречивые и несовместимые характеристики. Но именно в этой полярности кроется уникальность всего комплекса представлений о чужих, отражающий и этноконфессиональную полемику, и «мифологию соседства» [5, с. 11].

Опираясь на этот оппозиционный принцип этноцентризма, то есть на критерий свой / чужой, считаем целесообразным сначала дифференцировать этнокультурные стереотипы на два когнитивно-контенсивных типа: 1) *этнокультурные автостереотипы* (как этнокультурная стереотипизация своего) и 2) *этнокультурные гетеростереотипы* (как этнокультурная стереотипизация чужого). Носители одной лингвокультуры пользуются категориями стереотипных представлений, чтобы сохранить многочисленное количество информации о представителях другого языка и культуры.

Так, например, Н. Лебедева, Т. Стефаненко – специалисты по этнической психологии, – изучавшие этнокультурные стереотипы в разный период времени, отмечают, что нации, которые относят себя к наиболее развитым экономическим странам, подчеркивают в себе такие качества, как *ум, предпринимательство*, а нации с экономикой отсталой – *доброту, искренность, гостеприимство*. В качестве примера приведем наблюдение С. Г. Тер-Минасовой, которая утверждает, что «в английском обществе больше ценят профессионализм, трудолюбие, ответственность, а в русском – гостеприимство, искренность, справедливость» [15, с. 255].

С целью подтверждения этих наблюдений или их опровержения, необходимо выполнить процедуру реконструкции этнокультурных стереотипов, то есть, прежде всего, выяснить собственно языковую сторону этого феномена, ведь восстановить архетипы как коллективное бессознательное, что, по нашему мнению, должны онтологическая природа в формировании стереотипных представлений носителей индоевропейских языков вообще и представителей конкретного европейского этноса и социума в частности можно только при условии раскрытия их лингвистической сущности как языковых знаков.

Язык облегчает познание мира, потому что сам мир, характеризуя концепцию лингвистического детерминизма, «уже обозначен определенными языковыми знаками, а новая реальность может получить имя на основе знака уже знакомой реальности по сходству, смежности, ассоциативно». *Стереотип в языке* – это, прежде всего, упрощенное, схематическое, обобщающее изображение определенной категории лиц (любой народности, профессии, возраста, пола и др.), зверей, институтов (например, полиции, школы), событий (свадьбы, выборов), которым присущи положительные или отрицательные черты. Сигналами призывов к стереотипу выступают правдивые и типичные особенности: *правдивый и типичный пес – верный*. Отсюда, в языке стереотип – это эмотивно-коннотативный компонент семантики слова, выражения или предложения [4, с. 154]. Эти приведенные мысли Е. Барминского тесно связаны с вопросом мотивированности стереотипа как языкового знака, то есть произвольной связи между обозначением и обозначенным, союз которых, за словами Ф. де Соссюра, и «формирует языковой знак» [14, с. 87]. В приведенном примере *верный пес* – это обозначение, а обозначенное – составляют стереотипные представления носителей языка о *собаке как верном, откровенном друге, который не предаст при любых условиях*. Мотивационную основу в приведенном стереотипном выражении составляют денотативные ситуации, когда инстинктивное поведение этого животного спасало человека от опасности.

Вначале XX в. ученый П. Флоренский (до появления идей Ф. де Соссюра) выразил мысли о связи между «символизирующим» и «символизированным», употребляя их в качестве синонимом по отношению к понятиям «обозначение» и «обозначенное» [17, с. 390]. При этом итальянский семиолог и философ Умберто Эко пользовался терминологией Ф. де Соссюра, определяя *знак как единство обозначения и обозначенного, которые сочетаются конкретным кодом*. Обозначение – это то, что с помощью кода вступает в семасиологическое отношение с обозначенным [19, р. 121]. Таким образом, *языковой знак* – это своего рода альянс обозначения и обозначенного, где обозначение констатирует план выражения, а обозначенное – план содержания. Поэтому сам *стереотип* – это когнитивная структура сознания, стандартизированные представления об определенных ситуациях, которые выражаются в языковых знаках, имеющих мотивированную связь между планом выражения и планом содержания.

Для объяснения механизмов стереотипизации человеческого опыта, то есть выявление мотивационной связи между обозначением и обозначенным, следует осуществить реконструкцию языковой формы и значения единиц, применяемых для обозначения этнокультурных стереотипов. Эти предположения требуют выяснения соотношения следующей цепочки понятий: *стереотип и значение слова с позиций когнитивной семантики*. Иными словами, необходимо уточнить, как стереотипные представления закрепляются в плане содержания языкового знака, то есть, как происходят процессы стереотипизации и вербализации опыта человека.

Сперва стоит уточнить, что понимают под значением слова представители когнитивной семантики. В когнитивной семантике представлены культурная мотивация и энциклопедизм значения слова. Например, А. Вежбицкая, отмечает, что «лексическое значение является ментальной сущности, которая способна получить свое собственное бытие только в сознании; оно входит как составная часть в структуру знания об окружающем мире, с чем и связан его энциклопедический характер» [6, с. 3]. Исследовать семантику слова с позиций когнитивной семантики, то есть описать, прежде всего, *эталонный ментальный образ*, сформированный в сознании человека [там же].

Возвращаясь к процессу стереотипизации, А. Байбурина убежден в том, что «стереотипизация опыта человека лежит в основе действия механизма традиции, который выполняет функции интеграции и стабилизации в системе культуры» [3, с. 5]. Собственно, если *стереотипы* являются *культурно-этносоциальным явлением*, то *стереотипизация* – *психологическим процессом*. Характеризуя стереотипизацию как процесс, отмечаем, что это категоризация (таксономия) социальных объектов, результатом которой являются различные стереотипы, где центральную позицию занимают этнокультурные стереотипы. Классифицируя социальные категории,

человек как социально-психологический тип акцентирует свое внимание на свойствах, по которым различные объекты, явления, ситуации, предметы и собственно сами представители этноса, характеризующиеся теми или иными категориальными признаками, или типичными характеристиками, воспринимаются как за похожими друг на друга признаками, критериям, и так и по отличающимся от других.

Социально-психологическими функциями стереотипизации являются: 1) упрощение и систематизация сложной и большой по объему информации; 2) межгрупповая дифференциация (положительная групповая идентификация); 3) объяснение отношений между группами (группы объектов, предметов и т.п., подлежащих стереотипизации); 4) принятие межгрупповых отношений (перекрестные связи); 5) сохранение этих отношений [6, с. 37].

Стереотипизация является важным механизмом понимания индивидом социального значения информации, то есть с помощью стереотипизации отображается социальная реальность и, прежде всего, с помощью языка. Языковыми показателями стереотипизации, как отмечает Е. Бартминский, является повторяемость характеристики предмета в различных высказываниях, поэтому их можно исследовать статистически. Об этом можно судить на основе анализа словообразовательных дериватов, метафор, фразеологии, пословиц, а также правил построения связного текста [4, с. 169].

Именно так необходимо истолковывать соотношения этнокультурных стереотипов и значений слов (и других языковых знаков), которые используются для их обозначения. Об этом соотношении пишет в своих трудах С. Толстая, для которой стереотип является ментальной (семантической) сущностью, которая получает свое выражение в различных языковых формах (лексическом значении слова, его словообразовательных и семантических деривативах, совместимости, корреляции с другими словами, этимологиями, фразеологией и т.д.). Поэтому *этнокультурный стереотип как ментальное образование* вербализируется в языковом знаке и является совокупностью суждений о предмете.

Например, стереотип солнца может быть представлен такими суждениями «Солнце – самое яркое светило», «Солнце светит и согревает землю», «Солнце является источником жизни», «На солнце нельзя указывать пальцем» и др. [16]. При этом С. Толстая соглашается с Е. Бартминским, что языковую картину мира можно представить как комплекс суждений о мире, которые закреплены в самом языке, в его грамматических формах, лексике, клишированных текстах (поговорках) и т.д. [4, с. 159].

Аналогично план содержания стереотипа рассматривает В.В. Красных, для которой это, прежде всего, образ, ментальный конструкт, представление о предмете или ситуации в целом, обусловленные национально-культурной спецификой. Например, стереотип-образ рус. *пчела* ассоциируется с рус. *труженицей*, *баран* – *упрямый*; стереотипы-ситуации: рус. *аист* – *капуста*, *билет* – *компостер* [7, с. 6].

Остановимся более подробно на семантических ассоциациях человека, которые отражены в коннотативном смысле лексемы. Ю.Д. Апресян *коннотативными лексемами* называет «не существенные, но устойчивые признаки выраженных ими понятий, которые воплощают в себе принятую в определенном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [1, с. 56], «отражают связанные со словом культурные традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующих вещей» [2, с. 67], или «совокупность ассоциаций [...], которая закреплена в культуре определенного общества», образующая дополнительные лексические значения [18, р. 13–14].

Будучи выражены языковыми знаками, этнокультурные стереотипы характеризуются наибольшей степенью коннотации, ведь содержат в себе обращение не к индивидуальному пользователю знаком, а к языковому коллективу. Таким образом, говорящий, используя языковые единицы, имеющие определенные коннотации, не выражает этим своей личной оценки объекта, как это происходит в случае оценки, что входит в прагматический слой лексического значения слова [1, с. 62], а отражает коллективное мнение носителей языка. В качестве таких языковых единиц функционируют: 1) *топики* – устойчивые сочетания лексико-семантических единиц; 2) *формулы* – устойчивые семантические сообщения, которые имеют свое постоянное формальное выражение; 3) *идиомы* – формальные устойчивые сочетания, которые не имеют для носителей языка семантической мотивации [4, с. 155].

С точки зрения Е. Бартминского, *топики* – это стойкие сообщения чисто семантических единиц, которым не соответствует любая стабильная (определенная) форма вербализации. К примеру, рус. «негры выполняют самую тяжелую работу», «сапожники пьют», «кукушка предсказывает будущее» [4, с. 155].

Информация, представленная в этих суждениях, касается, как правило, человека и предметов, целых событий. Высказывания-стереотипы (а) имеют описательный или квазиописательный характер, тип (б) – характер верований, примет, тип (в) – нормативный. Все эти высказывания являются суждениями, которые основаны на уверенности, убедительности, прежде всего, в последнем примере, что не подлежит сомнению.

Формулы являются устойчивыми семантическими сочетаниями, которые имеют свое постоянное формальное выражение: рус. «ни сват, ни брат», «как баран на новые ворота», «волчий аппетит», «мавр сделал свое дело, мавр может уйти», «галантный как француз», «в чем мать родила», «видно как на ладони» [4, с. 156].

Идиомы – это чисто формальные стойкие высказывания, которые уже не имеют для носителей языка прозрачной семантической мотивации. К примеру, рус. «вешать собак (на кого-либо)», «чертовски холодно», «иди в болото», «ни в зуб ногой» [4].

Учитывая такую видовую классификацию, **ТОПИКИ** относятся к семантическим стереотипам и связываются с планом содержания этих языковых знаков, **ИДИОМЫ** – к формальным стереотипам, а **ФОРМУЛЫ** – к формально-семантическим.

В процессе развития языка топики превращаются в формулы, а те, в свою очередь, на идиомы. Как отмечает Е. Бартминский, для лингвиста важным видом стереотипа являются формулы, значительное количество которых исследует фразеология. В то же время, формула является более глубоким понятием, чем фразеологизм [4, с. 157]. В свое время топики исследовала Ута Квастхофф, классифицируя эти языковые образования как простую предикацию, высказывания с индикаторами-ограничителями и высказывания, которые определяют позицию говорящего. Автор пыталась выявить стереотипный характер топиков [20, р. 68–69].

В связи с коммуникативным поведением человека *стереотипы* влияют на выбор определенных стратегий и тактик поведения в конкретных ситуациях и создают определенные клише в интерпретации мира. Различают *стереотипы поведения* и *стереотипы-представления*, которые, в свою очередь, делятся на *стереотипы-ситуации* и *стереотипы-образы* [8, с. 233]. Если *стереотипы поведения*, по мнению В.В. Красных, сохраняются в сознании в виде штампов, то *стереотипы-представления* служат клише (клишированные фразы). *Стереотипы-ситуации* включают предполагаемое (ожидаемое) поведение коммуникантов. *Стереотип-представление* сохраняется в сознании в виде фреймовых структур, аспектами которой являются клише и / или штампы [там же].

Стереотипы поведения (ситуации) и стереотипы-представления совпадают с их таксономией у Е. Бартминского как образы и образцы, согласуются с пониманием оппозиции реальный / идеальный. Это ментальные конструкты, которые существуют в сознании человека в виде фреймовых структур. Образ создают реальные, типичные, привычные характеристики, присущие конкретному объекту. От стереотипа поведения и ситуации ожидают определенной реакции и поведения.

К *стереотипным высказываниям* по типу формулы, где актуализированными есть и план содержания, и план выражения, можно отнести фразеологизмы и крылатые выражения, источниками которых являются мировая мифология и цитаты из произведений. Например, *от Адама, агнец божий, начинать с азов, открывать Америку, Аллах знает, каинова душа*.

Формальные стереотипы-идиомы, которые не имеют прозрачной семантической мотивации для носителей языка, отражены в языковых клише и идиомах: *переливать из пустого в порожнее, кормить лецами, дать перца*.

Е. Бартминский пишет еще об одном важном моменте – это *субъективный фактор в таксономии стереотипов*, в частности модальность: соотношение стереотипа с такими категориями, как *реальный*, который на самом деле, и *идеальный*, который должен быть [4, с. 167]. В процессе таксономии этнокультурных стереотипов на основе плана содержания и плана выражения обязательным является учет этого оппозиционного критерия модальности *реальный / идеальный*. Но здесь есть одна оговорка касательно таксономии стереотипов с неточной субъективной генерализацией, когда все объекты данного класса бессознательно наделяются любой чертой.

Суждения вроде рус. «Мать заботится о ребенке», «Шотландцы скупы», «Собака кусается» Е. Бартминский называет качественными, так как они являются обобщенными суждениями; если подлежащее в них выступает показателем обобщенности (каждый, все), то сказуемое имеет временный характер и обозначает то, что существует всегда. Однако на поверхности текста, в повседневных высказываниях эти показатели не являются явными и четкими.

Модификаторы «нормальный», «типичный», «настоящий», «характерный», которые входят в структуру стереотипа, отличаются друг от друга. Важнейшим из них является модификатор «настоящий», в состав которого входят все остальные характеристики. Этот модификатор имеет два значения: «отвечающий действительности», и «отвечающий представлению о чем-то, идеальный». Именно это разграничение Е. Бартминский берет за основу классификации различных вариантов, выявленных выше трех типов стереотипов [4].

В первую очередь ученый выделяет *образы* и *образцы*, используя при этом сроки социологии. Они имеют разный онтологический статус. Критерии, или характеристики, которые создают образ, понимают как *реальные, типичные, привычные*. Характеристики, которые обуславливают вроде и понимают как необходимые для предмета с точки зрения норм носителей языка, могут быть объединены в метатекстовой формуле «такие, которые должны быть» [4, с. 168].

Для стереотипов, которые играют значительную роль в культуре, представлений об ангелах, демонах, ведьм, упырей, то есть для тех, которые мы рассматриваем как этнокультурные стереотипы, Е. Бартминский использует понятие *мифологические представления*. Это, как правило, культурно-языковые представления о мифологических существах [4, с. 168]. К таким стереотипным представлениям нельзя применить критерии «типичный» или «такой, какой должен быть». Существование этих мифологических существ касается определенных сфер действительности. В то же время ученый считает стереотипизацию разновидностью мифологического мышления, которое играет важную роль в общественных отношениях и активизируется в ситуациях противостояния или соперничества различных социальных (этнических, этнокультурных) групп [4, с. 136-140]. Характерным признаком мифологических стереотипов является их специфическая эмоциональная окраска: у них, как правило, воплощенная идея «чего-то высшего», например, благородства собственного этноса. Любое общество рассматривает собственные нормы поведения, моральные ценности и т.п. как целесообразные, эталонные. Мифологические мотивы этнических стереотипов отражены в легендах о сотворении мира, в сказаниях о праотцах разных народов и черты их характера, причины бытования тех или иных традиционных хозяйственных занятий, об исторических обстоятельствах формирования специфических черт психологии этносов.

Также культурно-языковые представления о социальных ситуациях и явлениях, установках и поведении человека подлежат конвенционализации в общественном сознании и относятся к ситуациям возможных, желательных, ожидаемых, которые воспринимаются как социальные или индивидуальные программы, должны быть реализованы. Стереотипы такого вида польский лингвист называет *идеологическими*. Например, *хорошо в мире так жить, кто трудолюбив; заработанная копейка лучше ворованного рубля; маленькая работа лучше большого безделья; недаром говорится, что дело мастера боится; кто рано встает, за тем и дело водится*. Такие стереотипы можно объединить формулой «такой, какой должен и должно быть».

Такая таксономия касается основных вариантов стереотипа, элементарных стереотипных мыслей. Суждения, которые создают образы, образцы, мифологические и идеологические представления, могут сосуществовать. Стереотипы солнца, животных, растений, чужих тяготеют к образам, стереотипы родственников – до образцов.

Приведенные выше примеры дают основания говорить о том, что этнокультурные стереотипы относятся к сфере национальной культуры и являются частью языковой картины мира. Это исторически закрепленный условный образ, существующий в сознании как стабильный знак и относящийся к общественной и языковой норме. Языковым проявлением этнокультурного стереотипа являются традиционные, устоявшиеся формы выражения определенных значений, которые стали нормативными.

Подводя итог, отметим, что *этнокультурные стереотипы* существуют в сознании и подсознании людей, а также реконструируются в языке: 1) в этимологическом и переносном смыслах, 2) в идиомах, 3) в синтаксических конструкциях. Полная характеристика этнокультурных стереотипов состоит из *плана содержания* и *плана выражения языковых единиц*, которые их обозначают. Это те критерии, на основе которых установлены семантические (топики), формальные (идиомы) и формально-семантические (формулы) типы этнокультурных стереотипов, то есть это их контентивно-формальная типология.

Взяв за основу типологию стереотипов В.В. Красных, сопоставляем ее с таксономией этнокультурных стереотипов Е. Бартминского, то есть, в первую очередь этнокультурные стереотипы можно разделить на два типа, которые детерминировано общекультурной оппозицией «свой / чужой»: *авто- и гетеростереотипы*, то есть представление о самих себе и о других. В зависимости от структуры плана содержания и плана выражения *автостереотипы* так же, как и *гетеростереотипы* могут быть *семантическими, формальными и формально-семантическими*. На основе модификаторов «реальный / идеальный», различаем *стереотипы-образы и стереотипы-образцы*. *Стереотипы-представления* соответствуют пониманию стереотипных образов, или ассоциативных представлений человека об определенных ситуациях, которые могут или не могут стереотипизироваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. – М. : Школа “Языки русской культуры”, 1995. – Т. 2. – 767 с.
2. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 367 с.
3. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 242 с.
4. Бартминский, Е. Языковой образ мира : очерки по этнолингвистике / Е. Бартминский. – М. : “Индрик”, 2005. – 528 с.
5. Белова, О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции / О. В. Белова. – М. : Индик, 2005. – 288 с.
6. Горшунова, Е. Ю. Этнические стереотипы англоговорящего социума и их вербализация в американской лингвокультуре : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. Ю. Горшунова. – Бирск, 2009. – 207 с.
7. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : [сб. ст.] / [отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов]. – М. : МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5–19.
8. Красных, В. В. “Свой” среди “чужих” : миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК “Гнозис”, 2003. – 284 с.
9. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : [учебное пособие] / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистем, 2004. – 256 с.
10. Маслова, В. А. Культурная коннотация как экспонент культуры в языковом знаке / В. А. Маслова // Этносоциolingвистика : [хрестоматия] / [авт.-сост. Н. И. Коновалова]. – Екатеринбург, 2004. – С. 98–115.
11. Павловская, А. В. Особенности национального характера итальянцев, англичан, немцев, норвежцев и финнов, американцев, исландцев / А. В. Павловская. – М. : Изд-во МГУ имени М. В. Ломоносова, 2007. – 172 с.
12. Павловская, А. В. Россия и Америка. Проблемы общения культур : Россия глазами американцев, 1850–1880-е годы / А. В. Павловская. – М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 304 с.
13. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / [сост. Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов и др.]. – М. : Издательство Алтайского государственного университета, 2004. – 800 с.
14. Соссюр, Ф. де Курсе загалной лінгвістики / Ф. де Соссюр ; [пер. з фр. А. Корнійчук, К. Тищенко]. – К. : Основи, 1998. – 324 с.
15. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово / Slovo, 2000. – 624 с.
16. Толстая, С. М. Стереотип и картина мира / С. М. Толстая // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2009. – С. 262–264.
17. Флоренский, П. А. Обратная перспектива / П. А. Флоренский // Труды по знаковым системам II : ученые записки / Тартуский государственный университет. – Тарту, 1967. – Вып. 198. – С. 90.
18. Bartmiński, J. Język w kontekście kultury / J. Bartmiński // Współczesny język polski. – Lublin : Wydawnictwo UMCS, 2001. – S. 13–22.
19. Eco, U. A theory of semiotics / U. Eco. – Bloomington : Indiana University Press, 1976. – 648 p.
20. Quasthoff, U. M. Soziales Vorurteil und Kommunikation : Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps / U. M. Quasthoff. – Frankfurt, 1973. – P. 68–69.

Материал поступил в редакцию 05.12.16.

ETHNO-CULTURAL STEREOTYPES: CONTENTSIVE AND FORMAL TAXONOMY

Al-Kadhimi Mahmood Ghazi Ghalloob, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
College of Languages,
Baghdad University, Iraq

***Abstract.** The article deals with contentsive and formal taxonomy of ethno-cultural stereotypes from the point of view of V.V. Krasnyh and E. Bartminskyi; the linguistic aspect of the phenomenon of stereotype has been clarified; the correlation of the stereotype and its linguistic sign from the standpoint of cognitive linguistics has been analysed; the ethno-cultural stereotypes have been classified based on our / alien opposition; the ethno-cultural stereotypes have been reconstructed based on plan of content and plan of expression; the semantic (topics), formal (idiom) and formal semantics (formulas) types of ethno-cultural stereotypes have been characterized and found out.*

***Keywords:** contentsive and formal taxonomy, ethno-cultural stereotype, our / alien opposition, plan of content, plan of expression, topics, idioms, formulas.*

УДК 80

В.В. ВИНОГРАДОВ О ХАРАКТЕРЕ ОТКЛОНЕНИЙ ОТ НОРМ

И.А. Бабаев, доктор философии по филологии, доцент
Кафедра современного русского языка,
Бакинский славянский университет, Республика Азербайджан

***Аннотация.** Статья посвящена истории литературного языка. В центре внимания находятся взгляды академика В.В. Виноградова. В формировании литературного языка наблюдается классическая схема. На определенном историческом этапе письменная традиция сливается с народно-поэтической традицией.*

***Ключевые слова:** норма, традиция, демократизация, фольклор, культура.*

Академик В.В. Виноградов противопоставляет нормированному языку профессиональные языки, которые он отличает от диалектов и просторечия. Он отмечает, что отклонения от норм литературного языка в речи демократических масс города не было связано с влиянием иноязычного элемента, как это иногда предполагали. «Неправильности» низового городского языка отмечались нередко соответствующими «орфографическими» словарями и приписывались влиянию «обруселых инородцев». Но в этом огульном объяснении сказывался социальный антагонизм, прикрытый националистической идеологией; некоторые из отмечаемых «неправильностей» являются общими для всех разновидностей языка демократических масс города» [1, с. 478].

Интересно, что В.В. Виноградов говорит о том, что неправильности отмечались орфографическими словарями. Однако, если в задачи орфографического словаря, как нормативного, и не входило описание неправильностей, то в это же время существовали уже специальные словари неправильностей. Характерно, что эти словари отмечали одни и те же ошибки на протяжении долгого времени. «Любопытно, что словари неправильностей с половины XIX в. до конца столетия приводят почти один и тот же список слов: документ вместо докумѣнт; инструмѣнт вместо инструмѣнт; магазин вместо магазѣн» [1, с. 478]. Говоря о словарях неправильностей, В.В. Виноградов отмечает такие словари, как: Зеленецкий К. О русском языке в Новороссийском крае. Одесса, 1855; Долопчев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Варшава, 1909.

В этой работе В.В. Виноградов подробно рассматривает элементы просторечия по различным уровням языка. Говоря о фонетических особенностях, он указывает, что «они состояли не только в свободном проявлении диалектального произношения и в своеобразной интонации; больше всего бросались в глаза акцентологические отличия в выговоре слов, общих с литературным языком» [1, с. 478]. Что касается диалектного влияния, то оно однозначно может быть интерпретировано как внутрисистемное взаимодействие. Но более важно другое замечание В.В. Виноградова: «С этим низовым городским языком шла глухая борьба во имя литературности со стороны разных слоев общества в течение всей второй половины XIX в. и первого десятилетия XX в. История самого этого языка городских масс во многом остается неясной. Трудно учесть, что вносила в него каждая из тех социальных групп, среди которых он жил. Кроме того, предложенная выше характеристика некоторых грамматических особенностей городского низового просторечия сделана исключительно с точки зрения наиболее броских отклонений от норм литературного языка. Если же изучать язык демократических масс города в его внутренней структуре, то представится богатая и своеобразная система «общего» низового языка с его расчленениями – общественно-групповыми и профессиональными. Эти языковые пласты, бывшие внелитературными, выступили на арену литературной жизни после революции и приобрели большое значение в организации литературного языка революционной эпохи» [1, с. 482].

В.В. Виноградов обращает внимание на очень важный момент в истории литературного языка. С одной стороны, он отмечает, что «неправильности» имели не только диалектное происхождение, а часто их история просто не ясна. Он указывает, что на протяжении довольно долгого времени шла «глухая борьба» с этими неправильностями. Следует отметить еще раз, что в данном случае речь идет именно о неправильностях неизвестного происхождения, а не о диалектном влиянии. Но характерно, что, как отмечает В.В. Виноградов, эти внелитературные пласты выступили на арену литературной жизни и приобрели большое значение в организации литературного языка революционной эпохи. Вопрос в том, как расценивать эти пласты и их участие в организации литературного языка. Можно ли считать это явление фактом варваризации или нет?

Процесс борьбы с неправильностями не прекращался и позднее, но как уловить момент перехода неправильности в допустимое, а затем и в правильное. Например, С.И. Ожегов пишет: «В наших газетах и журналах, в радиопередачах, особенно в последние годы, широко обсуждаются вопросы культуры речи, подвергаются осуждению отклонения от норм литературного языка, неправильности устной и письменной речи. Но не всегда обсуждение бывает плодотворным. Очень часто в оценку тех или иных явлений языка привносятся личные вкусы, личные языковые привычки. Одно и то же языковое явление может получать прямо противоположные оценки» [3, с. 286]. Кроме того, по мнению С.И. Ожегова, «Нормами литературного языка новая интеллигенция овладевала не пассивно, а активно, привнося в них народные языковые навыки и создавая новые способы выражения для обозначения новых общественных потребностей» [3, с. 287].

Это высказывание С.И. Ожегова характерно во многих отношениях. С одной стороны, он осуждает привнесение личных вкусов, личных языковых привычек в оценку языковых явлений. С другой стороны, однако, как положительный факт он отмечает «активное» овладение нормами литературного языка новой интеллигенцией. Что же несет в себе это активное овладение нормами литературного языка? И что вообще означает «пассивное» овладение? Если нормы литературного языка общеобязательны, то о какой пассивности можно вообще говорить.

Как отмечает и сам С.И. Ожегов, активное овладение нормами означает привнесение народных языковых навыков в литературный язык. Но это и есть языковой вкус, это и есть то, с чем боролась интеллигенция на протяжении долгого дореволюционного времени. Совершенно очевидна непоследовательность в оценке одного и того же явления. Более того, становится ясной значительная доля субъективности в оценке неправильности как таковой. То, что В.В. Виноградов называет *низким просторечием* и то, что, по его мнению, принимало активное участие в организации литературного языка нового времени, отмечается С.И. Ожеговым как положительное «привнесение новой интеллигенцией народных языковых навыков» в литературный язык.

Если это варваризация, то она носила не временный характер, как отмечал Б.А. Ларин, а имела место на протяжении всего послереволюционного периода в широком смысле этого слова. Фактически она продолжается до сих пор, усугубившись в конце XX в. Общеизвестно, что в русскую литературу в XX в. пришла целая плеяда писателей-сибиряков. Как оценить то очевидное диалектное влияние, которое было осуществлено посредством языка этих писателей? Следует также напомнить, что критерием включения диалектного слова в нормативный словарь является его встречаемость в литературном языке, частотность употребления. Как же в таком случае расценивать обилие диалектных слов в русском литературном языке послевоенного времени? Как засорение литературного языка, отход от культурной традиции, варваризацию? Или как *привнесение народных языковых навыков* и обогащение литературного языка и культурной традиции? Ответ на этот вопрос очень сложен. Возможно, его и нет. Всё это, как понятно, в первую очередь касается проблематики орфологической лексикографии. Орфологические словари, создаваемые в разное время, являются незаменимыми источниками по диалектике взаимоотношений нормированного языка с теми формами общенационального языка, которым он противостоит.

Оценка городского просторечия и в целом лингвистической роли города также может быть разной. Например, Б.А. Ларин писал: «Литературные языки генетически связаны с городом» и далее «Нельзя понять эволюции и судеб литературного языка, пока к этому материалу не применены социологические принципы исследования. Нельзя приступить к социологическому истолкованию литературного языка, пока не изучается его непосредственная лингвистическая среда, т.е. остальные типы письменного языка и все разновидности разговорной речи городского коллектива» [2, с. 189-190].

Таким образом, литературный язык вообще не изолирован от всех возможных *неправильностей*, которые нередко участвуют в организации литературного языка. В этом аспекте совершенно новое осмысление получает само понятие «неправильность». Создается впечатление, что как норма, так и неправильность, несоответствие норме, носят условный характер.

Тем не менее условность нормы и нормированного языка, на наш взгляд, носит относительный характер. Об этом позволяет судить устойчивость культурной традиции, или степень этой устойчивости.

Можно говорить до бесконечности о привнесении народных языковых навыков в литературный язык, понимая под этими привнесениями обогащение литературного языка, но если нет богатой культурной традиции, на которой формируется литературный язык, то вульгаризация литературного языка будет носить постоянный характер. В какой-то момент вульгаризация приведет к замене литературного языка языком литературы, в определенном смысле равнодушным к культурной традиции, или, во всяком случае, не дорожающим ею. Наверно, именно так произошла смена классической, золотой, латыни латынью вульгарной.

Культурная традиция, служащая основанием и скрепляющим стержнем для литературного языка, не является чем-то эфемерным. Напротив, она носит достаточно реальный и зримый характер. Поэтому и всякие отходы от нее в периоды варваризации также носят совершенно ощутимый характер, как это было, например, в истории русского литературного языка в первой четверти XX в., а также в его конце.

Культурная традиция носит, на наш взгляд, сложный характер, она не является однозначной. Как правило, в истории литературных языков культурная традиция имеет две основы: народно-поэтическую и книжную. Первая носит очень древний характер, она во многом отражает филогенез культуры вообще. Народно-поэтическая традиция позволяет говорить о глубоко народном характере национальных литературных языков.

Вторая основа литературного языка у всех цивилизованных народов связана с созданием, записью или переводом основных сакральных текстов. Язык, система выразительных средств, лексика и фразеология, синтаксис, само языковое мышление, отразившееся в этих текстах, не просто глубоко и серьезно влияет на литературную традицию, а создает ее.

В этом смысле русский национальный литературный язык не составляет исключения. Его формирование соответствовало классической схеме. Древнейшая народно-поэтическая традиция на протяжении веков существовала в среде широких народных масс. Параллельно с X в. начинается книжная литературная традиция, опирающаяся не только на священные книги, но и на чуждую литературную традицию. Период демократизации означал прежде всего демократизацию книжного языка в плане его смешения с фольклорной традицией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XX веков / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1982.
2. Ларин, Б.А. История русского языка и общее языкознание / Б.А. Ларин. – М., 1977.
3. Ожегов, С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи / С.И. Ожегов. – М., 1974.

Материал поступил в редакцию 20.12.16.

V.V. VINOGRADOV ON THE CHARACTER OF DEVIANCE

I.A. Babayev, Ph.D. in Philology, Associate Professor
Department of the Modern Russian Language,
Baku Slavic University, Republic of Azerbaijan

Abstract. *The article deals with history of standard language. In center of attention is views of academician V.V. Vinogradov. In standard language formation the classical scheme is observable. On the certain historical stage the writing tradition join the national-poetic tradition.*

Keywords: *standard, tradition, democratization, folklore, culture.*

УДК 80

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ МЕТАФОР (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ РУССКИХ СОВРЕМЕННОКОВ)

Зикра Талиб Хейралла, магистрант, преподаватель русского языка
Факультет языков
Багдадский университет, Ирак

Аннотация. В статье охарактеризовано понятие метафоры как одной из ключевых тропов и фигур речи поэта, так называемой поэтической речи; сделан экскурс в историю становления метафоры как тропа: с одной стороны, представлено не только толкование метафоры древнегреческим философом Аристотелем, а также же понимание метафорического образа римским теоретиком ораторского искусства Квинтилианом, а, с другой стороны, охарактеризовано учение о метафоре в отечественной науке, которое берет свое начало с ранних времен Киевской Руси; представлена дефиниция понятия прилагательная метафора для выражения качественного признака с оценочно-экспрессивной маркировкой с целью активизации воображения читателя; сделана таксономия прилагательных метафор на материале поэзии русских современников.

Ключевые слова: метафора, троп, речь поэта, метафорический образ, учение о метафоре, прилагательная метафора, оценочно-экспрессивная маркировка, поэзия русских современников.

Изучение метафоры (А. Баранов, Ю. Валькман, Р. Гаскелл, М. Джонсон, А. Зенкин, Дж. Лакофф, Е. Макормак, Д. Поспелов и др.) в функциональной роли показателя идиостиля писателя, поэтического группировки, художественного стиля или литературного поколения в целом относится к числу дискуссионных вопросов современной лингвистики. *Поэтическая метафора в современной поэзии* – неординарное явление в контексте русского монокультурного дискурса – не получило должной оценки и углубленной проработки в языковедческой науке. Художественный стиль конца XX в. формировался в условиях официального распада советской системы, изменения художественного сознания в условиях ухода в прошлое эстетики соцреализма. При этом языковая ситуация посттоталитарной эпохи характеризовалась удалением литературного языка от разговорной стихии привело к своеобразной «инфляции» слова. Так называемая монокультурная революция, вышеуказанного периода, была вызвана тем, что элементы лексики ограниченного функционирования (просторечие, диалектизмы, жаргонизмы и т.д.) получили идентичный статус и значение с нормативными единицами языка, вошли в состав сквозных художественно-образных парадигм русской поэзии. Метафорический текст конца XX в. оказался в эпицентре лингвоисторического процесса образования нового литературного языка. Именно временная проекция речи исследуемого периода в модусе историко-лингвальных изменений позволяет отслеживать, как стиль конца XX в. сказался на языкотворчестве поэтов, их индивидуальных поисках и способах самовыражения. Последнее обуславливает динамику и видоизменение в корпусе художественных изобразительных средств стихотворной речи конца XX – начала XXI в., русской поэтики в целом (Дж. Лакофф, М. Джонсон [23]).

На сегодня существует проблема сдвигов в *культурно-эстетических нормах*. Нерешенным остается и вопрос поэтической интерпретации современниками культурно-языкового достояния в контексте своей эпохи, согласования норм образного воспроизведения действительности с собственным мировоззрением и мироощущением, ведь *метафорические высказывания* (Н. Арутюнова, В. Вовк) не только представляют художественно-образные смыслы, но и функционируют как посредники между жизненным опытом конкретного индивида и национальными нормами поэтического моделирования мира.

Культурно-художественная практика – источник развития литературного языка, основа становления художественной нормы. Художественная литература дает нам образцы постоянной шлифовки высказывания. Под пером мастера обновляются, «зажигаются» новые грани давно известных лексических сокровищ. От непривычной сочетаемости слов рождаются индивидуальные метафоры, которые в сочетании с эмоционально выраженной мыслью образуют конденсированные изобразительные средства – языковые знаки русской национальной культуры.

Метафора является одним из самых интересных, многомерных явлений нашего языка, взгляды на которую очень разнятся. Оно базируется на особых процессах мышления и склонности человека к абстрагированию. **Метафору** можно считать одной из ключевых тропов и фигур речи поэта, так называемой *поэтической речью*. В метафоре, как правило, представлены некоторые словосочетания и слова, которые показывают сущность определенных предметов и явлений посредством других, которые либо похожи, либо имеют контрастность [33, р. 123].

Учение о метафоре имеет долгую историю. Еще в античной литературе среди трудов в области исследования особенностей *поэтической семантики* центральное место занимала метафора. Первостепенное значение придавал ей древнегреческий философ Аристотель в своей «Поэтике». Под *метафорой* он понимал не только одно из средств создания словесной красоты, но и особенность образного мышления человека. Для него

метафора – это, прежде всего, явление художественной речи, показатель и признак мастерства писателя. «Метафора, – писал Аристотель, – перенос слова или словосочетания либо с изменением его значения, либо рода на вид, либо вида на род, либо вида на вид, либо по аналогии» [5, с. 109].

Аристотель рассматривал метафору в широком смысле слова, то есть относил к ней и другие виды тропов – *сравнение, гиперболу* и т. д.

Толкование Аристотелем метафоры как сокращенного сравнения с опущенным указанием общего признака сравниваемых предметов является наиболее распространенным. Перенос названия с одних предметов, явлений и свойств на другие происходит на основе сходства их признаков или сходства впечатлений от них. Это сходство может быть разным как по форме, размещению в пространстве, цвету, так и размеру, количеству, звучанию и тому подобное.

Развивая учение Аристотеля, римский теоретик ораторского искусства Квинтилиан в своих трудах доказывал, что *метафорический образ* является более значительным и выразительным, чем понятие, которое оно заменяет. Большое значение он придавал метафорам, которые «используются в смелом и почти рискованном смысле, когда мы приписываем способность действовать и очеловечиваем предметы, которые лишены свойства чувствовать» [26, с. 232]. Квинтилиан выделял несколько видов метафор: перенос значения из живых на живые предметы, с неживых на живые или взаимно с одних на другие по тому же принципу, или перенос значения от целого к части и от части к целому.

Римский оратор Цицерон отмечал: «Нет тропа блестящего, такого, который давал бы языку большее количество образов, чем метафора» [26, с. 229]. Он утверждает, что метафора является сравнением, которое сокращено до одного слова.

Таким образом, еще в античные времена ученые считали, что *процесс метафоризации* является органическим свойством художественного мышления.

В отечественной науке *учение о метафоре* берет свое начало с ранних времен Киевской Руси. В частности, одним из первых учебных пособий по стилистике был распространен на Руси трактат «О образях», приписываемый византийскому ученому IX в. Георгию Хиробоску (Хуровському). Об этой книге говорится в одной из древнейших отечественных письменных памятников – «Изборнике Святослава» 1073 г. Автор трактата подробно рассматривает понятие о тропах и фигурах, выделяя среди них не только *метафору*, но и *гиперболу, метонимию, синекдоху, аллегория* и ряд других [3, с. 170].

Среди многочисленных работ по поэтической стилистике позднего периода привлекают внимание труды В.Г. Гака. Автор по-научному обобщил то, что к нему было сделано в области изучения поэтического языка и стиля. За словами В.Г. Гака, «*метафорой* называется перенос собственного значения одного слова на несобственное другое слово, учитывая определенное сходство» [16, с. 20]. Одна из причин употребления метафоры, по мнению Довгалецкого, заключается в том, чтобы предоставить нашему языку «красоту и превосходность, так как волшебная и милая речь, украшенная переносными и метафорическими словами, лучше драгоценных жемчужин, чем обычными простонародными словами, принятыми в прямом понимании» [16, с. 20].

Процесс образного мышления непрерывно развивается и совершенствуется. Возникают новые ассоциации, новые сопоставления, появляются в языке новые понятия. Все это ведет к изменению и в языковой структуре метафорического образа, и в самом учении о метафоре.

Для выражения качественного признака с оценочно-экспрессивной маркировкой с целью активизации воображения читателя, в поэтическом творчестве служат *прилагательные метафоры*. *Прилагательные метафоры* помогают автору наиболее полно охарактеризовать тот или иной предмет, образ, явление [6].

Словарь прилагательных метафор поэтов-современников – это особый мир, который открывает перед читателем предмет в разноплановой, образной характеристике. Анализ их стихов подчеркивает безизмерительность вселенной, доказывает, что предметы и явления соотносятся с реалиями жизни.

Необходимо подчеркнуть, что поэты тонко эстетизируют цвет, звук, форму. Основным компонентом метафорического образа в поэзии является *цвет*. *Прилагательные метафоры, содержащие значение цвета*, как правило, построенные на зрительных ощущениях, поэтому они легко выделяются семантически, потому что в самой реальной действительности это качество предметов имеет четкое значение и познается только с помощью зрения, а не в комплексе осязательно-зрительного восприятия.

Сюда относятся, во-первых, *качественные прилагательные для обозначения простых цветов*, во-вторых, *относительные прилагательные*. Наиболее распространены качественные прилагательные, они означают простые цвета, которые воспринимаются определенным языковым коллективом, они широко известны, и еще издавна с тем или иным цветом связываются определенные представления отрицательного или положительного содержания. Часто прилагательные метафоры этой группы могут иметь оттенок символического значения, а символы всегда возникают на почве хорошо известных, осознанных определенным коллективом понятий. Перенос происходит из психологической, социальной сфер. Например, качественное прилагательное *красный*, передавая зрительные ощущения, употребляется в прямом значении и объединяет огромное количество разнообразных понятий, таких, как *кровь – кровь роз; огонь – огонь рассвета*.

Прямое значение прилагательного *красный* выступает в сочетании с существительными, называют *природные явления*, а также с существительными – *названиями растений*. Кроме указания на цвет, прилагательное имеет производное, переносное значение, которое превращает название в поэтический символ. Например,

кровавый закат; кровавые капли калины.

Красный цвет приобретает в поэзии своеобразных оттенков, которые помогают воссоздать точнее метафорический образ: *багровое солнце; пурпурные облака; малиновые колокола.*

Цветовая гамма современной поэзии в основном выражена в метафорических структурах, является экономной и небогатой, но психологизированной, обогащенной условно-ассоциативным смыслом.

Гамма цветов, проявляя индивидуальную манеру поэта, опирается на потенциальную изображенную способность лексических значений, расширяет сочетаемость общеупотребительных слов, обогащает их лексико-семантическую структуру. *Метафоры, построенные на многозначности цветовой гаммы,* вызывают самые неожиданные ассоциации. Например: *В невозможном белом небе голубом; Излучает накопленный свет от дневных светил* [11]; *В пылу полуночных безумств* [18].

Определение цвета, которые имеют конкретно-чувственный смысл, в сочетании с абстрактными понятиями или понятиями, связано с внутренним состоянием человека, раскрывает свою метафорическую природу. Например: *черная полоса (жизнь), серые будни.*

Таким образом, с названиями *светлых, ярких цветов в метафорических словосочетаниях* поэты связывают *события, явления,* приятные для человека, те, что вызывают эмоции *радости, удовольствия, счастья;* с названиями темных цветов – *события, явления,* которые вызывают *тяжелые, удручающие чувства.*

В художественном словаре некоторых поэтов имеются прилагательные метафоры, в основе которых лежат названия *драгоценных металлов.* Приняты они поэтами для характеристики цвета различных предметов, абстрактных понятий для представления им метафоризированного образа. Например: *серебряный невод* [11].

Выражения таких конструкций усиливают образное звучание стихов, создают эмоциональное воздействие на читателя.

Источником переносного употребления служат названия *материалов, металлов,* которые в основном используются как средство оценки определенных *физических качеств предметов,* особенно – их *прочности.* Например: *горный хрусталь; гранитное слово; каменное сердце; Гранит я дикий камень чувств* [18].

Наибольшую группу переносов в поэзии современников составляют те, в основе которых лежит перенос качеств и свойств *живых существ в сферу неодушевленных предметов.* Метафоры такого содержания неожиданно освещают семантику конкретной лексики. Например: *Искусственная родня; тишина молодая; Нежность такая застенчивая; мягкие горы; модные одуванчики* [11].

Одушевление в области прилагательного с помощью отнесения прилагательных для обозначения явлений живой сферы к неодушевленным предметам имеет по сравнению с существительным несколько ограниченное применение, причем во многих примерах наблюдается переход от внешнего одушевления к более глубокому – с элементами психической характеристики.

Семантически целостную группу составляют те метафоры, которые являются названиями конкретизаторами индивидуальных свойств человека (*седой, пьяный, печальный, босой, беременная* и т.д.): *Душа беременна победами; застывшая Земля; Длится очередь, убогая толпа* [11].

Обновление внутренней формы метафор приводит к получению поэтами выразительно-неповторимого стиля, необычной манеры письма. *Авторская метафорика* получает признаки *авангардного стихосложения,* поскольку содержит семы, маркированные *разговорно-сниженным стилистическим оттенком:*

Идти к реке и мертвой становится; Лишь разболелись чувственные чресла; И, мне под ноги трудный путь стеля; Под прилавком деревянный скат в стене; небритые абрикосы; Проклятый мир еще не напился крови [11]; *Гранит замысловатый срез; молодости июль; Вонючий букет в гостиной; живое стихотворение* [18].

В отдельную подгруппу выделяем прилагательные метафоры, в основе которых находятся *названия болезней и болезненных состояний человеческого существа:* *хронически больные книги, смертельная боль* [10].

В поэтической речи поэтов употребляются *слова-конкретизаторы индивидуальных свойств животных* (*клевать, хищный, дикий* и т.д.): *перелетная любовь, ветры клыкастые; дикий камень; Был я дикий* [10].

В отдельную подгруппу можно выделить прилагательные *метафоры с названиями-конкретизаторами индивидуальных свойств растений* (*увядший, ветвистый, лиственный*): *ветвистая судьба; Лепестковая кожа; привядший запах; вянущие сердца* [11].

Синтаксические функции прилагательного в предложении по сравнению с существительным более однообразны: прилагательное выступает либо в роли определения к существительному, или в роли предикатива, или же (в наречной форме) в функции признака иного признака или признака человек. Переносимость семантики прилагательного раскрывается во взаимодействии его с существительным в пределах словосочетания. Также можно выделить структуры с употреблением однородных членов предложения, синонимов, антонимов, сравнений и в рамках широкого контекста.

Прилагательные метафорические структуры типа «прилагательное + существительное» – явление, распространенное в современной поэзии. Например: *Расторопным ветром быть тяжеленным тучам; Несгибающихся пальцев мертвый взгляд; мертвые ставни; приспущенная душа; Терпкий взгляд* [11]; *тающий берег; тонкотканых частей; эпохи смертоносные; звездное вино; хрупкое наше счастье; стих примёрзший; холодные слова; житейские штормы; утоmlенный шелест; пестрая песня* [10].

Такие структуры являются весьма оригинальными и ярко иллюстрируют индивидуальный стиль поэтов.

Усиление признаков активизирует творческое воображение читателя и способствует употреблению однородных прилагательных, которые сочетаются в метафорических структурах с помощью союзов или без них. Это можно проиллюстрировать на примере таких метафор: *стояло небо, странное и печальное; улыбки липкие и случайные* [11]. Этот признак, характеризующий то или иное явление, предмет подается более полно и конкретизировано.

В поэзии современных поэтов (М. Ватутина, С. Бирюков, В. Ершов) наблюдается общая тенденция поэтической речи представлять признак в конкретных образах, называть ее опосредованно, через ассоциативные связи между понятиями. Неожиданная лексико-семантическая сочетаемость выявляет особенности индивидуального стиля поэтов, показывает механизм создания индивидуально-авторских метафор на почве принятых общеязыковых, традиционных метафор. Культурно-художественные образы, созданные современниками, характеризуются художественным совершенством, где каждая деталь раскрывает многоплановую семантику поэтического замысла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авеличев, А. К. Метафора и контекст / А. К. Авеличев // Вестник МГУ. – 1974. – № 3. – 192 с.
2. Античные теории языка и стиля. – Санкт-Петербург : Алтейя, 1996. – 362 с.
3. Антокольский, П. Преключение метафоры / П. Антокольский // Вопросы литературы. – 1977. – №1. – С. 168–183.
4. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской литературы, 1995. – 464 с.
5. Аристотель. Об искусстве поэзии / Аристотель. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 184 с.
6. Арутюнова, Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Изд-во Советская энциклопедия, 1990. – С. 296–297.
7. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – 204 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
9. Бахтин, М. Слово в поэзии и прозе / М. Бахтин // Вопросы литературы. – 1972. – № 6. – С. 21–45.
10. Бирюков, С. В это время / С. Бирюков. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.detira.ru/arhiv/nomer.php?id_pub=2688.
11. Ватутина, М. Цепь событий: Стихотворения / М. Ватутина. – М. : Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2013. – 142 с.
12. Виноградов, В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1971. – 240 с.
13. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 256 с.
14. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М. : Наука, 1959. – С. 390–410.
15. Вовк, В. Н. Языковая метафора в художественной речи. Природа вторичной номинации / В. Н. Вовк. – К. : Наукова думка, 1986. – 126 с.
16. Гак, В. Г. Метафора: универсальное и специфическое. Метафора в языке и тексте / В. Г. Гак. – М. : Наука, 1988. – С. 11–26.
17. Григорьев, В. П. Поэтика слова / В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1979. – 87 с.
18. Ершов В. В пьлу полуночных безумств... / В. Ершов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=33160>.
19. Иванюк, Б. П. Метафора и литературное произведение / Б. П. Иванюк. – Черновцы : Рута, 1998. – 140 с.
20. Кассирэр, Е. Сила метафоры. Теория метафоры / Е. Кассирэр. – М. : Прогресс, 1990. – С. 33–43.
21. Ковалев, В. П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы / В. П. Ковалев. – К. : Высшая школа, 1981. – 183 с.
22. Ковалев, В. П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы / В. П. Ковалев. – К. : Высшая школа, 1983. – 186 с.
23. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 387–415.
24. Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – М. : Высшая школа, 1982. – 273 с.
25. Опарина, Е. О. Концептуальная метафора / Е. О. Опарина // Метафора в языке и тексте / [отв. ред. Н. В. Телия]. – М. : Наука, 1988. – С. 65–77.
26. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1985. – 335 с.
27. Тараненко, А. А. Языковая семантика в ее динамических аспектах / А. А. Тараненко. – К. : Наукова думка, 1989. – 256 с.
28. Тарасов, Л. Ф. К вопросу о лингвистической природе метафоры / Л. Ф. Тарасов // Русский язык в школе. – 1980. – № 4. – С. 64–67.
29. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и экспрессивно-оценочная функция. Метафора в языке и тексте / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – 204 с.
30. Тимошенко, Ю. Феномен метафоры: проблема давня й сьогочасна / Ю. Тимошенко // Слово і час. – 2001. – № 5. – С. 29–36.
31. Gibbs, R. W. Process and products in making sense of tropes / R. W. Gibbs // Metaphor and Thought / ed. by A. Ortony. – Cambridge : Cambridge University Press. – 1993. – P. 252–276.
32. Gibbs, R. W. The poetics of mind: figurative thought, language and understanding / R.W. Gibbs – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 527 p.
33. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago, London : The University of Chicago Press, 1980. – 212 p.

Материал поступил в редакцию 12.01.17.

**STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF ADJECTIVAL POETICAL
METAPHORS (THE RUSSIAN CONTEMPORARIES' POETRY CASE STUDY)**

Thukra Talib Heiralla, Master Student, Teacher of Russian
College of Languages,
Baghdad University, Iraq

***Abstract.** The article deals with the characteristics of the concept of metaphor as a key of tropes and figures of speech of a poet, the so-called poetic language; the excursion into a metaphor based on the history has been made: on the one hand, it has been represented not only the interpretation of metaphor by the ancient Greek philosopher Aristotle, as well as the understanding of metaphorical image of the Roman theorist of oratory Quintilian, and, on the other hand, it has been characterized by the doctrine of metaphor in domestic science, which takes its beginning with the earliest times of Kievan Rus; definition of the concept of adjectival metaphor has been provided for qualitative trait expression assessment and expressive markings in order to enhance the reader's imagination. The taxonomy of adjectival metaphors has been given on the material of poetry of the Russian contemporaries.*

***Keywords:** metaphor, trope, speech of a poet, metaphorical image, the theory of metaphor, adjectival metaphor, assessment and expressive markings, poetry of Russian contemporaries.*

УДК 80

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ТИПАХ НОМИНАТИВНЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Мунтасыра Абдур-Рахман Аль-Рикаби, магистрант, преподаватель русского языка
Факультет языков,
Багдадский университет, Ирак

Аннотация. В статье выделены функционально-семантические типы номинативных русскоязычных предложений, среди которых установлены: 1) экзистенциальные, выполняющие описательную функцию (собственно-экзистенциальные, предметно-экзистенциальные); 2) указательные, в которых присутствует значение, указующее на бытийность и / или существование (указательные номинативные русскоязычные предложения, которые указывают на явление или предмет; указательные номинативные русскоязычные предложения, которые указывают на явление или предмет, которые были упомянуты раньше); 3) оценочные, содержание которых имеет сочетание констатации предметов, которые существуют, а так же их эмоциональной оценки; 4) собственно-именительные, как правило, встречаются на надписях, названиях учреждений, организаций, пароходов, книг и т.д.; 5) побудительные, которые помогают утвердить желательность или необходимость появления предмета, для названия которого был использован существительный в прямом падеже; б) предложения «именительных представлений», которые констатируют представления о предмете.

Ключевые слова: номинативное предложение, экзистенциальные, указательные, оценочные, собственно-именительные, побудительные, предложения «именительных представлений».

Факт существования в разных языках номинативных предложений на сегодня является бесспорным. Однако необходимо вспомнить дискуссионные вопросы. Это, прежде всего, проблема структуры и разновидностей номинативных русскоязычных предложений. Ученые и исследователи разных научных направлений и школ классифицируют все существующие номинативные предложения по таким категориям: цель высказывания (Е.М. Галкина-Федорук [21]), функции в речи (А.Г. Руднев [19]), в соответствии с их структурой (J.F. Vailyn [25], Н.С. Валгина [8], П. Лекант [16], Н.А. Кобрин, А.А. Корнеева, М. И. Оссовская, К.А. Гузеева [15]).

Общая группа, в которую входят разные типы номинативных русскоязычных предложений, представлена, с одной стороны, единой формой – главный член, а с другой, – доминирующее значение существования, бытия; различают их по наличию функционально-обусловленных в семантике оттенков, своеобразием интонации, специфическими конструктивными элементами (честичами), синтаксической функцией главного члена т.д. [6, с. 319].

Основываясь на данных лингвистических исследований, можем констатировать, что лингвисты не имеют единого корректного мнения касательно выделения *функциональных и семантических типов номинативных русскоязычных предложений*. На сегодня в лингвистике нет обобщенной классификации номинативных англоязычных предложений в английском языке, а во французском языке просто ограничиваются выделением экзистенциальных номинативных предложений.

Классификация номинативных предложений представителями российской лингвистической школы проводится в зависимости от выполняемых функций, целей и структуры. Почти общепринятой среди российских ученых есть семантико-функциональная классификация номинативных предложений на следующие разновидности: экзистенциальные, указательные, оценочные, собственно-именительные (номинативные именительные предложения), побудительные и «именительных представлений».

Бытийные (экзистенциальные) номинативные предложения относятся к собственно номинативным, наиболее типичных и распространенных во всех стилях речи, они, как правило, характеризуются описательной функцией и применяются тогда, когда в письменной или устной форме нужно зафиксировать наличие, существование, какого-либо предмета, явления, субстанции, события, факта, определенного времени, даты, названной прямым падежом. Такие предложения часто употребляются в произведениях художественной литературы, в разностилевых описаниях, особенно в ремарках, киносценариях, в которых кратко изображается обстановка, действующие лица, даются отдельные указания к конкретной ситуации, поступкам лиц и т.п. [см. труды: 17; 6; 8].

В отличие от остальных исследователей, Н.С. Валгина разграничивает *экзистенциальные номинативные предложения* на подвиды:

а) *собственно-экзистенциальные*, которые выражают наличие названного явления, как такового, который проходит во временном измерении;

б) *предметно-экзистенциальные*, называющие явления и предметы, которые находятся в пространстве, передавая их идею бытия [8, с. 175–180].

Отдельные ученые (В.В. Бабайцева), отмечают, что при необходимости номинативные русскоязычные предложения имеют возможность передавать определенную динамику «впечатлений, набегают и немедленно исчезают», а, следовательно, могут использоваться для быстрой записи и фиксации принятой (воспринятой) информации, которую, как правило, невозможно, из-за нехватки времени обозначить двусоставными русскоязычными предложениями [7]. В таких случаях они передают быструю смену событий, явлений, предметов.

Указательные номинативные русскоязычные предложения – это односоставные синтаксические структуры, в которых грамматический признак представлен с помощью указательных частиц: *вот, вот и, вот здесь, вон* и т.д. [6; 8; 17].

В *указательных номинативных русскоязычных предложениях* присутствует значение *существования, бытийности*, однако его усложняет значение указательности морфологически выраженной частицей.

В зависимости от того, используется только сама частица, или усложняется она союзом с *усилительно-присоединительной функцией*, *указательные номинативные русскоязычные предложения* разделяют на две подгруппы:

а) *указательные номинативные русскоязычные предложения, которые указывают на явление или предмет при его наличии;*

б) *указательные номинативные русскоязычные предложения, которые указывают на явление или предмет, которые были упомянуты раньше, или на ожидаемое(-ый) явление или предмет при его появлении для акцентирования на нем внимания среди других явлений или предметов.* В морфолого-синтаксическом отношении такие структуры характеризуются синтаксически служебным сообщением: *вот и, и вот.*

В предложениях, где прослеживается частица *вот*, как правило, это указательное значение может иметь не очень характерное выражение и тогда на первый план выдвигается значение оценки (ироничной, неодобрительной и т.д.). К примеру, предложение с частицей *вот* демонстрирует внутреннюю несостоятельность названного явления или лица, отмечает Н.С. Валгина [8, с. 175].

Предложения с осложненными частицами *вот тебе* и *вот вам* также несут оценочный оттенок, который отрицает наличие ожидаемых свойств предмета [8, с. 175].

Содержание **оценочных номинативных русскоязычных предложений** имеет в своей структуре констатацию наличия предметов, а также ж их эмоциональную оценку. В соответствии с характером интонации и обусловленных семантических и экспрессивных оттенков такие предложения классифицируют на два распределения:

а) *оценочно-утвердительные русскоязычные предложения*, служащие для квалификации, оценки предметов;

б) *оценочно-восклицательные русскоязычные предложения*, в структуре которых заложено утверждение о наличии явления и предмета, имеет очень возвышенную эмоциональную оценку; при этом это прослеживается, как правило, в интонации восклицания и с компонентом местоимения: *который (-ая, -ое, -ые), такой (-ая, -ое, -ые), что за* и др. [11].

Несмотря на других ученых, Н.С. Валгина разграничивает оценочные номинативные русскоязычные предложения на две категории:

а) *предложения, где присутствует существительное, которое имеет и демонстрирует оценку;*

б) *предложения, где отсутствуют какие-либо существительные с оценкой* [8, с. 176].

Кроме оценочных, Н.С. Валгина выделяет *оценочно-экзистенциальные номинативные русскоязычные предложения*, в структуре которых значение бытийности имеет оценку. Ключевой особенностью предложений такого типа является присутствие эмоциональных и экспрессивных частиц: *ну, то-то, тоже мне, а еще, да и, и же, что за, какой, ай да, прямо* и др. [8, с. 175].

В.В. Бабайцева [6] называет *оценочные номинативные русскоязычные предложения* оценочно-бытийными и не разделяет на подгруппы.

В отдельный тип номинативных предложений В.В. Бабайцева выделяет *оценочно-восклицательные русскоязычные предложения* [5, с. 137].

К **собственно номинативным русскоязычным предложениям** относятся номинативные русскоязычные предложения, выступающие в виде названий учреждений, надписей, организаций, книг, пароходов, газет, к ним так же относятся надписи на вывесках и т.д. [17; 6; 8].

В.В. Бабайцева указывает, что названия картин, журналов, книг и т.п., образованные из слова или словосочетаний с номинативным значением, выражают суждения существования и используются с целью обозначения, выделения предмета или явления, указания на него, раскрывая его значение и назначения названием. Именно поэтому их можно считать не только словами, но и предложениями. В процессе общения они имеют огромную коммуникативную нагрузку, а также ж констатирующую интонацию говорящего. В.В. Бабайцева [5, с. 137] подобный тип номинативных русскоязычных предложений считает более присущим письменному стилю речи.

Побудительные номинативные русскоязычные предложения являются предложениями, которые демонстрируют желательность или необходимость появления явления и / или предмета, для названия которого использовалось существительное в прямом падеже. Такие побудительные номинативные предложения являются лексически ограниченными и обычно приняты в речи военными и производственными приказами, командами, категоричными требованиями и рекомендациями к работе или выполнению [6; 8].

Как полагает Г.А. Волохина, такие структуры могут быть квалифицированы как *эллиптические двусоставные* или *односоставные предложения*, поскольку они всегда содержат подтекст, который может реализоваться в двусоставных и односоставных конструкциях [9].

Сюда же иногда относят так называемые «окаменевшие» формы выражения приветствия в форме именительного падежа. Е.В. Дворецкая отмечает, что такой подход в определенной степени необходимо считать некорректным, поскольку подобные словосочетания является нечленимыми единицами и относятся к эквивалентам предложения [12].

«*Именительные представления*» от других разновидностей номинативных русскоязычных предложений отличаются только констатацией представления о предмете, а в обычных видах номинативных русскоязычных предложений утверждается наличие предмета, бытие или его необходимость и тому подобное. В «именительном представлении» выражается представление о предмете, потом может развернуться и уточниться. Термин «номинативное представление» или «именительное представление» точно воспроизводит функциональное назначение таких конструкций [17].

А.Н. Пешковский, автор термина «именительное представление», отмечает, что это понятие нельзя считать предложением, так как в нем нет высказывания и он не выражается ни суждением, ни понятием, а лишь упоминанием явления, о котором говорилось раньше [17]. Противоположного мнения придерживается В.В. Бабайцева, отмечая, что «именительное представление», подобно другим разновидностям номинативных предложений, можно считать предложением, поскольку это интонационно самостоятельная коммуникативная единица, используя которую, тот, кто говорит, передает информацию о присутствии в собственном сознании определенной картинке и вызывает аналогичные ассоциации в сознании собеседника [6, с. 403].

Предложение «именительного представления» нельзя считать таким, которое поможет обозначить темы для дальнейшего высказывания, поскольку оно богаче существительного с понятийным значением, а наличие в нем чувственного и эмоционального подтекста является очень важным. Отказ от психологизма при объяснении этих синтаксических конструкций лишает их специфических черт, которые отличают их от других типов простого предложения [6, с. 404]. Именно поэтому, не соглашаясь с общей оценкой предложения «именительного представления», представленной А.Н. Пешковским, исследовательница считает, что он предложил более приемлемый термин, поскольку четко демонстрирует коммуникативную функцию такой синтаксической единицы [6, с. 405].

Еще одним из типов номинативных русскоязычных предложений необходимо считать *субстантивно-качественно-оценочные русскоязычные предложения*, особую группу которых лишь за формально-грамматическим выражением образуют номинативные русскоязычные предложения, где главный член – это существительное качественно-оценочной семантики, А.А. Шахматов назвал «*именными прилагательно-безподлежащими*» и разделил их на две группы в соответствии со значением лексически невыраженного субъекта:

- а) *личные предложения, в которых субъект отвечает указанной или неопределенной лицу;*
- б) *предложения предметные, в которых субъект соответствует предмету или явлению* [23, с. 62].

В грамматической литературе нет единого мнения относительно статуса этих предложений. Одни лингвисты (А. Пешковский, А.С. Попов, А.Г. Руднев и др.) считают их *двусоставными неполными*, другие (И.А. Попова, Е.М. Галкина-Федорук) – *номинативными*, то есть *односоставными полными*.

По функциям, выполняемым номинативными предложениями в речи, А.Г. Руднев [19, с. 41–44] выделяет:

Номинативные русскоязычные предложения, которые имеют описательную функцию, как правило, используются тогда, когда необходимо четко зафиксировать бытие, существование, наличие какого-либо факта, события, явления при их описании. Предложениям такого типа А.Н. Пешковский дал название *экзистенциальные*, или *бытийные*. Этот тип предложений широко используется в различных описаниях и в ремарках к пьесам, киносценариям, где коротко, отдельными словами-предложениями, описывается обстановка, действующие лица, делаются определенные замечания [19, с. 41].

К *номинативным русскоязычным предложениям с описательной функцией* он относит *количественные соединения* (имя существительное, представленное в родительном падеже вместе с количественным числительным и / или именем существительным в любом другом падеже) [19, с. 42].

Указательные номинативные русскоязычные предложения, ключевая функция которых заключается в обращении внимания или указания на определенный предмет. Указательные номинативные русскоязычные предложения, как правило, сопровождаются соответствующей интонацией, жестом и указательными частицами *вот, это* или частицей *уже*, а при отсутствии указательных частиц – только жестом и интонацией [19, с. 42].

Если в *полупредикативных русскоязычных предложениях* отсутствует сказуемое, то они не могут быть расчлененными, хотя в них отмечается не только присутствие того или иного факта, но важным остается элемент какого-то высказывания, а иногда прослеживается модальная оценка или выражается отношение к тому или иному лицу, явлению, предмету. Как отмечает А.Г. Руднев, их следует отличать от двухсложных предложений с именным сказуемым [19, с. 42].

Вокативные русскоязычные предложения, по сравнению с обычными обращениями, не имеют в своей структуре предикативного отношения к речи иного собеседника. При этом А.Г. Руднев отмечает, что А.А. Шахматов *вокативными предложениями* назвал такие обращения, в которые вложены определенного рода дополнительный смысл. И этот дополнительный смысл обычно раскрывается благодаря контексту [19, с. 43].

Собственно именительные русскоязычные предложения, характеризующихся наличием именительного падежа, в которых существительное используется для обозначения учреждений, книг и прочее. Основная функция этого типа номинативных русскоязычных предложений – *названия*. Употребление собственно именительных номинативных русскоязычных предложений связано обычно с письменной речью как средством для выражения мысли, эмоций:

а) *названий статей, литературных произведений, глав книг*;

б) *названий учреждений*: предложения такого типа не входят в развернутое вещания, не является выражением высказывания, а средством письменного сообщения;

в) *названий месяцев, дней, года, недель, чисел* [19, с. 43].

Именные русскоязычные предложения представления используются чаще всего, когда человек размышляет или вспоминает о ком-либо или о чем-либо, когда в его памяти возникает то или иное впечатление, представление, переживание и т.д. Под *именным русскоязычным представлением* А.Г. Руднев понимает номинативное русскоязычное предложение, где отсутствуют какие-либо высказывания, а имеется только постановка вопроса о предмете, лице, явлении для размышлений, для обсуждения, для представления [19, с. 44].

В отдельный тип номинативных русскоязычных предложений составители «Русской грамматики» выделяют *неличные-субъектные предложения*, которые сообщают о бытийном состоянии, никому не принадлежит, о ситуации или событии, полностью отвлекаясь от их носителя или исполнителя, о существовании предмета, о наличии предмета или явления, непосредственно воспринимаются в настоящее время, а также – *лично-субъектные предложения*, в состав которых входит ряд семантических структур [20, с. 358–368].

В соответствии с целью высказывания, исследовательница Е.М. Галкина-Федорук называет разновидности *номинативных русскоязычных предложений*, которые используются для:

– описания явлений природы, когда называются место действия, время действия, различные метеорологические состояния природы и тому подобное;

– описания среды и обстановки, в которых включены предложения, в которых называются вещи, предметы, явления, создающие общую картину среды, сложившейся обстановки, например, в сценических ремарках; к этой же группе обычно относят географические названия, названия городов, улиц, и предложения, где содержится указание на какой-либо предмет, вещь, явление;

– описания внешности живых существ или состояния человека (психологическое состояние), куда относятся предложения, в которых отражается внешний вид человека, предложения, которые могут обозначать внутреннее состояние человека, а также выражать эмоции (страх, презрение, радость, восторг, любовь, ненависть, возмущение, сочувствие и т.д.), эмоциональную оценку в форме восклицательных предложений следует также отнести к номинативным;

– осуществление обобщения, выводов, указания на причину, где делается обобщение чего-либо, дается заключение по поводу сказанного или сделанного, указывается результат и тому подобное;

– передача модальных оттенков речи, которые выражают различные модальные значения: утверждение, недоверие, подтверждение, сомнение и тому подобное; как правило, такие предложения применяются в диалогической речи; это такие предложения, в которых называется забытое, но опять упоминается или случайно воскресшая информация в памяти и воспроизводится в названии предмета, явления или какого-то факта, такие предложения многие не считают номинативными, и даже не считают их предложениями, называя «нарисательным представлением» [21, с. 429–438];

– выражение пожелания, приказа, поздравления, к которым можно отнести приветствие, пожелание и призывы, выраженные именем существительным, стоящего в именительном падеже, имеют оттенок побуждения, выражают необходимость, желание, стремление и т.д. [21, с. 429–438].

В соответствии со структурой, номинативные русскоязычные предложения делятся на нечастые и распространенные [6], нерасчлененные и расчлененные [8].

Нераспространенными номинативными русскоязычными предложениями являются предложения, в структуре которых имеются лишь главный член предложения, представленный синтаксически неразложимым соединением слов или одним словом.

Распространенными называют номинативные русскоязычные предложения, в которых имеется один главный член и остальные второстепенные члены, которые говорят о нем или объясняют его. При этом, как правило, главный член таких предложений демонстрирует способность к распространению посредством обстоятельственных и объектных детерминантов [6, с. 116].

Нерасчлененными номинативными русскоязычными предложениями называют классические структуры предложений, которые представлены лишь одним главным членом, синтаксически неразложимым соединением или словом, или предложением с распространенными второстепенными членами, которые с главным членом образуют единое словосочетание.

Структура **расчлененных номинативных русскоязычных предложений** образована, кроме главного члена, второстепенным детерминирующим членом. При этом второстепенные детерминирующие члены являются факультативными элементами в структуре предложения.

Нерасчлененные номинативные русскоязычные предложения характеризуются дополнительными грамматическими значениями непосредственного восприятия указательности, бытия, обнаружения бытия или

завершенности восприятия, эмоциональной оценки, когда воспринимается бытие, отмечает П.А. Лекант [16, с. 161].

Выражением *дополнительных грамматических значений* восприятия бытия «вижу, слышу, воспринимаю» в речи является специфическая интонация. Выражение дополнительного значения *указательности* происходит с помощью частиц *вот, он*, которые как бы конкретизируют бытийное значение. Выражение дополнительного значения *обнаружения бытия* или *завершенности восприятия* происходит с помощью частицы *вот и*. В таких предложениях общее значение бытийности немного корректируется и в некоторой степени подавляется значениями *достижения, обнаружения*, которые отражают динамичность действия определенным образом.

Выражение *эмоциональной оценки восприятия бытия* происходит посредством специальных частиц (*вот так, который, вот, что за, ну и* и т.п.) и междометной интонации, с помощью чего значение *бытийности* обретает оттенок эмоциональной оценки предмета и субъективного восприятия. *Эмоциональная оценка* не просто приглушает значение бытийности, но и говорит об элементе дополнительной характеристики предмета, который может в некоторой степени изменить синтаксическое значение настоящего времени.

В *расчлененных номинативных русскоязычных предложениях* значение *детерминирующих второстепенных членов* определенным образом имеет взаимодействие с грамматическими значениями главного члена – временным и бытийным, а детерминирующие второстепенные члены в таких предложениях имеют временное и пространственное значение, а также указывают на отношение и принадлежность к лицу, справедливо замечает П.А. Лекант [16, с. 161–164].

Состав *расчлененных номинативных русскоязычных предложений* представлен детерминирующим второстепенным членом, которые имеет значение пространственности; он, как правило, характеризуется предложно-падежными формами существительных или наречий, которые конкретизируют, ограничивают главный член с общим бытийным значением, благодаря чему воспроизводится оттенок непосредственного восприятия. Учитывая конкретизацию бытийного значения, при этом грамматическое значение в настоящем времени также представляется приуроченным, ограниченным непосредственно к моменту коммуникативной речи.

Детерминант может:

- а) корректировать значение бытийности во временном плане;
- б) указывать на то, что бытийность имела место до момента речи и воспринимается в момент речи, с его помощью восприятие бытия может быть представлено повторно.

Семантика детерминанта может вступать в противоречие с грамматическим значением настоящего времени, а детерминант – выражать будущее время и таким образом оформлять грамматическое время как значение непосредственной преемственности бытийности после момента речи, считает П.А. Лекант [16, с. 165].

Детерминант со значением *принадлежности* или *отношения к лицу* выражается формой родительного падежа личных существительных с предлогом *в* или соответствующими формами личных местоимений. Детерминант не вносит существенных изменений в общее значение бытийности и настоящего, предложение с детерминантом принадлежности представлены двумя моделями:

- а) при употреблении в позиции главного члена конкретных существительных модель имеет значение собственно принадлежности;
- б) в сочетании с главным членом – абстрактным существительным – модель имеет значение состояния субъекта [16, с. 164–166].

А.Г. Руднев выделяет среди *номинативных предложений экзистенциальные*, которые разделяют на два типа:

- а) экзистенциальные предложения, утверждают существование (бытие) какого-то предмета и имеют в своем составе детерминант, позволяют разместить объект, о котором идет речь, во временном или пространственном измерении;
- б) экзистенциальные предложения, включающие в себя номинативные выражения, которые сообщают о состоянии, деятельности или каком-то событии. Они считают, что номинативные экзистенциальные предложения второго типа связаны с наличием определенной ситуации [19].

Проведенный анализ теоретических источников позволяет сделать вывод, что *номинативные предложения* имеют такие разновидности: экзистенциальные, указательные, оценочные, собственно-именительные или номинативные именительные предложения, побудительные и «именительные представления».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, Ю. Д. Теоретические проблемы русского синтаксиса : взаимодействие грамматики и словаря / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 407 с.
2. Арват, Н. Н. Компонентный анализ семантической структуры простого предложения (текст лекций) / Н. Н. Арват. – Черновцы : Изд-во Черновиц. гос. унта, 1976. – 68 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл : логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
4. Арутюнова, Н. Д. Русское предложение. Бытийный тип / Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. – М. : Русский язык, 1983. – 198 с.
5. Бабайцева, В. В. Односоставные предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – М. : Просвещение, 1968. – 160 с.
6. Бабайцева, В. В. Система односоставных предложений в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – М. : Дрофа, 2004. – 512 с.

7. Бабайцева, В. В. Система структурно-семантических типов простого предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева // Предложение как многоаспектная единица : [Межвуз. сб. науч. тр.]. – М., 1984. – С. 3–13.
8. Валгина, Н. С. Современный русский язык : Синтаксис : [учебник] / Н. С. Валгина. – [4-е изд., испр.]. – М. : Высшая школа, 2003. – 416 с.
9. Волохина, Г. А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж : Воронежский ун-т, 1999. – 192 с.
10. Волохина, Г. А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж : Истоки, 2003. – 196 с.
11. Грамматика русского языка. Синтаксис [под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной]. – М. : АН СССР, 1960. – Т. II. Ч. 1. – 701 с.
12. Дворецкая, Е. В. Семантика компонентов бипропозициональной структуры предложений с абсолютной конструкцией / Е. В. Дворецкая // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Сер. “Филология”. – 2008. – №2 (13). – С. 91–101.
13. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Ониненко, М. Ю. Сидорова. – М. : МГУ, 1998. – 528 с.
14. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.
15. Кобрина, Н. А. Грамматика английского языка : Морфология. Синтаксис : [учебное пособие для студентов педагогических институтов и университетов по специальности №2103 “Иностранные языки”] / Н. А. Кобрина, Е. А. Корнеева, М. И. Оссовская и др. – СПб. : СОЮЗ, 1999. – 496 с.
16. Лекант, П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке / П. А. Лекант. – М. : Высшая школа, 2004. – 247 с.
17. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – [8-е изд., доп.]. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
18. Попова, И. А. О двусоставности номинативных предложений / И. А. Попова // Исследования по современному русскому языку : [сб. ст., посвящ. памяти проф. Е. М. Галкиной-Федорук] / [под ред. Т. П. Ломтева и А. А. Камыниной]. – М. : МГУ, 1970. – С. 216–235.
19. Руднев, А. Г. Синтаксис современного русского языка / А. Г. Руднев. – М. : Высшая школа, 1968. – 320 с.
20. Русская грамматика. Синтаксис / [под ред. Н.Ю. Шведовой]. – М. : Наука, 1980. – Т. 2. – 709 с.
21. Современный русский язык : Морфология. Синтаксис [учебное пособие] / [ред. Е. М. Галкина-Федорук]. – М. : МГУ, 1964. – Ч. 2. – 638 с.
22. Современный русский язык : [учебник для филол. спец. ун-тов] / [под ред. В. А. Белошапковой]. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : Высшая школа, 1989. – 800 с.
23. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – [3-е изд.]. – [вступ. статья д-ра филол. наук, проф. Е.В. Клобукова ; редакция и комментарии проф. Е. С. Истриной]. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.
24. Шахнарович, А. М. Семантические аспекты коммуникативной функции языка / А. М. Шахнарович // Язык как коммуникативная деятельность человека. – М. : Наука, 1987. – С. 26–30.
25. Bailyn, J. F. The Syntax of Russian / J. F. Bailyn. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2012. – 373 p.
26. Callender, J. B. Studies in the nominal sentence in Egyptian and Coptic / J. B. Callender. – Berkeley : University of California Press, 1984. – 221 p.
27. Chomsky, N. The Logical Structure of Linguistic Theory / N. Chomsky. – New York : Plenum Press, 1975. – 604 p.
28. Havu, E. Le fonctionnement en discours des unités prédicatives averbales autonomes / E. Havu, F. Lefevre // Discours. – 2010. – № 6. – URL : <http://discours.revues.org/pdf/7716>.
29. Jackendoff, R. Semantic structures / R. Jackendoff. – Cambridge : MIT Press, 1992. – 322 p.

Материал поступил в редакцию 01.12.16.

ON THE ISSUE OF FUNCTIONAL AND SEMANTIC TYPES OF NOMINATIVE RUSSIAN SENTENCES IN THE MODERN LINGUISTIC STUDIES

Montasra Abdulrahman Al-Rekaby, Master Student, Teacher of Russian
College of Languages,
University of Baghdad, Iraq

Abstract. *The article highlights the functional and semantic types of the following nominative sentences: 1) existential sentences, performing a descriptive function (the existential itself and subject-existential ones); 2) demonstrative sentences dominating by the value of beingness, existence (demonstrative nominative sentences indicating the object or phenomenon, if any; demonstrative nominative sentences indicating the previously mentioned or the expected object or phenomenon); 3) evaluative sentences combining its content ascertaining the existence of objects and their emotional assessment; 4) the nominative sentences themselves acting in the form of inscriptions, names of institutions, organizations, and ships, books, etc.; 5) incentive sentences, by means of which the necessity or desirability of the appearance of the subject is approved or a noun in the direct case is called; 6) sentences with “nominative concepts” ascertaining the views on the subject.*

Keywords: *nominative sentence, existential, demonstrative, evaluative, nominative, incentive sentences, sentences with “nominative concepts”.*

УДК 740

РЕФЛЕКСИЯ В ФИЛОСОФИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ ПЕДАГОГА

А.С. Сагиндыкова¹, Б.Н. Тазабекова²^{1, 2} преподаватель кафедры русского и иностранного языков
Карагандинский государственный технический университет, Казахстан

***Аннотация.** Профессиональная рефлексия педагога, что это за способность? Как ее развивать? Как занять исследовательскую позицию по отношению к своей деятельности и к самому себе? Что значит рефлексия с философской и психологических точек зрения, что за феномен рефлексия? Каковы ее механизмы? Какое место занимает она в сознании и деятельности педагога? На сегодняшний день огромное внимание уделяется проблеме развития способностей рефлексии, существуют различные методы и приемы развития педагогической рефлексии, организуются тренинги, пишутся учебники и пособия, содержащие многоуровневые задания для самоконтроля, создаются упражнения, нацеленные на развитие рефлексивных свойств мышления.*

***Ключевые слова:** рефлексия, децентрация, саморазвитие, саморефлексия, философия, психология.*

Что же это такое рефлексия? Энциклопедический словарь дает определение, что в переводе с латинского, слово рефлексия означает – «обращение назад». А первыми же, кто ввел понятие рефлексии в употребление, были философы из древней Греции. «Сократ считал важнейшей задачей человека познание своей духовной активности в ее познавательной функции. Платон указывал на важность самопознания в связи с воспитанием такой добродетели, как благоразумие, которое он определял как знание самого себя. Аристотель признавал за рефлексией свойство божественного разума, который способен обнаружить единство предмета знания и знания, т.е. мыслимого и мысли. С течением времени понятие рефлексии расширилось, что было связано с одной из важнейших проблем философии нового времени – проблемы обоснования, источника знаний человека» [1].

По нашему скромному мнению, человеку, а особенно женщине, очень нелегко сосредоточиться только на содержании своих мыслей и отвлечься от всех внешних факторов, от всего телесного, земного, от всех насущных проблем. Узнать самого себя настолько совершенно, что последующие размышления о своей профессиональной деятельности могли бы стать отправной точкой для огромного саморазвития. Ведь главный источник наших знаний есть наш собственный опыт.

«Локк рассматривал рефлексию как внутренний опыт, являющийся основным источником знаний, в отличие от опыта внешнего, основанного на восприятии окружающего мира органами чувств. Эта трактовка рефлексии позднее стала главной аксиомой, так называемой интраспективной психологии» [2]. Именно от Локка идет традиция собственно научного изучения рефлексии. Локк впервые и выделил рефлексию как особую психическую реальность. Он определял ее как действие ума над самим собой, «...наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способы ее проявления, вследствие чего в разуме возникают идеи этой деятельности» [3].

В современном информационном обществе, в связи с нарастающей интеграцией знаний, особенно активно реализуются рефлексивные подходы. В современной философской науке появилось такое понятие, как саморефлексия науки. «Рефлексия в науке имеет как собственно научную, так и социальную, этическую и даже эстетическую направленность (например, анализ соответствия научного исследования принципу гармонии и простоты). Безусловно, такой подход способствует развитию научного поиска, повышает его продуктивность и вместе с тем обогащает его духовный потенциал» [4]. «Развитие знаний о рефлексии способствует ее дальнейшей дифференциации. В современной философии принято выделять три основных вида рефлексии: - элементарная рефлексия, приводящая к рассмотрению и анализу знаний, размышлению об их границах и значении; - научная рефлексия как анализ и критика теоретического знания на основе методов и приемов, которые свойственны данной области научного исследования; - философская рефлексия как осознание и осмысление предельных оснований бытия и мышления, человеческой культуры в целом» [5]. Сегодня феномен «рефлексия» перестал быть только философским или общенаучным понятием. «Рефлексия как метакогнитивный процесс раскрывается как принцип человеческого мышления, направляющий его на осмысление и осознание собственных форм и предпосылок, критический анализ его содержания, методов и результатов познания» [6]. Говоря простым языком, это наши умственные способности думать о собственном мышлении. А в процессах коммуникации рефлексия отражает понимание одним человеком, внутреннего мира другого человека. Но, с другой стороны, рефлексия – это не только понимание другого человека, но и понимание того, как другой человек воспринимает и понимает тебя. «В этом смысле рефлексия – это своеобразный удвоенный процесс зеркального отражения индивидами друг друга. Это взаимоотражение, содержанием которого является субъективное воспроизведение внутреннего мира партнера по взаимодействию, причем в этом внутреннем мире, в свою очередь, отражается внутренний мир первого индивида» [7]. Возможность человеческого существа занимать стороннюю позицию по отношению к себе и есть способность к децентрации. Лишь на основе взаимодействия с другими,

когда человек старается понять мысли и действия другого и когда он оценивает себя глазами этого другого, он оказывается в состоянии рефлексивно отнестись и к самому себе. [8] Как нельзя точно это отражается в строках поэта серебряного века Иннокентия Анненского [9]: «...И грани ль ширишь бытия или формы вымыслом ты множишь, но в самом Я от глаз – не Я ты куда уйти не можешь». В современной психологии существует такое понятие как реактивное мышление. Думая, тем или иным образом, человек не задумывается, почему же именно так он поступает. Этот вид мышления происходит с нами каждый день, в самых обычных, будних ситуациях. Например, мы резко нажимаем на тормоза, увидев неожиданное препятствие на дороге, ловим или наоборот уворачиваемся от летящего на нас мяча. Реактивное мышление является противоположным рефлексивному. Многие виды деятельности основаны на реактивном мышлении. Но профессия педагога предполагает, конечно, в большинстве своем рефлексивное мышление. Как же должен происходить сам процесс входа в рефлексивность у педагога. Конечно, все начинается с остановки и с вопроса самому себе: «Что со мной происходит, что я делаю, зачем я это делаю, что правильно, что неправильно, какого результата я ожидаю, какие шаги предпринять для достижения этих результатов, что зависит от меня, что от внешних факторов, анализировать свои сомнения, куда двигаться дальше?» Невозможность жить как раньше, осознание ситуации, осознание самого себя в этой ситуации, вызывает остановку текущего процесса, переосмысление, выделение главного, глубокий анализ и, как следствие, движение вперед. Педагог в своей профессиональной, да и непрофессиональной жизни не может поступать иначе. Если он является педагогом в истинном своем предназначении, как ни банально и, может быть, высокопарно это звучит: он просто обязан рефлексировать на более высоком уровне, нежели остальные. Это, конечно, нисколько не умаляет достоинство и значимость остальных профессий, требующих, может, больше реактивного мышления, но тем не менее...

Мы думаем, что в жизни каждого человека наступает такой период, когда он начинает мыслить о себе, о своих ценностях, о своих личных и профессиональных качествах. И поводом для таких размышлений не обязательно должна служить кризисная или проблемная ситуация, особенно у педагога. Пытаясь говорить с самим собой, человек вступает во внутренний диалог. А внутренний диалог это и есть рефлексия. Рефлексия позволяет понимать себя глубже, а как итог понимания себя, начинаешь понимать и других. С глубокой уверенностью можно сказать, что процесс понимания себя и понимания других, умение рефлексировать, неизбежно ведет к личностному и как итог к профессиональному росту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бизяева, А. А. Психология думающего учителя: педагогическая рефлексия / А. А. Бизяева. – Псков : ПГПИ им. С. М. Кирова, 2004. – С. 7.
2. Бизяева, А. А. Психология думающего учителя: педагогическая рефлексия / А. А. Бизяева. – Псков : ПГПИ им. С. М. Кирова, 2004. – С. 8.
3. Локк, 1960, с. 129.
4. Ладенко, Семенов, Степанов, 1989.
5. Митюшин, 1983.
6. Философский энциклопедический словарь, 1983
7. Кулюткин, Сухобская, 1996, с.48
8. Кулюткин, Сухобская, 1996.
9. И. Анненский 1979, с.255.

Материал поступил в редакцию 06.12.16.

SELF-REFLECTION IN PHILOSOPHY AND PEDAGOGUE'S PROFESSIONAL SELF-REFLECTION

A.S. Sagindykova¹, B.N. Tazabekova²

^{1,2}Teacher of the Russian and Foreign Languages
Karaganda State Technical University, Kazakhstan

Abstract. *Pedagogue's professional reflection, which skill is that? How shall it be developed? How to put yourself into the research position with regard to your own activity and yourself? What does self-reflection means in terms of philosophy and psychology, which phenomenon is that? What are its mechanisms? Which role does it play in consciousness and activity of a pedagogue? Nowadays much attention is given to the issue of developing self-reflection abilities, there are the various methods and means to develop pedagogical reflection, the trainings are organized, the textbooks, containing multilevel tasks for self-check, are created, as well as the exercises aimed at the development of reflective properties of thinking.*

Keywords: *reflection, decentration, self-development, self-reflection, philosophy, psychology.*

УДК 80

**ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛАГЕРНОЙ ЖИЗНИ КАК АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА
СМЕРТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX СТ.
(НА МАТЕРИАЛЕ «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» А. СОЛЖЕНИЦЫНА,
«КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ» В. ШАЛАМОВА)**

Салах Абдуль-Хуссейн Сальмн, магистрант
Кафедра русского языка, Факультет языков
Багдадский университет, Ирак

Аннотация. В данной статье рассматриваются произведения А. Солженицына и В. Шаламова, в частности, изображение в них лагерной жизни как актуализация пространства смерти.

Ключевые слова: А. Солженицын, В. Шаламов, смерть, лагерь, голод, литература.

Еще в начале XX ст. тема смерти остается одной из ключевых в литературе, что можно объяснить спецификой сознания, которое унаследовало определенные апокалиптические черты, поэтому эсхатологическое сознание этого столетия очень сильно обострилось (см. труды С. Великовского [9–12]). Поэтому предметом рефлексии, в том числе и саморефлексии, становится «смерть Бога», так как именно она дает начало «Некрополю скончавшихся идолов» (Д. Пашкин). Следом за этой смертью, которая определила философию Ф. Ницше [19], прослеживается цепочка иных «смертей»: для Р. Барта – это «смерть Автора» [2], для М. Фуко – «смерть Человека» [30], для С. Шпенглер – «смерть Культуры» [33]. Эти категории дали возможность гуманитарной мысли XX ст. сформировать и определить «веселое утверждение смерти» (Ж. Батай [3–5]). В итоге, «идолы цивилизации» не исчезают и / или уходят, но они именно «умирают». Это помогает зафиксировать их тотальную окончательную «смерть».

В XX ст. человек очень сильно начинает ощущать свою смертность, т.е. приближение своей кончины с каждой минутой. При этом смерть воспринимается как конкретная неизбежная категория во времени, т.е. *ограниченная временная категория*. Несмотря на то, что особое внимание к изучению смерти принадлежит, с одной стороны, тенденции к «пространственности», а с другой, – к явлению «специализации» смерти, однако *смерть* с позиции литературы является *пространственной доминантой*, а уже в концепциях и учениях литературоведов и философов *смерть* – *темпоральная категория*.

Смерть не только помогает определить жизнь человека касательно его существования, но и имеет определенный смысл жизни. Человеку не стоит убежать от своей смерти, поэтому ему необходимо ценить все то, что напоминает ему о суетности его практических начинаний. Н. Аббаньяно всегда считал, что человек способен реализовать свою свободу, если он правильно принимает смерть и признает ее как собственную судьбу [1, с. 114.], а «верность» его конечности, т.е. смерти является определенным способом понять не только себя, но и другого человека. Действительно, мы пытаемся понять других и даем возможность другим понять нас только тогда, когда мы понимаем самих себя; но для того, чтобы понять самих себя, нам необходимо реализовать себя в структуре с помощью верности нам самим, нашей конечности, смерти» [там же].

Смерть в философии экзистенциализма выступает как граница, которая устанавливает конкретные *временные рамки всей нашей жизни*. Смерть – это такая неизбежность *во времени*, которая определяет конец существования любого человека, наступающая в *будущем*: *смерть ожидают* во времени; Ж.-П. Сартр говорит о том, что человек как бы «приговорен к смерти». Поэтому такие временные категории, как мгновения и / или вечности, помогают точно определить темпоральную природу концепта смерти [27].

Однако, в трудах философов-постэкзистенциалистов Э. Левинаса и В. Янкелевича [21] *концепция смерти* имеет определенную схожесть с экзистенциалистскими восприятиями о смерти, несмотря на то, что некоторые вопросы философы не предпочитают нужным полемизировать с экзистенциалистами (например, Э. Левинас [21] пытается созвать собственную «бытия-против-смерти» концепцию), но в большинстве случаев «преодолевают» их. Э. Левинас и В. Янкелевич [21], демонстрируя собственное понимание смерти, отталкиваются, прежде всего, от временной категории – мгновения, что, с одной стороны, является базой для понимания смерти, а с другой, – становится элементом временности, который является конституционным. В свою очередь, философы останавливаются на понятии «чистого будущего», которое составляет сущность смерти (последнее мгновение жизни).

В. Янкелевич называет *последний момент жизни*, или *момент наступления смерти* «крайней точкой пограничной зоны» (философ использует мысли Л. Шестова [32] касательно «пределов жизни», которые связаны с термином «пограничная зона»). При этом во французском языке слово «point» – рус. «точка» имеет не просто пространственную природу, но и темпоральную (четкая и определенная часть длительности, т.е. момент и / или мгновение). Л. Шестов [32] определяет понятие «зоны» как некую категорию, которая является пределом длительности, временности, ограниченной временными рамками.

Практика показывает, что огромное влияние на самосознание XX ст. имели концепции Ж. Батая [3] и М. Бланшо [6]. Так, например, согласно позиции М. Бланшо, литература характеризуется особой точкой зрения на мир (принцип видения или восприятия мира); литература вместе с ее автором фиксируют свое собственное время, свое собственное пространство, она (литература) расположена «на пороге», которая ставит себя за пределами жизни и связывает себя со смертью. М. Бланшо моделирует следующую цепочку: триада «литература – смерть – пространство», где на первой позиции находится наиболее значимый элемент – понятие литературы (слова), которая является «идеальной негацией».

В философии экзистенциализма *концепт смерти* является центральным местом из-за того определенного обстоятельства, которое демонстрирует «напряженность личного бытия в ее окончательной невыносимости» [8, с. 101]. По мнению экзистенциалистов, чаще всего близость и / или угроза смерти заставляет многих людей задуматься о содержании и смысле своей жизни, «возвратиться» от быта, от повседневной жизни к бытию, так сказать «к собственной экзистенции», которая является неотделимой частью существования. При этом Л. Шестов [32] говорил о том, что мысль касательно смерти полностью меняет восприятие человеком жизни, переворачивает все его ценности. Ученый добавляет, что поэтому люди очень плохо воспринимают смерть как таковую – как будто ее совсем нет или не было. Но, когда человек начинает думать о смерти, то его масштабы и оценки меняются [32, с. 156].

Как отмечает Ф. Больнов Отто, *смерть* необходимо рассматривать как опыт, который имеется в самой сущности человека, т.е. это не случайный и не внеположный опыт. Человек постоянно переживает опыт кончины – болезненный опыт – поскольку этот опыт устанавливает пределы для человеческих возможностей и желаний. Смерть является чем-то угрожающим и ужасным, чем-то абсолютно иным, определенной границы, переход которой означает вступление в абсолют – «по ту сторону времени». Исследователь утверждает, что смерть – это нечто полностью иное, это предел, который втискивает жизнь в ее конец и лишь таким образом вызывает предельную четкость существования [8, с. 125].

Так, М. Бланшо [7] предпочел использовать словосочетание «пространство смерти», когда характеризует художественные миры произведений Ф. Кафки и М. Рильке. В этом случае организующим началом «пространства смерти» является *смерть как темпоральная категория*: все герои у Ф. Кафки подчинены определенному времени, они как бы «проживают» свою смерть и превращают ее в «жизнь», они принадлежат «времени бесконечного умирания». Для М. Бланшо [7] «пространством смерти» является сама смерть, которая имеет «неосвященную», иную сторону жизни, которая недоступна человеку. При этом М. Бланшо [7] приходит к термину особого времени – «иногое» времени – которое имеет сущность смерти, и, таким образом, представляет некое пространство.

Изучая концепцию негативной эстетики Ж. Батая [4], отмечаем, что особое место принадлежит термину «жертвоприношения», которое дает возможность отдалиться из мира вещей и вновь вернуться к сакральному порядку. Смерть является имманентной относительно жизни, страх перед смертью начинает преследовать определенного человека с того момента, когда его жизнь превращается в некий проект, который характерный для мира вещей, и только сама смерть имеет способность определить обманчивость действительности. Ж. Батай [4] приходит к термину «смерти-мгновения», которое находится между «вещным» и «интимным» мирами: смерть выступает как *свет-мгновение*, единичный момент, который открывает всю «правду жизни».

Таким образом, в литературе сформировалась современная тенденция – *тенденция к моделированию новой реальности*, где происходит формирование нового языка для этой реальности, который пытается преодолеть хаос, существующий в окружающей действительности. Создание такого «нового языка», определенных «новых форм» заставляет литературу к заимствованию многого из кино и живописи. Поэтому на первом плане наблюдается, по определению Н. Рымаря [24], *кубистический принцип* для моделирования художественной целостности рассказа или произведения [23]. Вариантами этого принципа является «метод точки зрения» – это такой способ для моделирования повествовательности в романе – к методологии которого относятся *мозаичность, монтаж, фрагментарность сюжета* [25]. Поэтому в литературном рассказе или произведении, как и в фильмах мы видим лишь какую-то часть окружающего мира, но все то, что выходит за пределы художественного мира, остается только вне нашего «поля зрения». Один из способов, который помогает преодолеть такую «ограниченность», является категория *пространственной формы*, которая дает возможность сконструировать более «зримым» художественный мир.

Кроме этого, в литературе существенно меняются взгляды на пространственно-временные координаты, так как смещение происходит в сторону пространства, поэтому *пространство* приобретает способность к изображению, а *пространственность* – к осознанию конструктивных принципов. Кроме этого, актуализируются все «пространственные» категории, включая и такую важную не просто для сознания, но и для литературы XX ст. категорию, которой является «смерть»: тенденция к «пространственности» обусловила явление «специализации» смерти. В художественной литературе возникает абсолютно новый тип пространства, где смерть имеет пространственный характер и тем самым определяет саму природу пространства.

Можем с уверенностью утверждать, что современное искусство является «пространственным» только потому, что большая ценность и важность в нем придается пространству, которое определяет не только жизнь человека, но и время. Например, тенденция к «пространственности» прослеживается в «специализации» таких временных категорий, как мгновение и / или вечность, а в литературе XX ст. на первый план выступают такие

понятия: для Ж. Женетт – это *язык пространства* [14], для В. Нёт – *пространство текста* [22], для Д. Фрэнк – *пространственная форма* [29]; при этом каждое понятие представляет своеобразный тип дискурса, где языковая форма состоит, как правило, из *пространства*.

В литературе формируется иное взаимоотношение *смерти и пространства*, которое нашло свое отражение в индивидуальном виде пространства – «пространстве смерти», которое является своеобразным художественным языком XX ст., где закрепились состояния бытийственности, неустойчивости, кризисности, неопределенности столетия. *Смерть*, в свою очередь, приобрела особое пространство, что дало возможность «пересмотреть» ее с абсолютно разных сторон и иных ракурсах. Возникает концепция К. Исупова – «скульптурка смерти» [18], и, таким образом, все чаще прослеживается употребление выражения «пространство смерти» (Р. Барт [2], М. Бланшо [6], А. Демичев [13], Л. Шестов [31] и др.). Несмотря на то, что в XX ст. имеется явная тенденция к «пространственности», к моделированию разных «пространств» (времени, формы, языка, литературы), однако содержание определенных «пространств» (например, того же «пространства смерти») остается не до конца разработанным: смерть имеет или характеризуется темпоральной категорией (она ассоциируется с длительностью, умиранием).

Попробуем на примере произведений «Колымские рассказы» В. Шаламова [35], «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына [34] проследить воплощение категории «пространство смерти» и выделить и общие критерии для двух авторов, которые пытались актуализировать ее через изображение лагерной жизни.

Различные взгляды и позиции, направленные на изображение лагерной жизни в произведениях А. Солженицына и В. Шаламова, дают возможность говорить об общих критериях касательно пространственной организации «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына и «Колымских рассказов» В. Шаламова: изображенное пространство территории лагеря является пространством смерти.

Лагерь – это определенный мир, который принципиально отграничен от обыденного мира. В нем существуют совсем иные, свои законы, и каждый человек выживает в нем по-своему. Термин «лагерь» является пространственным, так как он имеет четкую замкнутость и обособленность.

В «Колымских рассказах» В. Шаламова территория лагеря расположена на островах, что подчеркивает его ограниченность от всего мира. Необходимо отметить, что в произведениях В. Шаламова *ограниченность пространства смерти* сразу проявляется в ограниченности самого пространства, где находятся заключенные: сперва это тюремная камера, арестантский вагон, а потом и тесный барак в лагере; вся лагерная зона является дискретной, так как внутри нее существуют иные зоны, каждая из которых четко отграничена оградой, сделанной из колючей проволоки, на которой множество замком.

При этом в произведении А. Солженицына лагерная замкнутость прослеживается на нескольких уровнях. На первый взгляд, границы между этими уровнями легко преодолеть (Цезарю Марковичу приходит посылка, самому Шухову – письма), однако это преодоление является очень условным. Кроме этого, и в произведении А. Солженицына и В. Шаламова остров, на который Она пытается добраться («Она бы ему сказала на острове»), закрыт; такую «закрытость» острова можно считать тоже многоуровневой. При этом речь не идет о своеобразной редукции касательно пространства смерти, а, наоборот, определенное количество зон на территории самого лагеря фиксирует его принципиальную закрытость и ограниченность того места, в котором находится заключенный.

Лагерь как бы делает из человека зверя или определенное существо, а все его самые худшие инстинкты видны в полной мере, что приводит к тому, что человек разрушается. Так, например, А. Солженицын не считал, что человек становится вещью или предметом в лагере, как это четко обозначено в «Колымских рассказах» В. Шаламова, однако в повести «Один день Ивана Денисовича» существует множество противоречий, которые касаются «доброты» и «человечности» Шухова. Как все заключенные, Шухов «специализуется» и подчиняется определенному пространству смерти (он про себя считает, сколько ему должен Цезарь, он сильно ненавидит Фетюкова и даже подчиняется недовольству, когда, из-за уснувшего молдаванина, заключенных вечером задерживают на проверке).

Человеческая жизнь в «Колымских рассказах» В. Шаламова не является ценностью, так как смерть представлена как принципиальное несобытие, а повествование при этом не останавливается и даже «не спотыкается» об смерть. Человек становится вещью или предметом, который является абсолютно пассивным и полностью подчиненным активной зоне пространства смерти. Кроме этого, в этом произведении бросается в глаза лишь первая смерть – смерть очень близкого человека (смерть, которую переживают). Так, смерть секретарши начальника прииска Анны Павловны описывается в произведении достаточно подробно, все последующие смерти просто констатируются, т.е. является обычной констатацией факта.

В рассказах В. Шаламова прослеживается четкое распределение на *смерть-убийство* и *самоубийство*. Если *смерть-убийство* – это что-то очень внезапное и / или неожиданное, то *самоубийство* – это, как правило, очень тщательно запланированное действие. Несмотря на то, что и то, и другое четко представлены в пространстве, ни то, и ни другое не говорит о полном исчезновении из пространства: умершие все вроде бы остаются в пространстве смерти, и их при этом пытаются как-то «использовать», своего рода продлить им «жизнь» (получить его вещи). У А. Солженицына о событии касательно смерти ничего не маркируется и ничего не говорится. При этом смерть даже очень «невинного работяги» не воспринимают как трагедию, факт об этом убийстве просто констатируется, как о простой новости, несмотря на то, что такие убийства являются «новыми» для конкретного лагеря.

Во всех двух произведениях лагерная смерть маркированно не фиксируется заключенными, остается какой-то абстракцией. Такой вид смерти не просто определяется пространством, а он оказывается этим пространством: смерть может наступить на территории лагеря в любой точке – весь лагерь становится смертью. Поэтому каждый, находившийся в лагере, является интенциональным потенциальным «центром», т.е. носителем смерти: любой заключенный может или сам убить себя, или спровоцировать смерть иного заключенного, при этом донести на соседа по бараку.

В произведении «Она сказала бы ему на острове» Солнце становится «свидетелем» всего происходящего на территории лагеря. При этом Солнце не пытается активизировать пространство, а оно связано с ним, так как представляет и смерть, и страдание: Солнце является средством очень жестоких наказаний для заключенных, а солнечное сияние освещает лишь тех, кто пытается уберечь себя от ударов плетки; Она приезжает на остров в «самый полдень», и, таким образом, приближает Его смерть. Свет Солнца, который попадает на стены, сравнивается с «пятнами грязи», он неяркий, он маркировано принципиально несолнечный. А в «Колымских рассказах» Солнце не несет категорию смерти, но она является каким-то второстепенным инвентарем (за Л. Тимофеевым [28]), которое не имеет никакого отношения к жизненной действительности: оно как бы «прячется» сознательно, чтобы не предоставить людям ни тепла, ни света.

В «Одном дне Ивана Денисовича» А. Солженицына и «Колымских рассказах» В. Шаламова карнаваль- ный мотив изобилия переносится в свою противоположность, которой является *мотив голода*. Непосредствен- ную часть описания в лагерной жизни занимают повести о еде – описания, направлены на то, как выглядит ба- ланды, что именно давали на обед, а каждый прием пищи при этом превращается в своего рода традицию, а ми- нуты обеда и / или ужина – в «святыне» ритуалы. Такой акцент внимания на еде, на процессе приема пищи де- монстрирует указания на постоянное чувство голода, которое испытывают заключенные. Связанный с едой «личный праздник» в таком карнавализованном пространстве смерти разделяет всех людей, принципиально разъединяя их: они едят в одиночку, а иногда даже и ночью, делятся только в тех случаях, когда необходимо отдать кому-то долг.

Время в лагерной жизни оторвано от времени всего «большого» мира. Все дни и смена времен года яв- ляются условными, особое значение имеет только то, что присутствует здесь и сейчас. При этом переживание времени является предельно субъективным: у каждого заключенного свои временные ориентиры, однако, кор- ректное представление о времени меняется абсолютно у всех. В пространстве смерти знание правильного вре- мени является незначимым, так как важным является лишь то место, в котором ты находишься: именно от ме- ста, где будет работать заключенный, зависит длительность рабочего дня. Время полностью определяется толь- ко пространством.

В пространстве смерти время, которое показывает жизнь всего лагеря, стремится к пространствен- сти, т.е. оно растягивается. Так, в произведении А. Солженицына время как будто застыло, оно стало простран- ством, т.е. лагерем: представленный день вовлекает в себя всю лагерную жизнь – временная длительность явля- ется максимально редуцированной до одного дня, и она, в свою очередь, описывается в «пространственном срезе», где нет места ни для прошлого, ни для будущего.

Подводя итог, можем констатировать, что особое внимание к изучению смерти принадлежит, с одной стороны, тенденции к «пространственности», а с другой, – к явлению «специализации» смерти, однако *смерть* с позиции литературы является *пространственной доминантой*, а уже в концепциях и учениях литературове- дов и философов *смерть* – *темпоральная категория*. Поэтому это послужило тому, что в литературе формиру- ется иное взаимоотношение *смерти* и *пространства*, которое нашло свое отражение в индивидуальном виде пространства – «пространстве смерти», которое является своеобразным художественным языком XX ст., где закрепились состояния бытийственности, неустойчивости, кризисности, неопределенности столетия.

Кроме этого, в русской литературе XX ст. «пространство смерти» характеризуется такими категориями, как замкнутость, активность (заставляет всех героев действовать), карнавализованностью. Более того, такое пространство моделирует корректное восприятие смерти в художественном мире и пытается подчинить себе художественное время. Анализ произведений «Колымские рассказы» В. Шаламова, «Один день Ивана Денисо- вича» А. Солженицына дал возможность доказать гипотезу о том, что пространство смерти является дискрет- ной категорией, так как в нем прослеживается разделение между двумя зонами: Светлой и Темной. Это две зо- ны являются частью пространства смерти, однако каждая из них характеризуется собственными законами и правилами, которым все герои подчиняются. При этом отмечаем, что художественное пространство в анализи- руемых произведениях демонтирует об общих чертах: оно имеет несколько уровней, при этом базой ключевого уровня является смерть, т.е. «пространство смерти».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аббаньяно, Н. Введение в экзистенциализм / Н. Аббаньяно. – СПб. : Алетея, 1998. – 309 с.
2. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Батай, Ж. Внутренний опыт / Ж. Батай. – СПб. : Мифрил, 1987. – 336 с.
4. Батай, Ж. Проклятая доля / Ж. Батай. – М. : Гнозис, Логос, 2003. – 208 с.
5. Батай, Ж. Теория религии / Ж. Батай. – М. : Современный литератор, 2000 – 352 с.
6. Бланшо, М. Последний человек / М. Бланшо. – СПб. : Азбука, 1997. – 304 с.
7. Бланшо, М. Пространство литературы / М. Бланшо. – М. : Логос, 2002. – 288 с.

8. Больнов, Отто Ф. Философия экзистенциализма / Отто Ф. Больнов. – СПб. : Лань, 1999. – 222 с.
 9. Великовский, С.И. «Проклятые вопросы» Камю / С.И. Великовский // Камю А. Избранное. – М. : Правда, 1990. – С. 5–32.
 10. Великовский, С.И. В поисках утраченного смысла / С.И. Великовский. – М. : Художественная литература, 1979. – 295 с.
 11. Великовский, С.И. Грани «несчастливого сознания» / С.И. Великовский. – М. : Искусство, 1973. – 239 с.
 12. Великовский, С.И. Умозрение и словесность. Очерки французской культуры / С.И. Великовский. – М.; СПб. : Университетская книга, 1999. – 711 с.
 13. Демичев, А.В. Deathнейленд / А.В. Демичев // Альманах «Фигуры Танатоса», Искусство умирания : сб. ст. / под ред. А.В. Демичева, М.С. Уварова СПб. : Изд-во СПбГУ, 1998. – Вып. 4. – С. 51.
 14. Женетт, Ж. Литература и пространство / Ж. Женетт // Работы по поэтике. Фигуры. В 2 т. – Т. 1. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – С. 278–283.
 15. Женетт, Ж. Повествовательный дискурс / Ж. Женетт // Работы по поэтике. Фигуры. В 2 т. – Т. 2. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – С. 60–278.
 16. Женетт, Ж. Пространство и язык / Ж. Женетт // Работы по поэтике. Фигуры. В 2 т. – Т. 1. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – С. 126–132.
 17. Исупов, К.Г. Русская философская танатология / К.Г. Исупов // Вопросы философии. – 1994. – № 3. – С. 106–114.
 18. Исупов, К.Г. Смерть «другого» / К.Г. Исупов // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. – СПб. : Алетей, 1995. – С. 103–116.
 19. Кушкин, Е.П. Мальро и Ницше. Опыт нигилизма / Е.П. Кушкин // Реализм в зарубежных литературах XIX–XX вв. – Саратов, 1989. – С. 54–62.
 20. Левинас, Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас. – СПб. : Негосударственное образовательное учреждение – Высшая религиозная философская школа, 1998. – 264 с.
 21. Левинас, Э. Избранное: Тотальность и бесконечность / Э. Левинас. – М.; СПб. : Университетская книга, 2000. – 416 с.
 22. Нет, В. Текст как пространство / В. Нет // Критика и семиотика. – Вып. 6. – М., 2003. – С. 38–50.
 23. Рымарь, Н.Т. Кубистический принцип в литературе XX века / Н.Т. Рымарь // Научные чтения в Самарском филиале университета РАО. – Вып. 1. – М., 2001. – С. 97–100.
 24. Рымарь, Н.Т. Поэтика романа / Н.Т. Рымарь. – Куйбышев : Изд-во Саратовского университета, Куйбышевский филиал, 1990. – 252 с.
 25. Рымарь, Н.Т. Теория автора и проблема художественной деятельности / Н.Т. Рымарь, В.П. Скобелев. – Воронеж : Логос-Траст, 1994. – 263 с.
 26. Рымарь, Н.Т. Хаос и космос в структуре романного мышления / Н.Т. Рымарь // Динамика культуры и художественного сознания (философия, музыковедение, литературоведение). – Самара : Департамент культуры Администрации Самарской области, 2001. – С. 64–77.
 27. Сартр, Ж.-П. Бытие и Ничто / Ж.-П. Сартр. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. – 640 с.
 28. Тимофеев, Л. Поэтика лагерной прозы / Л. Тимофеев // Первое прочтение «Колымских рассказов» В. Шаламова // Октябрь. 1991. – № 3. – С. 182–195.
 29. Фрэнк, Д. Пространственная форма в современной литературе / Д. Фрэнк // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. – М. : Изд-во Московского университета, 1987. – С. 194–213.
 30. Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М. : Магистериум: Касталь, 1996. – 446 с.
 31. Шестов, Л. Киркегард и экзистенциальная философия / Л. Шестов. – М. : Прогресс: Гнозис, 1992. – 302 с.
 32. Шестов, Л. На весах Иова / Л. Шестов // Соч. в 2 т. / Л. Шестов. – Т. 2. Р. : YMCA-Press, 1975. – 412 с.
 33. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер // Гештальт и действительность. – М. : Мысль, 1993. – 663 с.
- Список иллюстрированных источников**
34. Солженицын, А. Один день Ивана Денисовича / А. Солженицын. – 1962.
 35. Шаламов, В. Колымские рассказы // Шаламов В. Сочинения: В 2 т. Т. 1 Колымские рассказы. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – С. 29–226.

Материал поступил в редакцию 10.01.17.

DEPICTION OF CAMP LIFE AS DEATH SPACE ACTUALIZATION IN RUSSIAN WRITERS' WORKS OF THE XX CENTURY (BASED ON THE MATERIAL OF A. SOLZHENITSYN'S ONE DAY IN THE LIFE OF IVAN DENISOVICH AND V. SHALAMOV'S KOLYMA TALES)

Salah Abdul Hussain Salmm, Master's Degree Student
Department of the Russian Language, College of Languages,
Baghdad University, Iraq

Abstract. In this article A. Solzhenitsyn's and V. Shalamov's works are considered, in particular, depiction of camp life as death space actualization.

Keywords: A. Solzhenitsyn, V. Shalamov, death, camp, hunger, literature.

УДК 80

РЕАЛИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ – МАРКЕРЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОЛОРИТА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ О. ГЕНРИ)

В.Ю. Сенатенко¹, Т.М. Кекеева²

¹ магистрант, ² кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии
Калмыцкий государственный университет (Элиста), Россия

Аннотация. Рассматривается использование реалий в рассказах О. Генри для передачи национально-культурного колорита и способствования глубокому пониманию культуры художественного текста.

Ключевые слова: О. Генри, реалии, рассказы, фоновые знания, частотность, перевод.

Язык – отражение культуры: все своеобразие быта конкретного народа, а именно географическое положение, исторические события, природные условия, административно-территориальное деление, развитие науки и искусства обязательно проявляются в языке народа. А в каждом языке, в свою очередь, присутствуют слова, значение которых обнаруживает прямую связь языка и культуры. К этим словам относят реалии.

Реалии как лингвистическое явление относят к безэквивалентной лексике. При исследовании взаимоотношений языка и культуры они представляют большой интерес. Также они являются частью фоновых знаний носителя языка. Особенностью безэквивалентной лексики является их непереводаемость на прочие языки с помощью постоянного эквивалента. Это значит, что у данной части слов нет соотносительности с некоторым словом другого языка. Однако этот факт совсем не означает, что безэквивалентная лексика вообще непереводаема. Понятно, что возможность передать суть вещей, о которых идет речь в оригинале, предполагает знание реальности, в которой функционируют описываемые явления. Именно за эти знания в лингвистике называют «фонавыми». Фоновые знания представляют собой «совокупность представлений о том, что составляет реальный фон, на котором разворачивается картина жизни другой страны, другого народа» (Федоров, 1983, с. 146).

Сам же термин «реалии» подразумевает «элементы национального и исторического своеобразия, которые отражаются в языке с помощью безэквивалентной лексики» [2, с. 47]. В языке и его строе отражается своеобразное видение мира, которое обуславливает специфический национальный колорит. Вот почему переводчику необходимо отразить суть оригинала таким образом, чтобы перевод содержал в себе этнокультурные особенности исходного текста.

Языковые реалии подразделяются на географические, этнографические, общественно-политические и культурные согласно классификации лингвиста Слеповича В.С. [2, с. 51].

Географические реалии выявить несложно. Они включают названия географических объектов, как в широком, так и в узком смысле слова, способы выражения местоположения населенного пункта, а также географические объекты, названия которых не совпадают в языках оригинала и перевода.

К этнографическим реалиям причисляют бытовые, фольклорные особенности, денежные единицы и меры измерения.

К общественно-политическим относятся административно-территориальное деление, социальные явления, органы власти. И последний вид реалий по этой классификации – культурные реалии. Этот вид реалий подлежит заучиванию. Так как в языке перевода нет соответствующих эквивалентов, при переводе их можно только объяснить.

Существует мнение, что хороший перевод – это такой перевод, когда читатель забывает, что оригинал написан на другом языке. Влахов С.И. и Флорин С.П. в монографии «Непереводимое в переводе» отмечают, что «... переводчик, как писатель, участвует в обогащении (или обеднении) языка, на который он переводит. Даже, пожалуй, больше, чем писатель, потому что многие иностранные слова, прежде чем укрепиться в языке и попасть в словарь, проходят через переводы [1, с. 18]».

Нами было проанализировано пять текстов рассказов О. Генри в оригинале: «A Service of Love» (Из любви к искусству), «The Gift of the Magi» (Дары волхвов), «The Roads We Take» (Дороги, которые мы выбираем), «The Trimmed Lamp» (Горящий светильник) и «The Romance of a Busy Broker» (Роман биржевого маклера).

В ходе работы с текстами в них было выявлено 58 случаев употребления реалий.

Полнее всего представлена группа этнографических реалий. Тексты изобилуют денежными единицами: five dollars, seventy eight cents и другие (21 случай словоупотребления из 58). Далее следуют бытовые особенности жизни (Tiffany, mormon, Christmas Eve) и фольклор (King Solomon, the Queen of Sheba, Adam, Eve). На них приходится 15 из 58 реалий. Группу этнографических реалий также дополняют измерительные меры: twenty miles, fifty yards, four inches, dozen (6 случаев словоупотребления).

Достаточно полно в тексте представлены географические реалии: the East River, Twenty-Fourth Street, Coney Islands, Broadway, Arizona, Wall Street (14 случаев словоупотребления).

Последняя группа реалий, присутствующих в рассказах, общественно-политические. Примерами здесь

являются представителем органа власти а head for financing и случай административно-территориального устройства – New York State. Культурные реалии в изучаемых текстах не выявлены.

Таким образом согласно проведенному исследованию можно заключить, что американские национально-культурные особенности характеризуются, прежде всего, капиталистическими отношениями (36 % реалий – названия денежных единиц, а 10 % – названия мер) и библейскими мотивами (частыми аллюзиями). Данное исследование подтверждает тот факт, что реалии являются носителями национально-культурного колорита и способствуют глубокому пониманию текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Влахов, С. И. Непереваемое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980.
2. Слепович, В. С. Перевод: английский – русский / В. С. Слепович. – Минск: «ТетраСистемс», 2009.
3. Henry, O. A Service of Love. [Электронный ресурс] / O. Henry. – URL: <http://www.lintro.ru/o-henry-a-service-of-love-tekst-dlya-chneniya/> (дата обращения: 22.11.2016).
4. Henry, O. The Gift of the Magi. [Электронный ресурс] / O. Henry. – URL: <http://www.eastoftheweb.com/short-stories/UBooks/GifMag.shtml> (дата обращения: 22.11.2016).
5. Henry, O. The Roads We Take. [Электронный ресурс] / O. Henry. – URL: <https://www.shortstories.co.in/the-roads-we-take/> (дата обращения: 22.11.2016).
6. Henry, O. The Romance of a Busy Broker. [Электронный ресурс] / O. Henry. – URL: <http://learningenglish.voanews.com/a/the-romance-of-a-busy-broker-o-henry/3390673.html> (дата обращения: 22.11.2016).
7. Henry, O. The Trimmed Lamp. [Электронный ресурс] / O. Henry. – URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/11/82/80/11828095.a4.pdf> (дата обращения: 22.11.2016).

Материал поступил в редакцию 08.12.16.

REALIAS IN FICTION – MARKERS OF NATIONAL CULTURAL COLOUR (CASE STUDY OF O. HENRY'S NOVELS)

V.Yu. Senatenko¹, T.M. Kekeyeva²

¹ Master's Degree Student, ² Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Germanic Philology Department Kalmyk State University (Elista), Russia

Abstract. *The usage of realias in O. Henry's novels for transfer of national cultural colour and promotion the penetrative understanding of the literary text culture is considered.*

Keywords: *O. Henry, realias, stories, background knowledge, frequency, translation.*

УДК 80

ТЕРМИНЫ-КОМПОЗИТЫ В СОСТАВЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В НЕМЕЦКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

Хайдер Абоджери, магистрант
Факультет языков, Багдадский университет, Ирак

Аннотация. В статье анализируются термины-композицы в составе компьютерной терминологии в немецком и арабском языках. На основании данных лексикографических источников в объеме 125 словарных единиц для немецкого языка и 116 единиц для арабского языка определяются основные типы и особенности терминов-композицы, которые подробно описываются в соответствии с авторской методикой. В статье также описан процесс образования данного вида терминов в компьютерной терминологии в немецком и арабском языках.

Ключевые слова: термины-композицы, компьютерная терминология, арабский язык, немецкий язык.

Согласно словарю лингвистических терминов Розенталя Д.Э., словосложение – это образование новых слов путем объединения в одно целое двух и более основ [12]. Словосложение удовлетворяет потребность в экономном, лаконичном изложении. Употребление одного слова вместо нескольких чередующихся лексем приводит к концентрации информации. Высокая степень эллиптичности сложных слов соответствует в полной мере тенденции современного языка к рационализованному сокращению, к ограничению избыточных языковых средств в лингвистике. Композицы дают возможность передавать сложные понятия в сжатой форме. С другой стороны, будучи мотивированными лексическими единицами, они позволяют донести до реципиента смысл, который был заложен в слове при его создании [6, с. 70].

Словосложение наряду со словопроизводством (куда входят аффиксация, реверсия и конверсия) и сокращением является одной из трех групп словообразования. Для ряда языков в современную эпоху словосложение является доминирующим способом образования неологизмов вообще, так и терминов в частности. Например, в современном английском языке неологизмы, образованные через словосложение, составляют почти 80 % от общего количества новых слов [10, с. 101]. В немецком языке словосложение также является ведущим способом образования неологизмов [5, с. 26; 8, с. 131]. Для арабского языка таких исследований (о роли словосложения в образовании неологизмов) не проводилось. Однако, учитывая высокую продуктивность несогласованного определения (определения существительного через существительное – идафа) в арабском языке вообще, а также результаты отдельных исследований терминологических подсистем в арабском языке, можно сделать вывод о ведущей роли словосложения при образовании неологизмов и в арабском языке [13, с. 39]. Это обуславливает высокую актуальность рассматриваемой темы.

Многие лексические единицы, входящие в компьютерную терминологию и немецкого, и арабского языков, несмотря на все различия в усвоении компьютерной терминологии, являются в структурном отношении сложными словами. Это связано с тем, что, как отмечено выше, словосложение является в словообразовательной системе немецкого и арабского языков продуктивным способом образования новых слов.

Продуктивность словосложения в компьютерном терминологическом образовании объясняется несколькими причинами:

- сложные термины точнее выражают специальные понятия, такая точность не может быть достигнута у простых корневых слов, обозначающих элементарные, общие, родовые понятия;
- словосложение в значительной мере используется также для компактной структурной организации группы существительного (особенно при наличии нескольких последовательно подчиненных атрибутов) с целью синтаксического лаконизма [11, с. 101];
- сложные термины более удобны, чем словосочетания, т.к. цельнооформлены;
- сложные термины обладают высокой степенью информативности и способны вместить в себя содержание целого отрезка предложения;
- у первых компонентов сложных терминов стирается грань между основами разных частей речи, т.к. нет соответствующего морфологического оформления, что способствует «мобильности» этих основ и соединению их с любыми другими основами в рамках одного цельнооформленного термина [9, с. 18].

Термины-композицы в немецком языке

В исследуемой терминологии на материале онлайн-словарь компьютерной лексики немецкого языка <http://www.computer-woerterbuch.de> [15] насчитывается 125 сложных слов, что составляет 10 % анализируемой лексики.

Наиболее распространенным типом сложного термина в компьютерной лексике немецкого языка являются двухкомпонентные термины, которые составляют 92 % от общего объема выборки, например: *die Lesebestätigung, die Bandbreite, der Thermodrucker, die Datenbank, das Steuerwerk* и др. Трехкомпонентные сложные

термины составляют 8 %, например: *die Volltextsuche, der Bildschirmschoner, das Diskettenlaufwerk, die Netzwerkkarte* и др.

Морфологический анализ сложных терминов показал, что они имеют разные составные элементы. Поскольку данная терминология носит субстантивный характер (123 лексические единицы являются именами существительными), вторым элементом сложных терминов является существительное, а в качестве первого компонента могут выступать: имя существительное, имя прилагательное, наречие, глагол. Приведенная ниже таблица (табл. 1) иллюстрирует активность различных частей речи в роли первого компонента сложного слова.

Таблица 1

Активность частей речи – первых компонентов сложных слов

Часть речи первого компонента	Количество лексических единиц	%
Имя сущ.	103	82,4%
Имя прил.	14	11,2%
Глагол	7	5,6%
Предлог	1	0,8%
ИТОГО	125	100%

Из таблицы видно, что активность различных частей речи в образовании новых терминов-композиций не одинакова. Наибольшей активностью отличается модель имя существительное + имя существительное: *der Speicherstick, der Kartendrucker, der Datenfehler, der Benutzername, der Klammeraffe, das Betriebssystem, das Passwort, die Internetzeit, das Rechnungswesen, der Datenbus, das Steuerwerk, die Vektorgrafik*.

Продуктивность модели имя существительное + имя существительное велика ввиду того, что сложное существительное с первым компонентом-существительным является таким языковым образованием, которое уже в момент возникновения обладает чертами, сближающими его, с одной стороны, с синтаксически и, с другой стороны, с этимологически составными единицами лексики вообще [11, с. 102].

Второй по продуктивности моделью двухкомпонентных терминов является модель «имя прилагательное + имя существительное»: *das Binärsystem, das Asynchronverfahren, die Infrarot-Maus, der Großrechner, das Synchronverfahren*.

Менее употребительной, но достаточно продуктивной является модель «глагол + имя существительное»: *die Suchmaschine, das Rechenzentrum, die Lesebestätigung, die Spielekonsole*.

Самой непродуктивной является модель «предлог + имя существительное» (*die Zwischenablage*), по которой созданы единичные терминологические единицы в исследуемой терминологии.

В анализируемой выборке не встречаются термины, первым компонентом которых является имя числительное.

Структурно-семантический анализ трехкомпонентных терминов показывает, что они образованы по следующим моделям словосложения немецкого языка:

имя существительное + глагол + имя существительное: *die Feststelltaste, das Diskettenlaufwerk*;

– имя прилагательное + имя существительное + имя существительное: *die Breitbandübertragung, die Volltextsuche*;

– имя существительное + имя существительное + имя существительное: *der Bildschirmschoner, die Netzwerkkarte, die Netzwerkkarte, das Netzwerkprotokoll*;

– имя существительное + имя прилагательное + имя существительное: *die Datenfernübertragung*;

– имя прилагательное + глагол + имя существительное: *die Parallelschnittstelle, die Feststelltaste*.

В анализируемой лексике отсутствуют композиты, состоящие из четырех или более компонентов. Это можно объяснить стремлением специалистов к экономии языка и возникновению большого количества аббревиатур.

Семантико-синтаксический анализ (по классификации М.Д. Степановой) показал, что все сложные термины, представленные в анализируемой компьютерной терминологии, образованы по модели определенного словосложения. Например, *die Breitbandübertragung – широкополосная передача, der Lizenzvertrag – лицензионное соглашение, das Steuerwerk – система управления, die Raubkopie – пиратская копия, der Netzteil – блок питания*.

Соединений с компилятивной связью, а также сдвиги не обнаружены. 12 лексических единиц (5 %) представляют собой сращения, образованные в результате взаимодействия словосложения и суффиксации. Своеобразие данного процесса заключается в том, что он превращает словосочетание, не изменяя формы последнего, в единую словообразующую основу и взаимодействует при этом с другим способом [14, с. 79]. Например: *die Standleitung; die Plattenspiegelung; die Lesebestätigung, die Leistungsvermittlung*.

Наиболее часто в анализируемой компьютерной лексике встречаются полносложные соединения, доля которых составила 83 % от всех отобранных имен существительных. Полносложные соединения представляют собой соединение двух или более слов без соединительных элементов. Например, *die Telearbeit, der Quelltext, die Raubkopie, die Feststelltaste, die Netzklasse, der Bustakt, das Steuerprogramm*. Намного реже (17 %) встречаются неполносложные соединения, которые соединены при помощи соединительных элементов, *-(e)s-, -(e)n-*.

Например: *der Arbeitsspeicher, die Datenbank, das Rechnungswesen, der Haftungsausschluss, die Plattenspiegelung*. Одна лексическая единица соединена дефисом: *die Baum-Topologie*.

В группе сложных слов отчетливо проявляется тенденция к частотному употреблению компонентов, с помощью которых образуются целые серии новых слов. В приведенной ниже таблице представлены наиболее активные терминообразующие компоненты (табл. 2):

Таблица 2

Наиболее продуктивные компоненты сложных слов

Компонент	Количество	Примеры
Daten-	9	die Datenbank, der Datenbus, der Datentyp, der Datenschutz, der Datenfehler
Name-/ -name	5	der Dateiname, der Namensserver, der Realname,
-programm	4	Das Antivirenprogramm, das Steuerprogramm, das Archivierungsprogramm
Speicher-/ -speicher	4	der Hauptspeicher, der Speicherstick, das Speichermedium

Из приведенной выше таблицы следует, что наиболее продуктивными являются основы *Daten-* и *-name*, потому что они описывают активно используемые явления и предметы компьютерного мира.

Таким образом, анализ компьютерной терминологии немецкого языка показал, что словосложение является продуктивным способом образования новых лексических единиц в сфере современных компьютерных и интернет-технологий. В качестве первых компонентов могут выступать различные части речи: прежде всего, имена существительные, а также прилагательные, наречия, глаголы. Наиболее продуктивным является определительное-словосложение. 78 % лексических единиц являются «полносложными» соединениями, в то время как доля существительных образованных путем «неполносложного» словосложения составляет 18 %.

Термины-компози́ты в арабском языке

Слово, образованное в результате композиции (сложения) в арабском языке, называется «мураккаб» (*murakkab*). Некоторые исследователи-терминоведы (ал-Касими, Хиджази и др.) рассматривают композиты как отдельный способ образования [2, с. 51; 4, с. 67], другие (ас-Саид) – не как самостоятельный способ образования терминов, а как разновидность аббревиации [3, с. 42]. М.Ф. Хиджази утверждает, что, если в процессе аббревиации некоторые буквы теряются, то в сложении сохраняются [4, с. 77].

Лингвисты-арабисты выделяют три способа образования составных имен [7, с. 266]:

а) из целого предложения – *murakkab iṣnādī*. Например, «*ta'bbāṭa shirṭan*» («он нес зло подмышкой» – прозвище известного поэта);

б) из двух имен, связанных конструкцией сопряженного состояния – *murakkab idāfī*, наиболее распространенный способ образования композитов в арабском языке. Например, «*muḥarrir un-nuṣūṣ*» «текстовый редактор» (программа, с помощью которой можно вносить изменения в уже имеющиеся файлы);

в) из двух слов, которые воспринимаются как одно целое – *murakkab mazajī*. Например, «беспроводной – *lā-silkī*», дословно «нет + проводной». Наиболее распространенными способами образования таких композитов является использование слов «*lā* – нет» (обозначает отсутствие того или иного признака) и «*thū* – обладающий, имеющий» (обозначает наличие того или иного признака). В литературном арабском языке использовались и другие слова, синонимы «*lā*» и «*thū*», однако в современном языке они используются крайне редко, их употребление является стилистическим архаизмом, в силу чего они вообще не используются в компьютерной терминологии. В более редких случаях могут использоваться и другие слова. Например, «сверхзвуковой – *fawqa sam'ī*».

Схожесть двух последних видов образования композитов вызвана тем, что они образуются от двух или более слов, однако во втором изменении огласовок и потеря букв – естественное явление, что не наблюдается в первом. Кроме того, в *murakkab mazajī* композит образуется за счет сочетания служебных слов (*harf* по арабской лексикографической традиции) и самостоятельных частей речи.

Если проанализировать выделенные 116 терминов-компози́тов [1], исходя из предложенной классификации, то мы получим следующие результаты (таблица 3):

Таблица 3

Типы композитов в арабской компьютерной терминологии (по классификации Б.М. Гранде)

Тип композита	Количество лексических единиц	%
<i>murakkab iṣnādī</i>	0	0 %
<i>murakkab idāfī</i>	95	82 %
<i>murakkab mazajī</i>	21	18 %

Кроме того, заслуживает внимания и классификация композитов, предложенная М.Ф. Хиджази [4, с. 78-87]. Эта классификация основана на том, какие части речи участвуют в образовании композитов:

а) *Murakkab waṣfī* – определяемое + определяющее (безотносительно идафетного состояния). Например, «*قرص مرن*» дискета (дословно – «гибкая таблетка / пластина / диск»).

б) Murakkab tawkiḍī – образуются по модели «существительное + служебное слово + местоимение, заменяющее первое существительное». Например, «al-qawm kullu-ḥum – народ / люди, каждый из них». В компьютерной терминологии этот вид композитов не встречается.

в) Murakkab badaḷī – образуется по модели «существительное + существительное + местоимение, заменяющее первое существительное». Например, «khalīl akhū-k – Халиль, твой брат». В компьютерной терминологии данный вид композитов также не встречается.

г) Murakkab 'iḥfi – образуется по модели «существительное + частица wa (и) + существительное». Например, «al-ḥamdu wa al-ṣanā' – слава и почет». Такое способ словообразования используется, чтобы образовывать единые понятия без использования идафы, то есть, подчеркивание не d зависимости одного слова от другого, а равноправия обоих компонентов в образуемом композите. Однако устойчивость таких композитов относительно невысока, в основном они употребляются в религиозной сфере. В словарях арабской компьютерной терминологии композиты такого вида не приводятся, но в специализированных текстах можно встретить отдельные словосочетания, которые, возможно, в будущем превратятся в композит этого вида. Например, «dukhūl wa khurūj – input / output».

д) Murakkab mazajī – третий тип по классификации Б.М. Гранде.

Следует отметить, что композиты, образованные по второму, третьему и четвертому способам, имеют ярко выраженную стилистическую («высокий» стиль в арабском литературном языке) окраску, что еще делает их использование в образовании арабских компьютерных терминов еще более нехарактерным.

Таблица 4

Типы композитов в арабской компьютерной терминологии (по классификации Б.М. Гранде)

Тип композита	Количество лексических единиц	%
Murakkab waṣṭī	95	82 %
Murakkab tawkiḍī	0	0 %
Murakkab badaḷī	0	0 %
Murakkab 'iḥfi	0	0 %
Murakkab mazajī	21	18 %

Анализ композитов в компьютерной терминологии арабского языка показывает, что доминирующим способом их образования является соединение двух имен. В этой модели доминирует образование по способу «существительное + существительное». Небольшое количество терминов образовано с помощью полного согласования. Вторым и последним способом является двухсоставная модель «служебное слово + имя (существительное или прилагательное). Остальные способы образования композитов в арабском языке являются непродуктивными для образования компьютерной терминологии.

И в немецком, и в арабском языках композиты являются одним из наиболее продуктивных способов образования как неологизмов вообще, так и компьютерной терминологии в частности. Это связано как с влиянием английского языка (основного донора компьютерных терминов), так и со спецификой терминологической подсистемы per se, требующей исключительной точности. В компьютерной терминологии, кроме того, описываются реалии, абсолютно нехарактерные для этапа формирования литературного языка, что также обуславливает использование композитов, обладающих высокой описательной способностью.

Несмотря на большее количество моделей образования композитов в компьютерной терминологии немецкого языка по сравнению с арабским, сокращение числа используемых моделей является доминирующей чертой и в этом языке. Одной из причин этой тенденции является полный отказ от моделей образования, композитов, несущих стилистическую нагрузку. Стилистическая нейтральность также является одной из специфических черт терминологической подсистемы лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу Хиф, Д.А. Компьютерный словарь арабского языка / Д.А. Абу Хиф. – Бейрут : Дар аль-Улум, 2009. – 203 с. (на араб. яз.)
2. Ал-Касими, А. Терминология: ее теоретические и научно-практические основы / А. ал-Касими. – Бейрут : Дар аль-Улум, 2008. – 226 с. (на араб. яз.)
3. Ал-Михна, Х.И. Арабизация компьютерных терминов / Х.И. ал-Михна, А.С. ал-Майман. – Багдад : ат-Таалим ва-л-лугат, 2011. – 144 с. (на араб. яз.)
4. Ал-Хиджази, М.Ф. Лингвистические основы терминологии / М.Ф. ал-Хиджази – Каир, 1993. – 206 с. (на араб. яз.)
5. Алиаскарова Г.Ф. Сравнительный анализ неологизмов в русском и немецком языках / Г.Ф. Алиаскарова: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Чебоксары, 2006. – 203 с.
6. Алыбина, Н.А. К проблеме словообразовательного значения сложного существительного немецкого языка / Н.А. Алыбина / Грамматика, лексикология и стилистика романских и германских языков. Сборник научных статей. – МГЛУ – Минск, 1980. – С. 70 -81.
7. Гранде, Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении / Б.М. Гранде. – М.: Восточная литература, 2001. – 592 с.
8. Егорочкина, Л.В. Основные пути развития словарного состава немецкого языка и способы словообразования в немецком языке с точки зрения их продуктивности / Л.В. Егорочкина // Вестник Башкирского университета. – 2011. – №1., Т.16. – С. 130-133.

9. Левковская, К.А. О некоторых особенностях терминологии / К.А. Левковская // Труды Института языкознания АН СССР. – М., 1959. – Т. 9. – С. 4–26.
10. Моргун, Н.Л. Словообразование как основной способ образования неологизмов в современном английском языке / Н.Л. Моргун, Е.А. Подольная // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота. – 2009. – №8(27). – В 2-х ч. Ч.1. – С. 100-102.
11. Ревеко, Л.С. Структурная организация сложных терминов в немецкой терминологии по металлообработке / Л.С. Ревеко // Вестник Брянского гос. техн. ун-та. – Брянск, 2007. – № 3. – С. 101-105.
12. Розенталь, Д.Э. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Д.Э. Розенталь и др. / Библиотека Гумер – гуманитарные науки – языкознание. – Режим доступа: <http://www.gumer.info>. – Дата доступа: 21.10.2013.
13. Синькова, О.М. Способы словообразования компьютерной терминологии в арабском литературном языке: на материале современной прессы: дис...канд филол. наук: 10.02.22 / О.М. Синькова. – М., 2007. – 147 с.
14. Степанова, М.Д. Словообразование современного немецкого языка / М.Д. Степанова. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. – 376 с.
15. Computer-Wörterbuch.de – Glossar über Computer & Internet-Fachbegriffe [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.computer-woerterbuch.de> – Date of access: 21.07.2013.

Материал поступил в редакцию 02.12.16.

COMPOSITE TERMS IN COMPUTER TERMINOLOGY IN GERMAN AND ARABIC

Haider Abo Garee, Master's Degree Student
College of Languages,
University of Baghdad, Iraq

***Abstract.** The article analyzes composite terms in computer terminology in the Arabic and German languages in view of different types of formation of these terms according to the peculiarities of the Arabic and German languages. On the basis of lexicographic sources (125 dictionary units for German and 116 units for the Arabic) the main types and features of composite terms, which are in detail described according to an author's technique, are defined. In this the article process of formation of this type of terms in computer terminology in the German and Arabic is also described.*

***Keywords:** composite terms, computer terminology, Arabic, German.*

Pedagogical sciences
Педагогические науки

УДК 377.5-024.84:67/68

**СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ
ЛЕГКОЙ И ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЕЙ**

Б.Э. Таштобаева, кандидат технических наук,

профессор кафедры «Технология изделий легкой промышленности»

Кыргызский государственный технический университет им. И. Раззакова (Бишкек), Кыргызская Республика

***Аннотация.** В статье приведен анализ подготовки кадров в Кыргызской Республике для легкой и текстильной отраслей. Рассмотрены факторы, влияющие на качество образования. Предложен системный подход к реализации мероприятий по улучшению качества образования специалистов для данных отраслей.*

***Ключевые слова:** качество образования, высшее и среднее профессиональное образование, легкая промышленность, текстильная промышленность.*

Современному рынку труда требуется специалист, обладающий умениями и навыками, готовый применять усвоенные знания в различных жизненных ситуациях. Чтобы обеспечить успешную профессиональную карьеру, специалист должен осваивать новые технологии, адаптироваться к иным условиям труда, решать новые профессиональные задачи [1].

В стратегии развития текстильной и легкой промышленности Кыргызской Республики отмечено, что образовательным учреждениям необходимо стремиться к предоставлению услуг, соответствующих международным стандартам и удовлетворяющим потребности рынка труда [2]. В настоящее время в КР несколько вузов и спузов имеют лицензии на право реализации высшего профессионального образования (ВПО) и среднего профессионального образования (СПО) по подготовке кадров для легкой промышленности (табл. 1):

Таблица 1

**Направления и профили подготовки ВПО и СПО
для легкой промышленности в образовательных учреждениях КР**

Направления и профили подготовки (согласно Перечня направлений подготовки бакалавров и магистров и Государственному образовательному стандарту)	Образовательные учреждения							
	КГТУ им. И. Раззакова	КГУСТА им. Н. Исанова	ОшТУ им. М. Адышева	КРСУ им. Б. Ельцина	КГУ им. И. Арабаева	НАХ КР	ОшГУ	МУИТ
ВПО (бакалавриат)								
«Технология и конструирование изделий легкой промышленности», профили:								
Конструирование швейных изделий (КШИ)	+	+	-	-	-	-	-	+
Технология швейных изделий (ТШИ)	+	-	+	-	-	-	-	-
Технология изделий из кожи (ТИК)	+ ¹	-	-	-	-	-	-	-
«Искусство костюма и текстиля», профили:								
Художественное проектирование костюма (ХПК)	+	+	+ ²	+	+	-	+	-
Художественное проектирование изделий из кожи (ХПИК)	+ ¹	-	-	-	-	-	-	-
Художественное проектирование текстильных изделий (ХПТИ)	+ ³	-	-	-	-	-	-	-
«Дизайн»								
Дизайн костюма (ДК)	-	-	+	-	-	+	-	+
ВПО (магистратура)								
«Технология и конструирование изделий легкой промышленности», профили:								
Конструирование швейных изделий (КШИ)	+	-	-	-	-	-	-	-
Технология швейных изделий (ТШИ)	+	-	-	-	-	-	-	-
СПО								
Конструирование и технология швейных изделий (КТШИ) (до 2005)	+	-	-	+	+	-	-	-
Конструирование и технология изделий меховой одежды и головных уборов (КТИМО) (до 2005)	+	-	-	-	-	-	-	-

Окончание таблицы 1

Направления и профили подготовки (согласно Перечня направлений подготовки бакалавров и магистров и Государственному образовательному стандарту)	Образовательные учреждения								
	КГТУ им. И. Разакова	КГУСТА им. Н. Исанова	ОшГУ им. М. Адышева	КРСУ им. Б. Ельцина	КГУ им. И. Арабаева	НАХ КР	ОшГУ	МУИТ	
СПО									
Моделирование и конструирование швейных изделий (МКШИ) (с 2005)	+	-	-	+	+	-	-	-	
Технология швейных изделий (ТШИ) 2016-17	+	-	-	-	+	-	-	-	
Дизайн костюма (ДК)	-	+	-	-	-	-	+	+	

Как показывают данные таблицы 1, из всех направлений подготовки кадров для легкой промышленности (ЛП), многие вузы, в основном, реализуют ВПО по профилю «Художественное проектирование костюма». В вузах отсутствует программа подготовки для текстильной промышленности. Хотя, в 1990-1995 гг. в Кыргызском го-сударственном техническом университете (КГТУ) были осуществлены подготовка и выпуск кадров по специальности «Технология ткани трикотажа». Однако в связи с отсутствием в то время спроса на данную специальность, она была закрыта.

Кроме отделений СПО при вузах (табл. 1), кадры среднего звена для ЛП готовят многие колледжи г. Бишкек и в др. регионах страны.

Какие же проблемы существуют по обеспечению качества образования специалистов для легкой и текстильной промышленности и какие пути решения? Ведь качество образования зависит не только от вузов и спузов, на него влияют многие факторы. Основными факторами низкого качества образования являются:

- **Слабые знания абитуриентов.** Как известно, пререквизитами для поступления в вузы и спузы, где дают высшее и среднее профессиональное образования, является наличие общего среднего образования. Ежегодный входной мониторинг знаний поступивших в вузы и колледжи студентов показывает очень низкие показатели. Также на эти показатели повлиял набор студентов на контрактные формы обучения. Студенты, обучающиеся по бюджету, имеют высокие вступительные баллы общереспубликанского тестирования (ОРТ) и, соответственно, показывают более высокие знания.

С учетом вышеуказанного, предлагается, во-первых, открыть профильные классы в школах, во-вторых, увеличить количество грантовых мест по договорам с предприятиями КР.

- **Недостаточность практических навыков выпускников вузов.** Учебные планы вузов, в большей степени, предусматривают проведение теоретических занятий по сравнению со спузами и профессиональными лицеями. Работодатели часто недовольны тем, что у выпускников вузов нет практических навыков. Увеличение объема практических и лабораторных занятий – это прерогатива самих образовательных учреждений. Поэтому в целях привития студентам практических навыков в учебных планах и программах необходимо увеличить объем практических и лабораторных занятий.

- **Слабая материальная база вузов и спузов и ее несоответствие современным требованиям.** Одной из основных проблем совершенствования подготовки специалистов для легкой промышленности является техническое оснащение кафедр современным оборудованием и создание условий, максимально приближенных к условиям реального производства.

Необходимы модернизация и усиление технического оснащения специальных кафедр вузов и спузов современным оборудованием и компьютерными системами, которые повысят профессиональные компетенции выпускников.

- **Отсутствие постоянных программ повышения квалификации преподавателей на производствах КР и за рубежом** также является одной из проблем, влияющих на качество образования. Современные швейные предприятия функционируют в сложных условиях рыночной конкуренции. Новые технологии проектирования швейных изделий внедряются в ряде предприятий (по данным наших исследований около 30 % швейных предприятий КР внедрили САПР). Разработка, развитие и внедрение новых технологий, особенно, происходит в научно-исследовательских институтах (НИИ) (например, ЦНИИШП, г. Москва) и на предприятиях РФ. В Кыргызстане различные НИИ по основным отраслям экономики страны активно функционируют, однако, по легкой и текстильной промышленности подобных структур нет.

При этих изменениях обязательно требуется постоянная информированность и изучение новых технологий в ЛП и текстильной промышленности (ТП), прежде всего, преподавателями образовательных учреждений. Критериями лицензирования образовательных программ является повышение квалификации профессорско-преподавательского состава раз в 5 лет. Считаем, что в современных условиях необходимо:

1. ежегодно (или раз в 3 года) организовать стажировки и курсы повышения квалификации непосредственно как на производствах Кыргызстана, так и в НИИ, на предприятиях стран дальнего, ближнего зарубежья.

2. организовать НИИ при МОиН КР на базе одного более крупного предприятия или вуза, где должны быть проведены комплексные исследования по экономике, управлению и производству в области ЛП и ТП, повышение научных квалификаций преподавателей. Предполагаемое название НИИ «Научно-производственный центр ЛП и ТП КР»

- **Слабая связь между образовательными учреждениями и работодателями.** Сегодня встает острая необходимость в выработке новых подходов в формировании взаимоотношений вуза и работодателей, а также использовании многочисленного арсенала методов, форм и способов взаимодействия. Но, несмотря на существующие различные методики работы с работодателями (например, Методические рекомендации по проектированию ГОС ВПО на основе компетентностного подхода и конструированию на их основе учебных планов и программ в вузах Кыргызской Республики. – Б.: 2012.-92 с.), при формировании и реализации образовательных программ вопросы взаимодействия с рынком труда остаются важной проблемой.

В соответствии с требованиями Болонского процесса в новых образовательных стандартах утверждены уровневая система высшего профессионального образования: бакалавриат и магистратура. Эти уровни образования отличаются степенью развития компетенций и результатов обучения выпускников, которые определены в Национальной рамке квалификаций Кыргызской Республики, принятой в 2015 г. В настоящее время Республиканский научно-методический центр активно работает в области развития системы квалификаций: ими разработаны профессиональные стандарты по нескольким рабочим профессиям, в т.ч. в области легкой промышленности, созданы отраслевые советы. Сейчас в Кыргызстане необходимо начать процессы разработки отраслевых стандартов для квалификаций СПО, ВПО и послевузовского образования в тесной взаимосвязи УМО МОиН КР, Ассоциации ЛП и Ассоциации ТП и предприятий КР.

Что касается подготовки специалистов в стране для текстильной отрасли, как уже было отмечено выше, на сегодня в вузах их не готовят. В настоящее время в Чуйском регионе Кыргызстана планируется открытие еще новых предприятий по текстильной промышленности, в связи с чем назревает необходимость возобновления работы по подготовке кадров. Поэтому необходимо возобновить подготовку кадров, разработку учебно-нормативных документов для текстильной отрасли: необходимо включить в перечень направлений подготовки бакалавров и магистров, разработать ГОС с соответствующими профилями.

Выводы: Таким образом, необходимо по рекомендуемому выше предложению провести ряд мероприятий системно, охватывая все факторы качества подготовки специалистов легкой и текстильной промышленности. Реализация этих мероприятий будет достаточно успешно осуществлена, конечно, при координации усилий всех заинтересованных участников процесса подготовки кадров (министерств образования и труда КР, ассоциаций ЛП и ТП КР, предприятий, образовательных учреждений), а также при вливании в каждое направление работы необходимого количества финансовых ресурсов.

Примечания

¹ Имеется договор об открытии совместной образовательной программы с университетом Цвикау (Германия) с нового учебного года.

² В 2016-17 учебном году будет последний выпуск бакалавров.

³ На 2017-18 учебный год планируется набор абитуриентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калдыбаев, С.К. О сущности и роли результата обучения на современном этапе развития высшего образования. / С.К. Калдыбаев // Современная высшая школа: инновационный аспект– 2014. – №1. – С. 61-67.
2. Таштобаева, Б.Э. К вопросу подготовки кадров для легкой промышленности / Б.Э. Таштобаева, Ф.И. Маслянова // Известия КГТУ им. И. Раззакова. – №1 (34). – Бишкек, ИЦ «Текник», 2015. – С. 287–291.

Материал поступил в редакцию 15.12.16.

SYSTEMIC APPROACH TO TRAINING OF SPECIALISTS OF CONSUMER GOODS AND FABRIC INDUSTRY

B.E. Tashtobaeva, Candidate of Technical Sciences,
Professor of Department “Technology of Products of Light Industry”
Kyrgyz State Technical University after named I. Razzakov (Bishkek), Kyrgyz Republic

Abstract. This article deals with the analysis of training of specialists of consumer goods and fabric industry in the Kyrgyz Republic. The factors influencing quality of education are considered. System approach to implementation of measures for improvement of education quality of specialists for these branches is suggested.

Keywords: education quality, higher and secondary professional education, consumer goods industry, fabric industry.

УДК 616.152.21+616.248; 577.121.7:577.125; 577.121.7:612.112.94

ВЛИЯНИЕ ХРОНИЧЕСКОЙ ГИПОКСИИ НА АКТИВНОСТЬ ПРОЦЕССОВ ПЕРЕКИСНОГО ОКИСЛЕНИЯ ЛИПИДОВ В МЕМБРАНАХ ЛИМФОЦИТОВ

Н.Б. Кармен¹, Т.И. Стародумова²

¹ доктор медицинских наук, старший научный сотрудник, ² врач анестезиолог, отделение анестезиологии № 1

¹ ФГБУН «Институт теоретической и экспериментальной биофизики РАН» (Пушино),

² ГБУЗ «НИИ Скорой помощи им. Н.В. Склифосовского» (Москва), Россия

***Аннотация.** В последние годы внимание клиницистов направлено на исследование роли активности процессов перекисного окисления липидов (ПОЛ) в патогенезе хронической гипоксии при тяжелой, неконтролируемой бронхиальной астме (БА). Персистирующее воспаление дыхательных путей всецело определяет тяжесть клинических проявлений БА [9]. В патогенезе воспаления ведущее значение имеет местная и системная гиперпродукция активных форм кислорода, и вызванная ею индукция процессов ПОЛ [7]. Активация процессов ПОЛ, в свою очередь, способствует поддержанию хронического персистирующего воспаления в дыхательных путях [6]. Этот порочный круг не только приводит к повреждению дыхательных путей, но и провоцирует развитие бронхообструктивного синдрома, способствует переходу воспалительного процесса в хронический, лежит в основе процесса ремоделирования бронхов [10].*

***Ключевые слова:** неконтролируемая бронхиальная астма, астматический статус, мембрана лимфоцита, активность процессов перекисного окисления липидов, ферментативная антиоксидантная система, низкомолекулярная антиоксидантная система.*

Цель. Изучить активность процессов ПОЛ мембранных фосфолипидов лимфоцитов у больных с астматическим статусом.

Материал и методы исследования. Клиническая характеристика больных. Обследовано 13 больных с тяжелой неконтролируемой БА, из них 9 человек – женщины (69,2 %). Средний возраст больных составил 48,5 ± 6,2 лет. Курящих среди больных не было. Средняя продолжительность заболевания составила 17,7 ± 6,9 лет.

Контрольную группу составили 11 здоровых некурящих доноров (5 мужчин и 6 женщин, средний возраст – 45,5 ± 9,2 лет) с нормальными показателями функции легких, соматически здоровые, у которых в анамнезе отсутствовали острые респираторные симптомы в течение последних 2-х месяцев. Результаты обследований доноров были приняты за норму.

Базисная (стандартная) терапия БА представлена препаратами, включенными в стандарты оказания первичной, скорпомощной и специализированной медицинской помощи в РФ (Приказы МЗ РФ № 1087н от 20.12.12 г., № 459 от 02.07.07 г.; GINA, 20011-2013; «Федеральные клинические рекомендации по диагностике и лечению бронхиальной астмы», 2011; GINA, 2015). Все больные получали системные глюкокортикостероиды внутривенно в средней суточной дозе 50,1 ± 7,3 мг.

Подсчет баллов АСТTM-теста показал, что все больные на момент проведения обследования не контролировали заболевание – цифровые значения суммы ответов в среднем составили 8,3 ± 2,6 балла.

Биохимическое исследование активности процессов ПОЛ в мембранах лимфоцитов. Содержание малонового диальдегида (МДА) в мембранах определяли по методу И.Д. Стальной и Т.Д. Горишвили [4], диеновых конъюгатов (ДК) – по методу И.Д. Стальной [3], шиффовых оснований (ШО) – по методу Bidlack W.R. [8]. Активность супероксиддисмутазы (СОД) в мембранах эритроцитов оценивали по методу Fried R. [11]. Активность каталазы в мембранах эритроцитов оценивали по методу Luck M. [13]. Концентрацию токоферола определяли по методу Duggan T. [1].

Использование определения активности ПОЛ в мембранах клеток крови в качестве показателя активности данного процесса в организме стало возможным благодаря обнаружению Neekers H. et al. [12] общности структуры мембран клеток крови и тканевых клеток организма и установлению корреляций между этими изменениями.

Результаты исследования и обсуждение. Проведенные исследования свидетельствуют о резкой интенсификации процессов ПОЛ мембранных фосфолипидов – концентрации ДК, МДА и ШО составили 190,2 % - 250,3 % - 228,9 % от уровня нормальных значений (таблица 1).

Таблица 1

Активность ПОЛ в мембранах лимфоцитов у больных неконтролируемой бронхиальной астмой

Показатели	Норма (доноры)	Бронхиальная астма
Концентрация ДК, нмоль/мг липида	6,63 ± 0,49	12,61 ± 0,58* <i>p</i> <0,001
Концентрация МДА, отн.ед/мг липида	1,75 ± 0,43	4,38 ± 0,30* <i>p</i> <0,001
Концентрация ШО, отн.ед/мг липида	2,28 ± 0,26	5,22 ± 0,49* <i>p</i> <0,001

Примечание: * *p*<0,05 по сравнению с нормой (здоровыми донорами).

На этом фоне регистрируется истощение ферментативной и низкомолекулярной антиоксидантных систем мембран лимфоцитов. Отмечено снижение активности супероксиддисмутазы (СОД) и каталазы – на 30,0 % и 36,1 % соответственно. Концентрация основного структурного антиоксиданта клеточных мембран – токоферола – снижалась почти в 2 раза (график 1).

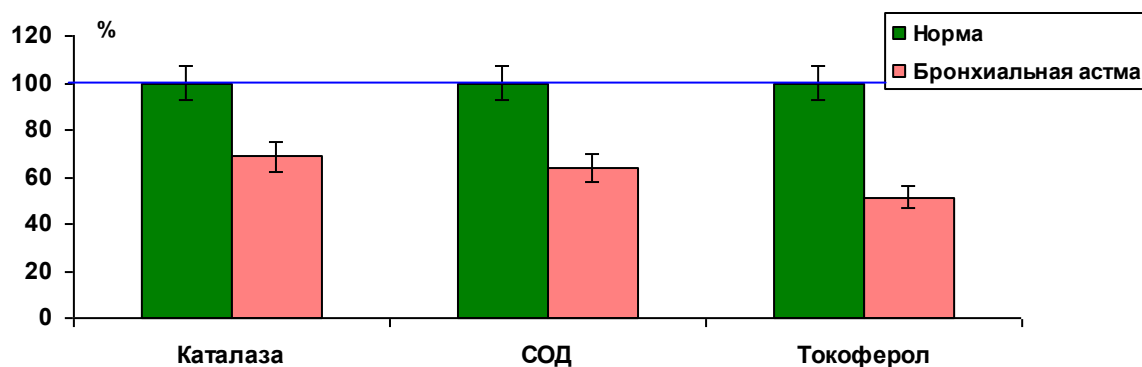

График 1. Активность ферментативной и низкомолекулярной антиоксидантных систем мембран лимфоцитов

Активация процессов ПОЛ в мембранах приводит к формированию синдрома «клеточной мембранопатии» с нарушением специфических функций мембраны и мембранных белков [14]. Нарушение функции мембранных рецепторов клеток иммунной системы (лимфоцитов) в свою очередь, поддерживает высокую активность хронического персистирующего воспаления в дыхательных путях [2, 5]. Этот порочный круг приводит к повреждению дыхательных путей, провоцирует развитие бронхоспастического синдрома, способствует переходу воспалительного процесса в хронический, лежит в основе процесса ремоделирования бронхов [10].

Все эти факты дают основание полагать, что одной из основных задач лечебных мероприятий при бронхиальной астме следует также считать ингибирование активности перекисного повреждения мембранных фосфолипидов и повышение емкости антиоксидантных систем мембран клеток.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колб, В. Г. Справочник по клинической химии / В. Г. Колб, В. С. Камышников. – Минск : Беларусь, 1982. – 256 с.
2. Рязанцева, Н. В. Патологическая физиология эритроцитов при психических расстройствах: Автореферат дисс. ... д.м.н. / Н. В. Рязанцева. – Томск, 2001: 43.
3. Стальная, И. Д. Метод определения диеновой конъюгации ненасыщенных кислот. Современные методы в биохимии / И. Д. Стальная. – М. : Медицина, 1977. – С. 63–64.
4. Стальная, И. Д. Метод определения малонового диальдегида с помощью тиобарбитуровой кислоты. Современные методы в биохимии / И. Д. Стальная, Т. Д. Горишвили. – М. : Медицина, 1977; 66-68.
5. Чурляев, Ю. А. Особенности течения, диагностики и лечения ДВС-синдрома у реанимационных больных с черепно-мозговой травмой. Автореферат дисс. ... д.м.н. / Ю. А. Чурляев. – Новосибирск, 1997. – 48 с.
6. Aristoteles, L. R. Modulation of the oscillatory mechanics of lung tissue and the oxidative stress response induced by arginase inhibition in a chronic allergic inflammation model / L. R. Aristoteles, R. F. Righetti, N. M. Pinheiro et al. // BMC Pulm/ Med. – 2013; 13: 52.
7. Barnes, P. J. Exhaled nitric oxide in pulmonary diseases: a comprehensive review / P. J. Barnes, R. A. Dweik, A. F. Gelb et al. // Chest. 2010; 138 (3): 682-692.
8. Bidlack, W. R. Damage of microsomal membrane by lipid peroxidation / W. R. Bidlack, A. L. Dyel // Lipids. – 1959; 8 (4): 177-182.
9. Bousquet, J. Asthma. From bronchoconstriction to airways inflammation and remodeling / J. Bousquet, P. K. Jeffery, W. W. Busse et al. // Am J Respir Crit Care Med. – 2000; 161 (5): 1720-1745.
10. Brussino, L. Oxidative stress and airway inflammation after allergen challenge evaluated by exhaled breath condensate analysis / L. Brussino, I. Badiu, S. Sciascia et al. // Clin Exp Allergy. – 2010; 40 (11): 1642-1647.

11. Fried, R. Enzymatic and non- enzymatic assay of superoxide dismutase / R. Fried // Biochem. – 1975; 87: 657-666.
12. Heckers, H. The effect of different fat supplemented diets on the erythrocyte ghosts and plasma lipid composition of geriatric subjects / H. Heckers, D. Platt, T. Brosche et al. // Arch. Gerontol. Geriatr. – 1986; 5 (2): 83-95.
13. Luck, M. Catalase / M. Luck; Ed. By Bergmeyer H. Perg. – Press. N-Y., 1966; 885-894.
14. Reis, F. G. Stress amplifies lung tissue mechanics, inflammation and oxidative stress induced by chronic inflammation / F. G. Reis, R. H. Marques, C. M. Starling et al. // Exp Lung Res. 2012; 38 (7): 344-354.

Материал поступил в редакцию 26.12.16.

THE INFLUENCE OF CHRONIC HYPOXIA ON THE ACTIVITY OF LIPID PEROXIDATION PROCESSES IN LYMPHOCYTE MEMBRANES

N.B. Karmen¹, T.I. Starodumova²

¹ Doctor of Medicine, Senior Researcher, ² Anesthesiologist, Department of Anesthesiology No. 1

¹ Institute of Theoretical and Experimental Biophysics of RAS (Pushchino),

² Scientific Research Institute named after N.V. Sklifosovskiy (Moscow), Russia

Abstract. *Clinicians have paid attention to studying the role of activity of lipid peroxidation processes in pathogenesis of chronic hypoxia at severe, uncontrollable bronchial asthma recently. Obstinate inflammation of respiratory tract determines the severity of clinic manifestations of bronchial asthma [9]. In inflammation pathogenesis the leading role belongs to local and systemic hyperproduction of ROI and resulting induction of lipid peroxidation processes [7]. Activation of lipid peroxidation processes, in its turn, promotes stability of chronic obstinate inflammation in respiratory tract [6]. This vicious circle not only leads to the affect of respiratory tract, but also causes the transformation of inflammatory process into chronic one and is the basis of bronchi remodeling process [10].*

Keywords: *uncontrollable bronchial asthma, status asthmaticus, lymphocyte membrane, activity of lipid peroxidation processes, enzymatic antioxidant system, low-molecular antioxidant system.*

УДК 616.152.21+616.248; 577.121.7:577.125; 577.121.7:612.112.94

ВЛИЯНИЕ ХРОНИЧЕСКОЙ ГИПОКСИИ НА СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА МЕМБРАН ЛИМФОЦИТОВ

Н.Б. Кармен¹, Т.И. Стародумова²

¹ доктор медицинских наук, старший научный сотрудник, ² врач анестезиолог, отделение анестезиологии № 1

¹ ФГБУН «Институт теоретической и экспериментальной биофизики РАН» (Пущино)

² ГБУЗ «НИИ Скорой помощи им. Н.В. Склифосовского» (Москва), Россия

Аннотация. Относительно недавно было показано, что разрушающиеся в условиях хронического воспаления сфинголипиды мембран клеток [которые играют важнейшую роль в патогенезе хронической гипоксии при бронхиальной астме (БА)], могут быть использованы в качестве ключевых маркеров развития обратимой и необратимой бронхообструкции [7]. Тем не менее, существует определенный пробел в знаниях о том, как изменяются структура и функциональные свойства клеточных мембран лимфоцитов в условиях хронического воспаления, характерного для тяжелых, неконтролируемых форм БА (и в частности, астматического статуса), а также каким образом влияет на эти параметры стандартная (базисная) терапия, основные принципы которой рекомендованы GINA (2015). Целью данного исследования является изучение структурно-функциональных свойств мембран лимфоцитов у больных с неконтролируемой БА и астматическим статусом.

Ключевые слова: астматический статус, структурно-функциональные свойства мембраны лимфоцита, микровязкость мембранных липидов, микровязкость аннулярных липидов, полярность мембранных липидов, полярность аннулярных липидов, длительно действующие β_2 -агонисты.

Материал и методы исследования. Клиническая характеристика больных. Обследовано 17 больных с тяжелой неконтролируемой бронхиальной астмой (БА), осложнившейся астматическим статусом, из них 11 человек – женщины (64,7 %). Средний возраст больных составил $50,8 \pm 9,3$ лет. Курящих среди больных не было. По длительности заболевания больные распределились следующим образом: 5-10 лет – 4 (23,5 %), 11-15 лет – 7 (41,2 %), 16-20 лет – 5 (29,4 %), более 20 лет – 1 больных (5,9 %). Средняя продолжительность заболевания составила $15,9 \pm 8,7$ лет.

Контрольную группу составили 11 здоровых некурящих донора (5 мужчин и 6 женщин, средний возраст – $45,5 \pm 9,2$ лет) с нормальными показателями функции легких, соматически здоровые, у которых в анамнезе отсутствовали острые респираторные симптомы в течение последних 2-х месяцев. Результаты обследований доноров были приняты за норму.

Базисная (стандартная) терапия, используемая у больных данной клинической группы, представлены препаратами, включенные в стандарты оказания первичной, скорпомощной и специализированной медицинской помощи в РФ (Приказы МЗ РФ № 1087н от 20.12.12.г., № 459 от 02.07.07 г.; GINA, 20011-2013; «Федеральные клинические рекомендации по диагностике и лечению бронхиальной астмы», 2011, GINA, 2015.). Все больные получали системные глюкокортикостероиды внутривенно в средней суточной дозе $50,1 \pm 7,3$ мг в перерасчете на преднизолон.

Подсчет баллов АСТTM-теста показал, что все больные на момент проведения обследования не контролировали заболевание – сумма баллов у больных колебалась от 5 до 10 баллов (в среднем составила $7,3 \pm 2,6$ балла).

Биофизическое исследование структуры и функции мембран. Структуру мембран лимфоцитов определяли методом латеральной диффузии гидрофобного зонда пирена [2]. Мембраны выделяли по методу [3]. Микровязкость липидного слоя (F_m/F_e 334) и аннулярных липидов (F_m/F_e 286) в мембранах определяли по методу [6]. Степень погружения белков в липидный слой (ΔF) определяли по тушению флуоресценции белков пиреном [2].

Полярность окружения зонда пирена в мембране оценивали с помощью параметра F_{372}/F_{395} , равного отношению интенсивности флуоресценции пирена в суспензии эритроцитов при длине волны возбуждения 334 нм и длинах волн флуоресценции 372 и 395 нм. Использовали суспензию лимфоцитов, разведенную до концентрации $1,0 \times 10^6$ кл/мл. Спектры флуоресценции регистрировали флуоресцентным спектрофотометром «Hitachi - 650-60» (Япония). В каждом препарате измеряли флуоресценцию не менее 10 клеток с вычислением среднего значения и дисперсии среднего.

Полученные результаты обрабатывали с помощью статистических функций программы «Excel-2000» и «SigmaStat 3.5». Использовали методы описательной статистики, сравнительные статистические методы, непараметрические методы. Различия считали статистически значимыми при $p < 0,05$. Данные представлены в виде $M \pm m$.

Результаты и обсуждение. Проведенное исследование показало, что микровязкость липидного слоя (F_m/F_e 334) и аннулярных липидов (F_m/F_e 286) мембраны лимфоцита в 2,0 и 2,5 раза превышали норму ($p < 0,05$). Коэффициент тушения флуоресценции белков пиреном (ΔF) был ниже нормального значения более чем в 2 раза ($p < 0,001$). Полярность липидного слоя [$F_{372/395}$ (334)] и аннулярных липидов [$F_{372/395}$ (286)] мембран была в 1,6 и 1,9 раза выше, чем у здорового контингента ($p < 0,001$) (таблица 1).

Таблица 1

Структура мембран лимфоцитов

Показатели	Норма (доноры)	Бронхиальная астма
F_m/F_e (334), усл.ед.	$1,28 \pm 0,11$	$2,54 \pm 0,25^*$ $p < 0,05$
F_m/F_e (282), усл.ед.	$0,27 \pm 0,03$	$0,67 \pm 0,06^*$ $p < 0,01$
$F_{372/395}$ (334), усл.ед.	$1,02 \pm 0,01$	$1,64 \pm 0,11^*$ $p < 0,001$
$F_{372/395}$ (282), усл.ед.	$1,15 \pm 0,05$	$0,61 \pm 0,06^*$ $p < 0,01$
ΔF , усл.ед.	$1,65 \pm 0,05$	$0,77 \pm 0,06^*$ $p < 0,001$

Примечание: * $p < 0,05$ по сравнению со здоровыми донорами.

Увеличение микровязкости мембранных фосфолипидов является основной причиной повышения ригидности мембраны клетки. По данным Н.В. Рязанцевой [5] в мембранах клеток крови происходит дезорганизация поверхностной архитектоники и изменение качественного состава фосфолипидов, и эти изменения напрямую коррелируют с увеличением числа дегенеративно измененных клеток крови.

Изменение полярности мембранных липидов свидетельствует о распаде фосфолипидов и появлении лизоформ и свободных жирных кислот. Уменьшение коэффициента тушения флуоресценции белков пиреном (ΔF) является признаком нарастания олигомеризации белков и уменьшения степени их интеграции с липидами, что изменяет активность рецепторных центров и нарушает работу ионных каналов. В целом эти изменения являются признаками глубоких перестроек структуры мембран клеток [4].

Владимиров Ю.А. [1] описал явление, названное им «водной коррозией» мембран, суть которого состоит в том, что при активации ПОЛ в мембранах эритроцитов в липидном бислое появляются гидрофильные кластеры, что «обеспечивает» нестабильность структуры мембраны и ее повышенную проницаемость.

Модификация мембран клеток затрагивает как структурные, так и функциональные свойства мембран, что проявляется изменением порога чувствительности клеток к сигнальным воздействиям, блокированию активных центров мембранных белков, а распад мембранных липидов нарушает интеграцию функциональных мембранных белков (это подтверждается уменьшением значения показателя ΔF в нашем исследовании), сопровождается потерей функциональной активности рецепторов, ионных каналов и, в итоге, гибели клетки [8].

Таким образом, изменение структуры и функции мембран лимфоцитов лежит в основе нарушения рецепторных взаимодействий клеток белой крови с последующим «неадекватным» ответом иммунной системы организма на воспалительный процесс в бронхах, который проявляется в мощной экспрессии провоспалительных цитокинов [таких как хемокины (Gros, IP-10), Th₁₇-цитокины (IL-17, IL-22)], молекул клеточной адгезии, белков внеклеточного матрикса, которым принадлежит важная роль в поддержании и прогрессировании гиперчувствительности бронхов, хронического воспаления и ремоделирования бронхов [9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимирюв, Ю. А. Свободные радикалы и антиоксиданты / Ю. А. Владимирюв // Вестник Российской АМН. – 1998. – № 7. – С. 43–51.
2. Владимирюв, Ю. А. Флуоресцентные зонды в исследовании биологических мембран / Ю. А. Владимирюв, Г. В. Добрецова. – М.: Наука, 1980. – 320 с.
3. Колчинская, Л. И. Изучение взаимодействия Na^+ , K^+ - АТФ-азы эритроцитов с субаином, влияние ацетилфосфата / Л. И. Колчинская, В. К. Лишко, М. К. Малышева // Биохимия. – 1976. – № 3. – С. 933–938.
4. Меньшикова, Е. Б. Окислительный стресс. Патологические состояния и заболевания / Е. Б. Меньшикова, Н. К. Зенков, В. З. Ланкин и соавт. – Новосибирск: Арта, 2008. – 284 с.
5. Рязанцева, Н. В. Патофизиология эритроцитов при психических расстройствах: Автореферат дисс. ... д.м.н. / Н. В. Рязанцева. – Томск, 2001. – С. 43.
6. Bligh, E. Rapid method of total lipid extraction fined purification / E. Bligh, W. J. Dyer // Can. Biochem. Physiol. – 1959. – v.37, № 8. – P. 911–912.
7. Petrache, I. The involvement of sphingolipids in chronic obstructive pulmonary diseases / I. Petrache, D. N. Petrusca // Handb Exp Pharmacol. – 2013. – v. 216. – С. 247–264.
8. Xia, Y. Pro-inflammatory and immunomodulatory functions of airway smooth muscle: emerging concepts / Y. C. Xia, N. S. Redhu, L. M. Moir et al. // Pulm Pharmacol Ther. – 2013. – v. 26, № 1. – P. 64–74.
9. Yeganeh, B. Emerging mediators of airway smooth muscle dysfunction in asthma / B. Yeganeh, C. Xia, H. Movassagh et al. // Pulm Pharmacol Ther. – 2013. – v. 26, № 1. – С. 105–111.

Материал поступил в редакцию 26.12.16.

**THE INFLUENCE OF CHRONIC HYPOXIA ON STRUCTURAL
AND FUNCTIONAL PROPERTIES OF LYMPHOCYTE MEMBRANES**

N.B. Karmen¹, T.I. Starodumova²

¹ Doctor of Medicine, Senior Researcher, ² Anesthesiologist, Department of Anesthesiology No. 1

¹ Institute of Theoretical and Experimental Biophysics of RAS (Pushchino),

² Scientific Research Institute named after N.V. Sklifosovskiy (Moscow), Russia

Abstract. *It has been shown recently that sphingolipids of cell membranes decaying under the conditions of chronic inflammation (which play the main role in pathogenesis of chronic hypoxia at bronchial asthma) can be used as key markers of development of inversive and nonreversible wheezing [7]. Nevertheless, there is a certain gap in the knowledge on how the structure and functional properties of lymphocyte cell membranes change under the conditions of chronic inflammation, characteristic of severe uncontrollable forms of bronchial asthma (and status asthmaticus, in particular) and how the standard (basic) therapy influences these parameters, the main principles of which are recommended by GINA (2015). This research is aimed at studying structural and functional properties of lymphocyte membranes at patients with uncontrollable bronchial asthma and status asthmaticus.*

Keywords: *status asthmaticus, structural and functional properties of lymphocyte membrane, membrane lipid microviscosity, anular lipid microviscosity, membrane lipid polarity, anular lipid polarity, long-acting β_2 -agonists.*

УДК 616-006.311-089.87

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ХИРУРГИЧЕСКОГО ЛЕЧЕНИЯ ГЕАНГИОМ НАРУЖНЫХ ПОКРОВОВ У ДЕТЕЙ

Б.А. Омурзаков¹, М.Ю. Логвиненко²

¹ кандидат медицинских наук, врач-микрохирург, ² врач-хирург
Национальный Центр Охраны Материнства и Детства
Министерства Здравоохранения Кыргызской Республики (Бишкек), Кыргызстан

Аннотация. В статье приведены результаты лечения 301 ребёнка в Национальном Центре Охраны Материнства и Детства Кыргызской Республики с 2008 по 2015 гг. больных гемангиомами. В исследовании участвовали 2 группы пациентов: первая группа количеством 163 больных с использованием традиционного хирургического метода лечения и хирургического метода с использованием радиохирургического ножа прибора «ФОТЕК 301Е» во второй группе количеством 138 детей. Целью исследования являлось выявление наиболее эффективного хирургического способа лечения.

Ключевые слова: гемангиома, дети, хирургическое лечение, радиохирургический нож, прибор «ФОТЕК 301Е».

Гемангиомы наружных покровов по частоте занимают первое место среди онкологических заболеваний детского возраста, составляя среди прочих новообразований мягких тканей более 50 %. По морфологическому строению, обменным процессам, гистохимическим свойствам гемангиомы характеризуются как доброкачественная опухоль, однако, в начале своего развития, а также располагаясь в местах, часто подвергающихся травматизации наблюдается интенсивный, злокачественный их рост [3, 4, 6, 11, 13, 19].

Несмотря на возможность самоизлечения с последующей инволюцией, в 90 % случаев отмечается рост гемангиом, особенно у детей раннего возраста в период от 6 до 9 месяцев жизни. Объективно за две-три недели пассивного наблюдения некоторые формы могут увеличиваться в 4-5 раз [3, 7, 10].

Несмотря на известность гемангиом широкому кругу врачей, в 71 % случаев в Кыргызской республике пациенты обращаются к сосудистым хирургам в запущенных формах, используя длительное время различные консервативные методы лечения в том числе физиотерапевтические процедуры, стимулирующие их рост. Сложность прогнозирования течения гемангиом, а также склонность к увеличению их с возрастом требует безотлагательного лечения уже в периоде новорожденности. При хирургическом лечении гемангиом специалистами общего профиля удается достичь онкологического выздоровления, но косметический результат не всегда заслуживает положительной оценки, не удовлетворяя как самого хирурга, так и пациентов [1, 2, 8, 15].

Традиционно известные способы лечения гемангиом, такие как криодеструкция жидким азотом или окисью углерода, склеротерапия с введением различных препаратов, как правило, характеризуются многократностью процедур и не позволяет полностью удалить гемангиоматозные ткани. В связи с чем появился новый метод – хирургическое удаление высокочастотным радиохирургическим ножом [14, 18].

Современное радиоволновое хирургическое оборудование генерирует электромагнитные волны очень высокой частоты от 350 кГц до 4 МГц. К таким приборам нового поколения относится «ФОТЕК 301Е». При его использовании разрез выполняется без давления или разрушения клеток ткани. Рассечение выполняется теплотой, которая вырабатывается в клетках при сопротивлении прохождению высокочастотной волны [16]. Радиоволны, излучаемые прибором способны закрывать мелкие кровеносные сосуды без обугливания [17]. Использование радиохирургического ножа позволяет производить разрез совместно с коагуляцией тканей с помощью высокочастотного переменного тока. Поскольку травматизация минимальна, заживление происходит практически без послеоперационных болей и образования столь выраженного шрама (рубца). Значительным преимуществом является также стерилизующий эффект радиоволновой хирургии.

Радиохирургическая техника позволяет выполнять разрезы любой конфигурации и заданной глубины, даже в определенном слое ткани. При удалении или биопсии новообразований мягких тканей не наблюдается геморрагических и гнойных осложнений. Длительность эпителизации при использовании радиохирургического метода в 2-2,5 раза выше, чем у пациентов после электрокоагуляции, вызывающей выраженные термические повреждения тканей с формированием зоны ожога 2-3 степени с характерным постепенным формированием демаркационной линии.

Учитывая вышеуказанные преимущества данной методики для хирургического лечения врожденных гемангиом и других эпителиальных образований, мы имеем определенный опыт лечения детей аппаратом «ФОТЕК 301Е».

Целью настоящего исследования является выбор и внедрение наиболее эффективного, менее травматичного и доступного хирургического метода лечения больных гемангиомой.

Материалы и методы. В Национальном Центре Охраны Материнства и Детства Кыргызской Республики

с 2008 по 2015 гг. хирургическое лечение получило 301 детей, больных гемангиомами. Критериями отбора пациентов являлись возраст, наличие осложнений (изъязвление, кровотечение) и локализация гемангиомы.

Всех прооперированных больных разделили на две группы по методу лечения: традиционная хирургия и радиохирургия.

В первую группу пациентов было включено 163 (54,2 %) ребенка, получившие традиционное хирургическое лечение. Средний возраст был 7,6 лет \pm 2,8 мес. Количество девочек составило 95 (58,3 %), мальчиков – 68 (41,7 %). Все операции проводили в стационарных условиях.

Вторая группа составила 138 (45,8 %) пациентов, получившая хирургическое лечение радиохирургическим ножом. Средний возраст был 4,5 лет \pm 5,6 мес. Количество девочек составило 84 (60,9 %), мальчиков – 54 (39,1 %). Операции проводились в 81 (58,7 %) случаях в амбулаторных условиях, а в 57 (41,3 %) случаях в стационарных условиях.

В первой группе детей под общей анестезией операцию проводили традиционным методом.

Во второй группе с использованием хирургического метода при иссечении гемангиомы радиохирургическим ножом заранее маркировали линию разреза на границе здоровой и пораженной кожи. Операции проводились под внутривенным наркозом, дополнительно вводился местный анестетик в виде 0,25 % раствора лидокаина с добавлением 0,1 мл 0,18 % адреналина. Гемангиомы иссекались с помощью игольчатого электрода в режиме работы прибора разрез и коагуляция – «СМЕСЬ». В зависимости от диаметра электрода подбирался соответствующий режим работы аппарата: при диаметре 0,02 мм использовался режим 4-5, при диаметре 0,15 мм – режим 5-8.

Гемостаз в ходе операции осуществлялся одновременно с рассечением ткани. После иссечения опухоли проводили ревизию операционной раны, с повторной обработкой в режиме коагуляции, при этом дополнительно обрабатывались мелкоточечные гемангиомы. Рана ушивалась рассасывающимся шовным материалом (викрил 0,5), на кожу накладывали косметические швы (пролен 0,5).

После проведенной операции больных в обеих группах наблюдали от 3 месяцев до 2 лет.

Статистическая обработка проводилась с помощью программы «SPSS 22».

Результаты и обсуждение. Был проведен ретроспективный анализ данных с 2008 по 2015 гг. по поводу эффективности использования традиционного радиохирургического методов лечения и была сделана оценка клинических и косметических результатов лечения больных с гемангиомой.

В первой группе с применением традиционного хирургического метода у 145 (89 %) послеоперационных больных заживление происходило первичным натяжением, у 18 (11 %) вторичным. Рецидив отмечался у 18 \pm 2,4 больных. Эстетический результат удовлетворил 87 % пациентов.

Во второй группе были получены следующие результаты: у 131 (95 %) больных послеоперационная рана зажила первичным натяжением, у 5 (3,6 %) больных отмечались расхождения краев раны ввиду обширности опухоли, вследствие чего рана заживала вторичными натяжениями. Рецидивы гемангиомы были отмечены в 3 \pm 1,3 случаях ($p > 0,001$) в виде мелкоточечных гемангиоматозных поражений кожи в пограничных зонах или в области послеоперационных рубцов, которые подвергались повторной обработке аппаратом «ФОТЕК 301Е» в режиме «СПРЕЙ» игольчатым электродом диаметром 0,02 мм. Удовлетворенность эстетическими результатами со стороны родителей пациентов составила 98,5 %, тем самым на 11,5 % больше чем в первой группе.

Вывод. Таким образом, высокочастотная радиохирургия является малотравматичным, удобным, эстетически более приемлемым и менее дорогостоящим методом, чем традиционная хирургия. Применение радиохирургической техники значительно облегчает и улучшает хирургические процедуры, снижает риск интра- и послеоперационного кровотечения, и уменьшает возможность рецидива опухоли до минимума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапов, В. С. Хирургическое лечение кавернозных гемангиом лица. Дис. ... канд. мед. наук / В. С. Агапов. – М., 1998. – 220 с.
2. Баиров, Г. А. Хирургия пороков развития у детей / Г. А. Баиров. – Л., 1968. – С. 561–577.
3. Буторина, А. В. Комбинированное лечение гемангиом кожи у детей / А. В. Буторина, В. В. Шафранов // Настоящее и будущее детской хирургии (материалы конференции). – М., 2001. – С. 46–47.
4. Долецкий, С. Я. Гемангиомы кожного покрова у детей и их лечение / С. Я. Долецкий // Советская медицина. – 1953. – №7. – С. 57–59.
5. Исаков, Ю. Ф. Хирургические болезни у детей / Ю. Ф. Исаков. – М., 1995. – С. 519–562.
6. Краковский, Н. И. Таранович В.А. Гемангиомы / Н. И. Краковский, В. А. Таранович. – М. : Медицина, 1974. – С. 168.
7. Кулаков, О. Б. Диагностика и лечение крупных и обширных гемангиом челюстно-лицевой области у детей: автореф. дис. ... канд. мед. наук / О. Б. Кулаков. – М., 1993. – 125 с.
8. Минкин, С. Е. лазерное лечение сосудистых поражений кожи / С. Е. Минкин, П. С. Минкин, А. С. Волков и др. // Ангиология и сосудистая хирургия. – 2002. – № 8(4). – С. 62–65.
9. Пазиллов, С. Б. Гемангиома / С. Б. Пазиллов // Центрально-Азиатский медицинский журнал. – 2002. – № 8(2). – С. 211–213.
10. Прутовых, Н. Н., Львов А. А., Жаркова М. М. // Всесоюзный симпозиум детских хирургов. Материалы. – М., 1987. – С. 15–17.
11. Федореев, Г. А. Гемангиомы / Г. А. Федореев. – Л., 1974. – 192 с.

12. Шафранов, В. В. Дифференциальная диагностика врожденных ангиодисплазий и гемангиом детского возраста / В. В. Шафранов, К. Р. Константинов, Ю. А. Поляев и др. // Детская хирургия. – 2000. – №1. – С. 44–48.
13. Demuth, R. G. Complications of embolizations treatment for problem cavernous hemangiomas / R. G. Demuth, S. H. Miller, F. Keller // Ann. Plast. Surg. – 1984. – Vol. 13.(2). – P. 74–78.
14. Dover, J. S. New approaches to the threatment of vascular lesions / J. S. Dover // Australia J. Dermatol. – 2000. – Vol. 41. – P. 14–48.
15. Fishmann, S. J. Hemangiomas and vascular malformations of infancy and childhood / S. J. Fishmann, J. B. Mulliken // Pediatr. Clin. North. Am. – 1993. – Vol. 40. – P. 1177–1200.
16. Ivanov, P. Low-dose gamma knife radiosurgery for cavernous sinus hemangioma: report of 3 cases and literature review / P. Ivanov, M. Chernov, M. Hayashi et al. // Minim Invasive Neurosurg. – 2008. – Vol. 3. – P. 140–146.
17. Oak, S. N. Management of hemangioma in children / S. N. Oak, K. Viswanath // Indian J. Dermatol. Venerol. Leprol. – 2006. – Vol. 18 (72). – P. 1–4.
18. Park, C. O. Treatment of unusual vascular lesions: usefulness of sclerotherapy in lymphangioma circumscriptum and acquired digital arteriovenous malformation / C. O. Park, M. J. Lee, K. Y. Chung // Dermatol Surg. – 2005. – Vol. 31. – P. 1451–1453.
19. Yamauchi, P. S. Treatment of port-wine Stains using the pulsed dye laser at 585 nm with the dynamic cooling device / P. S. Yamauchi, T. T. Soriano, Gp. Lask // J. Cutan laser. Ther. – 2000. – P. 33–36.

Материал поступил в редакцию 23.12.16.

THE NEW OPPORTUNITIES OF SURGICAL TREATMENT FOR TEGUMENT HEMANGIOMA AT CHILDREN

B.A. Omurzakov¹, M.Yu. Logvinenko²

¹ Candidate of Medicine, Microsurgeon, ² Operating Surgeon

National Center of Protection of Motherhood and the Childhood of Ministry of Healthcare of KG (Bishkek), Kyrgyztan

Abstract. *The article presents the results of treatment of 301 children with hemangioma in the National Center of Protection of Motherhood and the Childhood of Ministry of Healthcare of KG in the period of 2008-2015. Two groups of patients were included in the study: in the first one 163 patients with the usage of traditional surgical method and in the second one 138 children treated by surgical method using radiosurgical knife of FOTEK 301E device. The research was aimed at detection the most efficient way of surgical treatment.*

Keywords: *hemangioma, children, surgical treatment, radiosurgical knife, FOTEK 301E device.*

Psychological sciences
Психологические науки

УДК 159.9

**ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОФИЛАКТИКИ
АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ**

А.А. Краснова, магистрант факультета психологии
Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема отклоняющегося, в частности, аддиктивного поведения подростков. Раскрыта актуальность темы, приведены данные современной статистики состояния здоровья в подростково-молодежной среде, а также предложена авторская модель профилактики аддиктивного поведения ребят пубертатного периода.*

***Ключевые слова:** подростковый возраст, девиантное поведение, аддикции, профилактика аддиктивного (зависимого поведения).*

В настоящий момент российское общество переживает непростой период в своей истории. Современная социальная ситуация характеризуется сложной и не всегда управляемой динамической структурой, многие стороны жизни и государственные институты подвергнуты кризисными явлениями. В то же время, человеку как никогда предоставляется широкий спектр свобод. Однако в рамках такого общества в развитых странах широко распространяется поведение, получившее название девиантного, то есть отклоняющегося от норм и правил, принятых в обществе. Это происходит потому, что человек, совершая выбор, не всегда или не в полной мере осознает свою ответственность перед социумом, а в ситуации реального бытия свободы понятия осознанность и ответственность неразделимы.

Девиантное, аддиктивное и делинквентное поведение подростков становится едва ли не постоянным элементом социального и педагогического опыта. Главным образом, отмечается рост различных форм отклоняющегося поведения: алкоголизма, наркомании, проституции, суицида, преступности; наблюдается их взаимодополняемость и взаимообусловленность; происходит снижение возрастных границ многих видов правонарушений несовершеннолетних. Подростковый возраст – эмоционально насыщенный период в жизни человека, самый уязвимый для возникновения разнообразных нарушений и в то же время самый благоприятный для овладения нормами дружбы, поэтому укрепление физического, психологического и социального здоровья, обеспечение гармоничного формирования личности подростков – важнейшая социальная задача общества [4].

Однако данные статистики по состоянию здоровья населения преимущественно подросткового и юношеского возраста на сегодняшний день оказываются не столь «гармоничными». Так, например, известно, что [2]: в разных регионах России 44,8 % несовершеннолетних и совершеннолетней молодежи так или иначе знакомы с употреблением наркотиков; по некоторым данным, в стране насчитывается примерно 4 млн. людей, употребляющих наркотики, где 76 % из них – молодежь от 14 до 30 лет; 47,9 % из наркозависимых употребляют героин; за последние 10 лет число смертей от наркотиков увеличилось в 12 раз, среди детей – в 42 раза, причем в 65 % случаев причиной смерти является передозировка наркотиков. Заболевания, связанные с наркозависимостью, ежегодно составляют в России 20 % всех госпитализаций и 10 % всех смертей; 1 наркоман за год втягивает в «порочный круг» от 4 до 17 человек; получила распространение «семейная наркомания», даже приобщение родителями малолетних детей к различным наркотикам, в том числе и алкоголю. В реанимационные токсикологические отделения больниц попадают дети 5-7 лет, а иногда и 3-х лет; рост наркомании резко обостряет проблему СПИДа: 91 % зарегистрированных с диагнозом ВИЧ – наркоманы. Основной возраст первого знакомства с наркотиками 11-14 лет (41 %) и 15-17 лет (51 %). В отдельных случаях возраст начала потребления наркотиков совпадает со временем начала учебы в школе. К подростковому возрасту свыше 10 % школьников уже знакомы с действием наркотиков [1]. К окончанию школы около 40 % несовершеннолетних пробовали наркотики, а регулярно «сидят на игле» 9 % мальчиков и 5 % девочек. Велики показатели лояльного отношения молодежи к наркотикам. Так, например, 34 % считают, что наркотики бывают «всерьез» и «не серьезно», 21 % – что «наркотик делает человека свободным», и 42 % уверены, что от увлечения наркотиками всегда можно отказаться. Самое страшное, что истинное количество лиц, страдающих зависимостью от психоактивных веществ, не известно никому, так как большая часть потребителей наркотиков остается за пределами государственных учреждений, а, соответственно, никем не учитывается. Иными словами, масштабы и темпы распространения данной проблемы в стране таковы, что ставят под угрозу здоровье, а значит и будущее современной молодежи, социальную стабильность российского общества в уже ближайшей перспективе. Проблема зависимости от психоактивных веществ в последние годы не только не потеряла своей актуальности, но, наоборот, вышла на более значимый уровень.

Эффективность лечения зависимости от психоактивных веществ в России остается крайне слабой.

На практике оказалось, что профилактика зависимости в семье и образовательных учреждениях проводится на низком уровне, и зачастую, наоборот, способствует повышению интереса детей и подростков к психоактивным веществам. Очевидна необходимость исследования разнообразных форм социальных (поведенческих и личностных) девиаций, а также поиск научно обоснованных решений возникающих проблем, в основании которых лежит понимание психологических и педагогических причин и механизмов аддиктивного поведения, необходима разработка новых психолого-педагогических технологий диагностики, превенции и коррекции аддиктивного поведения, в первую очередь, в подростковой среде. Изучение обозначенной проблемы требует к себе интегрального подхода с учетом психологических, педагогических, социальных и личностных факторов [3].

Образовательные учреждения оказывают большое влияние на формирование личности обучающихся и их дальнейшую социализацию. В настоящее время в области профилактики аддиктивного поведения и употребления ПАВ подростками образовательными организациями совместно с другими субъектами системы профилактики применяются различные методы, но наиболее эффективным, на наш взгляд, является метод проектов, который включает в себя активное участие всех субъектов образования: обучающихся и их родителей, педагогов.

Проект психолого-педагогической деятельности по профилактике аддиктивного поведения и употребления ПАВ подростками в условиях образовательного учреждения разработан нами на основе теоретических и экспериментальных исследований таких педагогов-психологов как Абдирова Н.М., Иктынбаева М.К., Варцалкиной В.В., Гарифуллина Р.Р., Кулакова С.А. и других.

На рисунке 1 мы представили модель проекта психолого-педагогической деятельности психолога по профилактике аддиктивного поведения и употребления ПАВ подростками.

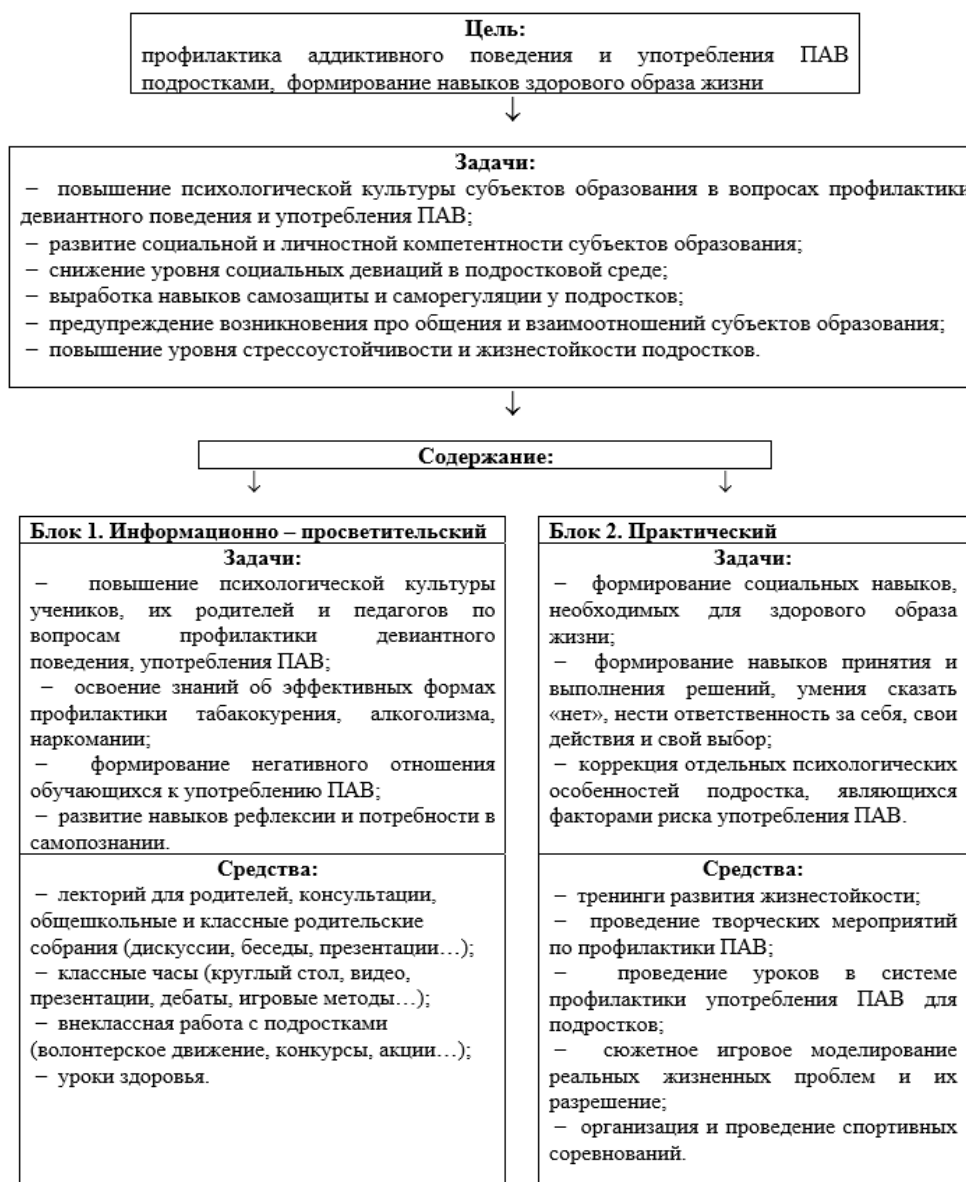

Рисунок 1. Модель проекта психолого-педагогической деятельности психолога по профилактике аддиктивного поведения и употребления ПАВ подростками

Итак, представленная модель проекта психолого-педагогической деятельности психолога по профилактике аддиктивного поведения и употребления ПАВ может быть использована в работе с детьми и подростками и реализована в различных образовательных учреждениях с помощью активных методов обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдиров, Н.М. Подросток в орбите наркотизма: проблемы, предупреждения: Монография / Н.М. Абдиров, М.К. Иктынбаев. – Караганда, 1997. – 228 с.
2. Брук, Т.М. Наркомания: современные методы профилактики и реабилитации: учебно-методическое пособие для студентов высших учебных заведений физической культуры / Т.М. Брук, Е.Г. Мильнер. – Смоленск: СГАФКСТ, 2008. – 78 с.
3. Склянова, Н.А. Как разработать программу «Здоровье» в образовательном учреждении: Учебно-методическое пособие / Н.А. Склянова, Н.П. Юсупова, Г.О. Фокина и др. – Новосибирск, 2000. – 116 с.
4. Черкашина, Л.А. Профилактика наркозависимости в школе: Методическое пособие. Книга вторая / Л.А. Черкашина, Н.А. Склянова, А.И. Рукавишников и др. – Новосибирск, 2001. – 278 с.

Материал поступил в редакцию 30.12.16.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL MODEL OF ADDICTIVE BEHAVIOUR PREVENTION AMONG TEENAGERS

A.A. Krasnova, Master's Degree Student of Faculty for Psychology
Samara State University of Social Sciences and Education, Russia

***Abstract.** In this article the issue of deviant behavior of teenagers, in particular addictive behavior, is considered. The relevance of subject is found out, data of present-day statistics of state of health among youth are provided, as well as the author's model of prevention of addictive behavior of children in puberty is suggested.*

***Keywords:** adolescence, deviant behavior, addiction, prevention of addiction (addictive behavior).*

УДК 159.9 796

КАПИТАЛ ОСОЗНАННОСТИ СПОРТСМЕНА – ОСНОВА ЭВОЛЮЦИИ СПОРТА

А.К. Москатова, доктор педагогических наук,

кандидат биологических наук, профессор, профессор кафедры физиологии

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма (Москва), Россия

Аннотация. Рассмотрены перспективы эволюционных преобразований сферы профессионального и массового спорта, связанные с качественными изменениями осознанности спортсменами потенций целостной организации жизнедеятельности. Отмечены факторы осознанного управления спортивной подготовкой, позволяющие преодолеть границы возможностей индивидуальной конституции и наследственной программы физического развития. Указано значение многомерного энергетического и информационного взаимодействия физического, психоэмоционального и высших, духовных уровней индивидуального сознания как творческих сил, предопределяющих достижение и совершенствование мастерства самореализации личности, а также создающих предпосылки для многообещающих инноваций в мировом спорте.

Ключевые слова: осознание, уровни сознания, потоки сознания, самореализация, хологеном человека, эпигенетические модификации, самоосознанность, трансформации спорта.

Введение. В связи с завершением в 2016 г. космического девятилетнего цикла эволюционного развития земного человеческого сообщества и вступлением в очередной, начальный этап следующего, аналогичного цикла закономерного нарастающего преобразования всех областей (сфер) материальной, социальной и духовной жизни, возникает естественная необходимость осветить, в каких направлениях, в каких испытаниях предстоит прилагать индивидуальные и коллективные усилия членам планетарного сообщества, отвечая запросам и законам эволюции. Волны циклической эволюции охватывают пространственно-временной континуум бытия практически всего земного человечества на всех уровнях культуры, науки, образования, политики, экономики, технологий, коммуникаций, государственного управления, деятельности религиозных институтов. Эволюционная событийность, сопровождающая текущее переустройство мира, подразумевает сопутствующие и предопределяющие принципиальные изменения коллективного и индивидуального сознания, в зеркале которого отражаются многоликие качества эмоциональных откликов и ментальных оценок каждой личностью как непрекращающихся конфликтов и трагедий, так и многообещающих научных достижений, особенно в области здравоохранения и в практике распространения новых видов экстремального и оздоровительного массового спорта. Поскольку эволюции планетарного сознания помогают энергии высших измерений духовной Вселенной, избыточно льющиеся на Землю, в массовом сознании ожидается нарастание резонанса в понимании необходимости поддержания добропорядочности, содружественности и миролюбия во взаимоотношениях на всех уровнях организации здорового и процветающего жизнеустройства. Сфера спорта в своих наилучших качествах устремляет своих приверженцев и болельщиков к здравомыслию, юной энергичности, изобилию радости, свободному самовыражению, взаимопониманию, новым открытиям в области творческого долголетия и гармонизации тела и духа.

ОТ ОСОЗНАННОСТИ СПОРТСМЕНА К ЭВОЛЮЦИИ СФЕРЫ СПОРТА

Эволюционные преобразования не могут миновать широко популярную сферу мирового спорта, чья арена расширяется, охватывая всё новые уровни единства пространства, времени и сознания. Закономерное развитие спорта теснейшим образом связано с состоянием *ОСОЗНАННОСТИ* спортсменами своей многомерной, духовной, телесной, разумной, творческой, развивающейся, прогрессирующей сущности. Ясное *ОСОЗНАВАНИЕ СЕБЯ* является уникальным свойством человеческого существа, природа *разумности* которого признаётся удвоенной до осознания своего знания о себе [1, с. 48]. Следовательно, *потенции* – качественные формы энергии тела, интеллекта и Духа дважды разумного существа должны быть эффективно реализованы как в творческих аспектах оздоровительной деятельности массового любительского спорта, так и в новаторском, преобразующем разуме спортсменов-профессионалов, кому природой предоставлена привилегия впечатляющего саморазвития и самопознания, создающего предпосылки прогрессивной эволюции многокомпонентной сферы спорта.

Спортсмен, как *осознающая себя* личность, должен уметь *заглянуть внутрь себя*, понять самого себя, сосредоточиться на субъективном жизненном и спортивном *опыте*, осознать его важность в наполнении *мыслем своего воплощения* в земном мире. Как свидетельствуют всесторонние нейробиологические и нейропсихологические исследования феномена человеческого *осознания собственной сознательной природы*, её *сонастроенность* восприятия физической, соматической, ментальной или психоэмоциональной сфер реальности предопределяют возможности преобразования качества жизнедеятельности личности до стабилизированного и интегрированного состояния благополучия и здоровья. Современным спортсменам, особенно элитного состава, чрезмерно увлечённым *телесным тренингом* предстоит утвердиться в углублённом *самопознании* для управления не только одной – соматической, телесной, физической формой, но и *шестью* изначальными формами

вмещения Духа – утончёнными телами или уровнями сознания. Они скрывают пока неизвестные грани творческой реализации индивидуальных способностей, мощные потенции психической энергии, которые позволяют личности превзойти современные спортивные достижения, предупредить функциональный дискомфорт, повысить стрессоустойчивость жизнедеятельности.

Осознанность спортсмена предусматривает овладение им системой знаний, касающихся электронной или квантовой конституции организма, которая выражает *многомерность* человеческого сознания и включает *семь планов* – незримых, неделимых, квантовых энергетических компонентов, образующих *волновую структуру полей сознания*, с которыми непосредственно связана организация естественной, одушевлённой, духовно-материальной основы жизнедеятельности организма. Её *первый* уровень – *Духовное Сознание Разумной души – Высшее Я-Сознание*, определяющее подлинную *духовную, разумную сущность* каждого человека. Именно оно осуществляет управление остальными уровнями, оболочками или символическими *телами сознания* в составе целостности информационно-энергетической конституции индивидуума. *Второй* из высших уровней индивидуального сознания включает *причинное* поле Сознания, которое содержит проекции *памяти души* – информационные «следы» *тех качеств сознания*, которые проявлялись в её предшествующих многочисленных воплощениях и продолжают служить относительными, невидимыми *причинами* характерного поведения личности, её ментальных и эмоциональных склонностей, привычек, взаимоотношений, достижений или проблемных ситуаций в текущей жизни. *Третий* уровень *Самосознания* индивидуализации – *Высшее ментальное тело – духовный разум* человеческой души, направляющий созидательную, конструктивную, психофизическую деятельность личности к реализации универсальных законов и принципов разумных взаимоотношений с социальной и природной средой обитания как жизнеобеспечивающей целостности. *Телесное сознание души*, воплощенной в плотном физическом теле, представлено в виде *четырёх оболочек* электронной конституции человека – *четырёх* взаимопроникающих сферических полевых образований, символически названных «*нижними телами*» по отношению к трём электронным оболочкам высших, духовных сфер индивидуального сознания. *Эфирное тонкое тело – жизненное тело памяти* – сохраняет светокопию совершенного образа морфологической формы индивидуума на протяжении всех воплощений души, поддерживает информационную связь с тремя высшими сферами сознания и разума души, содержит специфические огненные энергоцентры, способные запустить определённые программы взаимодействия всех уровней телесной конституции. *Ментальное тонкое тело* – проводник *психической энергии высшего разума* – сфера индивидуального сознания, *умственной деятельности*, осмысленного *восприятия* личностью себя и событий окружающего мира, *интеллектуального саморазвития*. *Эмоциональное тело сознания* – проводник чувств, меняющихся ощущений, желаний, волнений, вызванных содержанием стимулов, приходящих со стороны *пяти сенсорных систем мозга*, а также проводник возвышенных переживаний, душевных чувств, отвечающих потребностям духовной души и любящего сердца личности. *Сознание физического тела* – проводник *психической энергии*, которая проявляется как «*сила воли*», побуждающая личность к активной инструментальной, физической деятельности, совершенствованию управления телесными органами, сенсомоторикой, координациями, двигательными качествами, осуществлению *намерений* по целенаправленному психофизическому саморазвитию. Названный комплекс телесных структур предопределён для самоисследования, самопознания и самореализации всей полноты психофизических возможностей индивидуума, для установления связи физического, телесного мира особи с духовным миром, с высшими уровнями индивидуализированного сознания, благодаря которым открывается путь полномасштабно-го, гармоничного саморазвития и самосовершенствования в условиях земной жизни [2, с. 120; с. 152; 3, с. 64].

Благодаря усвоенным *знаниям* о собственной одушевлённой и одухотворённой природе, а также посредством овладения *медитативными* технологиями, спортсмен может более быстро и эффективно *очистить самоосознанность* от давления ограниченного, противоречивого понятийного эго-мышления и сопровождающих его эмоциональных реакций и укрепить доминирование высокоорганизованного, одухотворённого Сознания. *Красота и Сила Сознания* заключаются в том, что ему не нужна *причина, побуждающая к действию*. Сознание не нуждается в переживании всего *безумия и хаоса* материального мира, ибо оно по своей природе организовано и спокойно. Но именно низшие тела сознания – плоти, менталитета, эмоций множества человеческих особей – создают непрекращающиеся возбуждения поля Сознания [5, с. 168].

Используя такой испытанный, продуктивный путь истинной *эволюции самосознания*, личность спортсмена создаёт надёжный фундамент для эффективной *саморегуляции* адаптивных состояний организма, осмысленной *экономизации* энергетических затрат при физических нагрузках, достигает сбалансированного восстановления функциональных резервов, необходимых для повышения спортивных результатов. Реализация себя через развитие *осознанности* в повторяющихся воздействиях систематических *пауз медитации* или их мобильных включений в процесс спортивной, тренировочной деятельности, момент за моментом создаёт благоприятные «встречи» с Тем, кем по существу является *индивидуализация*, то есть одухотворённой Душой, что и составляет реальность *подлинной человеческой природы*. В состоянии медитации спортсмен переживает познание *самого себя*, соприкасается со своей умственной природой, испытывает чувства глубокой удовлетворённости [5, с. 10-11; с. 19]. Однако спортсмену необходимо иметь ввиду, что в многоаспектный процесс *самопознания*, может неожиданно вмешиваться *привычная склонность* к чрезмерной концентрации внимания на ранее испытанных телесных ощущениях, предельной напряжённости, нервной истощенности, дискомфортных следствиях систематических эпизодов физического самопреодоления, что в целом создаёт чрезмерную нагрузку на психику.

По этому поводу современный просветлённый духовный учитель из Германии Карл Ренц (Renz Karl, 1953) объясняет тем, кто стремится к самопознанию, что обычное бодрствование на протяжении почти 90 % времени этого состояния, выводит человека из-под контроля тела. Человек не погружён в телесные ощущения, его разум *свободен* от тела, а мышление сосредоточено на дневной, профессиональной, планируемой и мотивированной деятельности. «*Но если человек начнёт посвящать себя активному телесному сознанию более, чем на 10 % бодрствующего состояния, то может оказаться на пороге психбольницы, потому, что это невыносимо!*» [5, с. 211].

Следовательно, думающий, внимательный, сосредоточенный, *систематически медитирующий*, самоосознающий, самоуправляющийся собой спортсмен способен демонстрировать примеры позитивного личного опыта. Его размышления могут привести к неожиданным открытиям, новым идеям и эвристическим озарениям, благодаря которым начнётся прогрессивное развитие спортивной науки и совершенствование практики различных видов спорта [7, с. 189; 6, с. 249]. Понимание личностью значимости *внимательного осознания* позволяет ей достигать состояния оптимальной адаптивности, гибкости, осмысленности, энергичности, стабильности и стрессоустойчивости. По мере прироста коллективной, совокупной осознанности у большинства спортсменов-профессионалов, создаются условия для вовлечения в это магнетизирующее поле просветлённого сознания все новых и новых личностей, заинтересованных в преобразовании культуры поддержания упорядоченных и стабильных общественных отношений [6, с. 84].

Естественное развитие качества *осознания* у спортсмена обусловлено взаимодействием нескольких *информационных потоков сознания*. Они объединяют ощущения, *чувственные восприятия*, наполняющие неповторимый личный опыт психофизической деятельности, *наблюдения* за течением событий и особенностями ситуаций, сопровождающих долговременную тренировочную и соревновательную деятельность, *размышления* и анализ происходящих событий, на основе которых формируются концепции, новые представления, рождаются идеи, выстраиваются модели изменения стратегий спортивной подготовки, расширяются *знания* и просветляется самопознание. Вместе с тем, течение реки индивидуального сознания и её наполнение созидательными энергиями не должны тормозить завихрения меняющихся эмоций, всплывающие из подсознания привычки и склонности к шаблонной рефлексии наблюдаемых событий, хаотические внедрения воспоминаний, камни преткновения мировоззренческих установок и старых настроек, посеянных указаниями самоуверенных наставников [6, с. 77].

Целеустремлённость спортсмена, осознание исключительно *собственной ответственности* за содержание мыслей, эмоциональной уравновешенности, качество преобразующих действий и общезначимую ценность своих достижений, должна помочь преодолению унизительной *рекордомании*, подчинения жизни эгоистичным принципам и жестким, истощающим методам и хитроумным способам усиления *конкурентоспособности* собственной телесности. Подобные явления *негативного, разрушительного состояния сознания* определённой части спортивной элиты в сочетании с политикой и практикой рыночных отношений, вовлекающих мировое сообщество в международную *торговлю «породистыми носителями природно одарённой плоти»*, представляют сегодня генеральную линию расширения «чёрной дыры» в сфере профессионального спорта, которая безудержно и безвозвратно поглощает талантливых личностей, извращая их *самосознание* и погружая во мрак «*коллективное бессознательное*». Если личность «*выдающегося*» спортсмена нацелена только на совершенствование своей внешней, показной жизни, стремясь следовать *общепринятым* установкам, призывающим заботиться исключительно о «*непобедимой телесности*», предельном материальном изобилии, сомнительных, иллюзорных благах, эгоистичном комфорте, гремющей мировой славе, не развивая свою внутреннюю, *духовную, душевную, истинную сущность* – источник искренних чувств удовлетворённости, доброты к себе и окружающим, сосредоточенности и сердечной радости, то такая личность уподобляется «несъедобному», «непропечённому пирогу». Очевидно, эволюция спорта не совместима с ростом ненасытных «чёрных дыр», поглощающих всё «несъедобное» и необратимо искажающих человеческое осознание в планетарном масштабе.

Более важно для *самоосознанности* личности достичь понимания собственной роли и успешной, полноценной самореализации в избранной области спортивной жизни, признать весомость своей творческой, познавательной, интеллектуальной способности, благодаря которой возможно вдохновенное преображение условий жизни за пределами спортивной арены, создание новых, зрелищных видов спортивных состязаний, изобретение *нестандартных, персонифицированных технологий* спортивной подготовки, раскрывающих полностью неповторимой одарённости каждой личности. Благодаря росту *осознанности*, как выражения *духовной сущности* своей природы, совокупное, коллективное сознание спортсменов способно изменить культуру мира, в котором живёт социум. Как свидетельствует известный философ Экнат Исваран (Eknath Easwaran) – исследователь вневременной духовной мудрости, положенной в основание разноликих, но равновеликих духовных учений – наследия древней Индии, «даже величайшие исторические события, потрясшие землю, происходят из *мыслей* какого-то *отдельного* человека», поэтому каждая жизнь является бесценным посланием повседневной мудрости и любви, отдаваемой во имя совершенства окружающего мира [4, с. 44].

По существу, организация спортивной подготовки элиты должна учитывать врождённые ментальные и физические потенциалы конкретного атлета, обусловленные индивидуальной генетической программой, сверхсознательно направляющей его *самореализацию* в избранной спортивной деятельности, с которой не могут конкурировать «несгибаемые установки» тренерской практики, построенной на обветшавших *стандартах* теории спорта.

Спортсмены нового, молодого поколения должны наконец «обрести себя», осмысленно освобождаться от рутинных устаревших шаблонов спортивной практики и блуждания в дебрях рекордомании, которые буквально *порабощают* личности и тормозят инициативы одарённых спортсменов и развитие спорта, создают предпосылки для «*допингового родовспоможения*» рождению новых, но *фальсифицированных* рекордов. По мнению Венди Палмер (Wendy Palmer) – уникальной женщины, мастера высшего дана и опытного инструктора одной из американских школ Айкидо, *каждый человек*, тем более спортсмен, должен найти свой *уникальный индивидуальный путь*, который будет развиваться и меняться под воздействием индивидуального опыта, долгих лет осмысленного, намеренного следования физической и ментальной дисциплине, которая поможет найти вход в глубинное хранилище телесной мудрости и созидательной энергии. Совершенно очевидно, что эволюционное преобразование спортивной сферы человеческой культуры невозможно без здоровой оценки спортсменами самих себя и практикуемых методов совершенствования. В связи с обсуждением руководящих инновационных принципов творческой организации спортивной подготовки, Венди Палмер цитирует известного японского фехтовальщика XVI века Миямото Мусаси: «*Цели сегодняшних тренировок – победить вчерашнее понимание*». В свою очередь, она отмечает, что вместо того, чтобы *заикливаться* на какой-то идее, (как правило, *субъективной убеждённости* одной персоны или группы спортивных наставников), ... мы можем взять на себя смелость *освободиться от прежних знаний* и либо постичь их вновь со *свежим взглядом*, либо позволить занять их место совершенно *новому озарению*. Энергия самосознания, мгновенно нисходящая от высших духовных тел к интуитивной, озаряющей самоочевидности, находится в постоянном очистительном воздействии, *трансмутрует самосознание*, возжигает пламя духа во всех тонких телах, открывает пространство бесконечных преобразений человеческого существа. Поэтому, *привязанность* к какому-то представлению или идее – *бесполезна*, так как приводит к одностороннему, негибкому стилю спортивной подготовки в любых дисциплинах, провоцируя тем самым *противоестественные* способы завоевания чемпионских лавров [4, с. 42].

В наступившем *начальном* этапе очередного девятилетнего цикла планетарной эволюции (2017-2025 гг.) спортсменам надлежит всемерно и глубоко осознанно поддерживать собственное *пробуждённое состояние*, высвечивать тёмные, неотработанные аспекты *самопонимания*, интенсифицировать внутреннюю, духовную, осмысленную, продуктивную работу своей *самоосознанности*, укреплять союз с самим собой, чтобы исключить проецирование в новую реальность прежних представлений и косных установок, ограничивающих энергетическое и информационное пространство жизненных ресурсов, на основе которых растут личные достижения и строится прогресс сферы спорта.

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЭВОЛЮЦИОННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Эволюция понимается как универсальный, всеохватывающий, закономерный *вселенский процесс*, сопричастный множеству глобальных изменений материальной и духовной, метафизической реальности. Развёртывание эволюционного процесса открывает человеческому *сознанию* понимание контекста наблюдаемых событий, их причинность и значимость в постепенном возрастании качественных и количественных сдвигов в природе и социуме, отличающихся от внезапных, революционных взрывов. *Земная эволюция* природы, жизненных форм, человеческого сообщества и ноосферы – сферы планетарного сознания – не является *локальным* событием, но закономерной манифестацией эволюции Вселенной и Жизни всех сосуществующих форм и объектов мироздания. Она подчиняется *универсальным законам*, определяющим *исчисляемую меру* затрат жизненной универсальной энергии на воспроизводство целесообразных, взаимно обеспечивающих, взаимодополняющих жизненных форм, населяющих безграничное мироздание. Все они являются эволюционирующими продуктами непрерывающегося, неисчерпаемого, самопревосходящего *мыслетворчества* Великого, *Абсолютного Сознания*, воплощающего свои идеи во *ВСЕЛЕНСКОМ ГЕНОМЕ*. Он содержит базовые *генетические*, наследуемые инструкции, модели, матрицы, *организующие* и *питающие* энергией процессы *жизнеобеспечения, целенаправленного развития*, а также испытанные историей принципы воспроизводства различных видов жизненных форм, приспособленных к обитанию в многообразных условиях эволюции космической реальности.

Человечество *безоговорочно* подчиняется законам *эволюции планеты* и всех её жизненных форм, с которыми оно на протяжении земных тысячелетий поддерживало «мирное сосуществование», тесные, дружественные энергетические и информационные взаимодействия, закреплённые на уровне *генов* и индивидуальных *геномов*, как программы *подсознания*. Учитывая, что *все* материальные дифференциации энергии Света, начиная от микрочастиц, атомов и молекул, составляющих структуры ДНК, являются *носителями Сознания*, придающего каждой субстанции *определённые свойства* и возможности для *созидательных* взаимодействий, следует понимать, что опыт *самосознания* каждой личности *бесценен* для эволюции спорта при условии *осмысленной, намеренной* реализации уникальной генетической программы, индивидуума, полноценного раскрытия его неповторимой одаренности во благо инновационных преобразований высших уровней спортивной деятельности и массовых форм оздоровительной физической культуры [10].

Спортивная деятельность в мировом масштабе, наряду с различными видами искусства и культурными традициями, может рассматриваться в истории земной эволюции как феномен создания *человека нового вида*, который *овладевает* не только мастерством сбалансированного, волевого управления своим телом, разумом и духом, но также мастерством взаимодействия со стихиями воздуха, воздушного пространства, воды, водного пространства, земли и её плотностями. Подобное многомерное *самоовладение, умение собирать* себя из фрагментов

физических, ментальных и эмоциональных взаимодействий с ситуациями, неожиданно возникающими в условиях соревновательной борьбы, требует соответствующих *знаний*, но также и *самотивации* к их обретению и вдумчивому, пронизательному анализу происходящего. Предпосылки достижения мастерства *самоовладения* и *самоуправления* заложены в природе человеческого генома, о чём следует знать спортсмену и активно использовать знания в своей практике. Молекулярная генетика рассматривает структуру генома исключительно с позиции *химического* состава ядерного генетического материала ДНК, организованного в функционально специализированные ансамбли и кластеры, которые содержат базовые инструкции, необходимые для воспроизведения клеточного состава телесности, удовлетворения запросов клеток, тканей и органов в их текущей жизнедеятельности, обеспечения выживания вида, развития унаследованных психофизических качеств, индивидуальных способностей и репродуктивной функции.

К настоящему времени представления об *единовластии* человеческого генома претерпели существенное изменение. Благодаря биогенетическим, эпигенетическим и экологическим исследованиям, которые выявили ранее не учтённые факторы, направляющие эволюционное развитие человеческих популяций, концептуальное содержание понятия индивидуального *ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ГЕНОМА* получило более точное выражение в масштабном наименовании – «*ХОЛОГЕНОМ*». Он рассматривается как система передачи обширной наследственной информации, полученной в процессе развития и адаптации последовательных поколений вида, рода и индивидуумов, накапливающих огромный опыт воплощений каждой души в разных биологических телах, в разнообразных природных условиях обитания, доступного нутритивного обеспечения и *симбиоза* с гигантским объёмом и разнообразием планетарной микробиоты, населяющей водную, воздушную, земную, растительную и животную среды. Комплекс человеческого *ХОЛОГЕНОМА* включает *ЧЕТЫРЕ СОСТАВЛЯЮЩИХ*: ядерную ДНК телесных клеток, эпигеном, микробиом ДНК (геном симбиотической микрофлоры организма) и виром ДНК (геном вирусной флоры, обитающей во внутренних средах организма в неактивном состоянии). Концептуальное уточнение смысла понятия *ХОЛОГЕНОМ* обусловлено неопровержимой *интеграцией* информационного содержания комбинации взаимодействующих *генных комплексов*, которые объединяются в *целостную систему* обмена *генетической и эпигенетической информацией*, в которой *отражены* динамические, временные, генеративные изменения, сопровождающие течение адаптивных процессов развивающегося организма [8, с. 114-119].

Выяснилось, что сложное сочетание целого ряда внешних, природных, экологических, психофизических, энергетических, информационных факторов, а также состояние активности, адаптивных и эволюционных реконструкций микробиома (ДНК) и воздействие генетической информации, вносимой с ДНК потребляемой растительной и животной *пищи*, неизбежно приводят к непредвиденным *модификациям функций генных кластеров*. *Эпигенетические* (внегенетические) стимулы, связанные с множественными флуктуациями внешней среды, также способны приводить к *коррекции* генетической программы, поддерживающей жизнеспособность, функциональную активность организма, здоровый статус, стрессоустойчивость и психическую продуктивность индивидуума [9, с. 21, с. 46]. Вместе с тем, они могут *провоцировать* активацию временно «*молчащих*» генов, приводить к мутациям, проявлению скрытых генетических дефектов, заболеваниям и развитию патологии. Также не исключено неожиданное проявление не подозреваемых ранее физических и психических потенциалов у отдельных особей, что сопровождается осязаемым приростом волевой силы, перестройкой *самосознания*, переоценкой *собственных возможностей*, достоинств и жизненных планов, позволяющих преодолеть сомнения и добиться достижения более высоких результатов, что необходимо иметь ввиду приверженцам профессионального спорта. Следовательно, олимпийский девиз – «Быстрее, Выше, Сильнее», подразумевающий подчинение спорта исключительно вложению всех человеческих усилий в развитие физических качеств и телесных способностей, должен быть *переосмыслен* спортсменами и тренерами-воспитателями. Их сознание нуждается в *существенном пересмотре* отношения к собственным *профессиональным знаниям о природе и универсальных законах реализации человеческих возможностей и неповторимой одарённости отдельных личностей*. Именно бережное отношение к талантливым спортсменам, глубоко продуманные, персонифицированные, оригинальные программы их подготовки, позволяют выявить уникальные способности, демонстрация которых создаёт перспективу *РАЗВИТИЯ СФЕРЫ СПОРТА КАК ФЕНОМЕНА ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ, ИНТЕЛЛЕКТА И КУЛЬТУРЫ*. В этом контексте особое внимание следует уделить *состоянию сознания* спортивных наставников, которым необходимо, по существу своей руководящей тренерской деятельности, не ограничивать свой менталитет только планированием физических нагрузок и наблюдениями за приростом физических качеств атлетов. Исходя из вышеприведённых аргументов, им надлежит настроить свою интуицию к адекватному восприятию динамики состояний *самосознания* тренирующихся *атлетов*, следить и помогать им поддерживать сбалансированность их ментальной и эмоциональной сферы, побуждать к оправданной оценке своих возможностей, что особенно важно для воспитания молодой генерации перспективной элиты олимпийского спорта.

Что касается претендентов на достижения в мировом спорте, то, по мнению известного в США специалиста по спортивной психологии и философии психофизического воспитания личности, Терри Добсона (Terry Dobson, 1937...), обучающего молодых спортсменов популярному японскому виду единоборств – айкидо, главное, что необходимо осмыслить спортсмену при самоопределении, самооценке личностного потенциала *физических* качеств, поддерживающих также стрессоустойчивость, состоит в понимании *преобладающей связи* его *физической силы с намерением личности – мотивирующей силой*, а не с размером бицепсов. Ибо сила в большей степени зависит от *Духа* и притока *психической энергии*, чем от количества отжиманий, которое спортсмен

может сделать, перекачав в них бесценную созидательную энергию творческого интеллекта. Следовательно, в своей спортивной подготовке потенциальному олимпийцу надлежит «накачивать духовную мускулатуру», уделять повышенное внимание медитативному аутотренингу, балансирующему физические и духовные начала ментального и нравственного развития, стремиться к результативной психофизической регуляции состояния организма, достигая самосовершенствования, облагораживающего спорт и мир [4, с. 109]. Именно личностная *самоосознанность*, сфокусированная на *самооценке* подлинных, природных потенций своей цельности и безграничности, отражённых в программе индивидуального хологена и ДНК, уверенная *свобода принятия решений и действий*, соответствующих *интуитивно* осознаваемому назначению, не подвластному внешним установкам умозрительной «теории и методики спорта», может открыть широкую перспективу реальному преобращению спорта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. 1) Распространённое понимание массовым сознанием *назначения спорта*, как сферы *фанатичной* деятельности атлетов, ограниченной мистической необходимостью непрерывного покорения рекордов – является его виртуально *искажённой* реальностью. Её создают и непрерывно питают СМИ, переполненные восторгами о ежедневно превосходящих себя рекордсменах, о баснословных рекордах миллионных платежей за проданных игроков, а также о нарастающем давлении финансовых проблем. Миллиардные вклады на проведение Олимпийских Игр, побуждаемые привлечением массы «болельщиков», одержимых экстремальной «каждой зрелищ», требуют от спортсменов *жертвоприношений* в большинстве ситуаций и соревнований, превышающих реальные возможности плоти. Ибо *рекорды*, при всём необузданном стремлении спортсменов к «чемпионству» и даже под воздействием изощрённых тайных и явных стимуляторов, имеют непреодолимый *физический потолок*.

2) Пределы «*неестественного развития*» человеческого тела и физических качеств при посредничестве искусственных стимуляторов не подвластны индивидуальным амбициям спортсменов, тренеров и генных инженеров, ограничены законами естественной биологической эволюции. На этом пути бесполезно ожидать *модернизации человечества*, по примеру фанатичного, разрушительного «героизма» спортивной элиты. Интерес к таким состязаниям будет снижаться. Следовательно, уже в ближайшей перспективе потребуются неизбежный переход от безумного личного соперничества в отдельных дисциплинах с оценкой результатов в тысячных долях секунд и сантиметров к различным видам многоборий, комбинациям соревновательных дисциплин, состязаниям микстов и смешанных, гендерных составов команд в игровых видах, междисциплинарным, многоступенчатым соревнованиям, которые должны сопровождаться сугубо объективными способами оценки достижений спортсменов и команд.

3) В новых формах состязаний спортсменам предстоит обрести жизненный опыт *самораскрытия, самоисследования и самосозидания* своей *уникальной природной реальности*, очищенной от навязанных извне, «*научно обоснованных*» возрастных, половых, физиологических, психологических, архетипических, социальных и прочих *стандартов, мнений, домыслов, убеждений* о том, «*каким должен быть человек, спортсмен, олимпиец, чемпион*». На самом деле никакая наука не может обосновать однозначный ответ, поскольку каждый человек рождён с божественным даром *самопознания, созидающего сознания*, способностью к *самосотворению, к уникальной самореализации* на всём протяжении избранного его душой периода физического воплощения и психического развития, обогащающего избранную сферу творческой деятельности. «*Идти по собственному истинному пути – значит найти дорогу к целостности, единству тела, разума, духа и всего во Вселенной*».

4) Нарастающий темп эволюции и масштабности многосторонней спортивной деятельности ведёт к преодолению акцентов *обыденного сознания* лишь на достижении завидного телесного совершенства. В действительности эволюция открывает личности физически одарённого спортсмена, необходимость признания существенной роли в его спортивных достижениях силы и мощи *единства* со своей *духовной энергией*, с Высшим Я-Сознанием. Благодаря всеохватности преобразующей Силы Сознания, спортсмену открываются широкие возможности к *приумножению капитала осознанности* своих глубинных связей с окружающим миром, позволяющих индивидууму формировать новые стратегии роста и развития в полноте и целостности физической, ментальной, эмоциональной и духовной реальности, углубляя познание *истинной, созидательной цели* бесценной человеческой жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ганатилейк, Р. Как включить осознанность. Техники эффективных практик и медитаций в современном мире. Пер. с англ. / Р. Ганатилейк. – М. : Изд. «Э», 2016. – С. 48.
2. Гербер, Р. Вибрационная медицина. Пер. с англ. / Р. Гербер. – М. : «София», 2008. – С. 120. – Частотные уровни и тонкая организация материи. Введение в многомерную анатомию; С. 152 – Ментальное тело, каузальное тело и другие высшие духовные тела человека.
3. Неаполитанский, С. М. Сакральная медицина / С. М. Неаполитанский, С. А. Матвеев. – СПб. : Институт Метафизики, 2004. – С. 64. – Система чакр и театр человеческого организма.
4. Палмер, В. Мудрость Не-знания. Айкидо – искусство интуитивных решений. Пер. с англ. / В. Палмер. – СПб. : ИГ «Весь», 2016. – С. 31, 42, 44, 109.
5. Ренц, К. Есть Я – Я Есть. Беседы. Пер. с англ. / К. Ренц. – М. : ГАНГА, Серия недвойственности, 2014. – С. 10-11, 19, 168, 211.

6. Сигел, Д. Внимательный мозг. Научный взгляд на медитацию. Пер. с англ. / Д. Сигел. – М. : «Манн, Иванов и Фарбер», 2016. – Гл. 4 – Стрдание и потоки осознания. – С. 77, 84; С. 249. – Практики внимательного осознания.
7. Уилбер, К. Интегральный Мир. Очи Познания: плоть, разум, созерцание. Пер. с англ. / К. Уилбер. – М. : «РИ-ПОЛ классик», 2016. – С. 189 – Медитация и бессознательное.
8. Enriquez, J. Evolving Ourselves. How Unnatural Selection is Changing Life on Earth / J. Enriquez, S. Gullans. – One-world Publications, London, England. – 2015. – P. 114–119 – Bringing It All Together – DESTINY Is Propelling Evolution.
9. Francis Richard, C. Epigenetics. How Environment Shapes Our Genes / C. Francis Richard. – New York, London, w.w. Norton & Company. – 2012. – P. 21. – The Elusive Gene; P. 46. – Epigenetic Gene Regulation.
10. Ridley, M. The Evolution of Everything. How Small Changes Transform Our World / M. Ridley. – 4-th ESTATE, London, 2016.

Материал поступил в редакцию 13.01.17.

CONSCIOUSNESS ASSET OF AN ATHLETE AS A BASIS FOR SPORTS EVOLUTION

A.K. Moskatova, Doctor of Pedagogic Sciences, Candidate of Biological Sciences, Professor of Chair for Physiology Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (Moscow), Russia

***Abstract.** The prospects of evolutionary transformations in the sphere of professional and mass sport, associated with qualitative changes of athletes' awareness of potential of activity integral organization are considered. The factors of conscious managing sports training allowing go outside the radius of individual physique's and heritable physical development program's capacity are noted. The significance of multidimensional energetic and informational interaction of physical, psychoemotional and higher moral levels of individual consciousness as creative energies, pre-determining achieving and developing mastery of personal fulfilment and making prerequisites for promising innovation in the world sport is pointed out.*

***Keywords:** realization, consciousness level, streams of consciousness, self-fulfillment, human hologenom, epigenetic modifications, self-consciousness, sport transformations.*

УДК 159.9

КОНФЛИКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МОЛОДЫХ СЕМЬЯХ

Л.А. Чумаченко, студент

Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия

Аннотация. На основе теоретических и эмпирических исследований анализируются факторы, влияющие на конфликтные отношения в молодых семьях г. Новокуйбышевска.

Ключевые слова: молодая семья, конфликт, конфликтные отношения в молодой семье, факторы конфликтных отношений.

В жизни человека семья играет огромную роль. В России с каждым годом растет количество семей, которые рано или поздно распадаются.

Особенно в последнее время привлекает внимание многих социологов и психологов молодая супружеская пара. Это связано с различными обстоятельствами. В начале супружеских отношений формируется модель будущих семейных взаимоотношений: распределение ролей, обязанностей между супругами, между родителями и детьми. Впервые годы супружества молодые люди адаптируются друг к другу и к основным ролям в семье: мужа и жены. В этот период происходит сложный процесс адаптации, определяется характер основных конфликтов и способы их преодоления. При этом перед супругами стоят задачи формирования структуры семьи, распределения ролей и выработки общих семейных ценностей.

Проблемы современной молодой семьи являются объектом изучения ряда наук – психологии, социологии, педагогики, демографии и других. Различные специалисты исследуют динамику взаимоотношений в браке, причины одиночества в семье, ее распада. В последние годы включенность в семью перестала быть необходимым фактором духовного и физического выживания. Личность получила относительную независимость от семьи, изменился характер восприятия супружеских отношений. Наиболее значимыми стали не родственные, объективно заданные отношения, а супружеские, основанные на свободном выборе, именно они стали центральными в семье. Исследование разных аспектов супружеской жизни позволяет всестороннее рассмотреть семейные ситуации и разрабатывать различные программы психологической помощи семье, супружеским отношениям [2].

Молодая семья – это супружество, продолжающееся менее пяти лет. Важность начального периода становления и развития семьи подчеркивается многими психологами, поэтому изучение факторов, влияющих на конфликтные отношения в молодых семьях, также остаются в центре исследований.

На взаимоотношения в семье оказывают влияние внешние и внутренние факторы.

Семейные отношения невозможны без конфликтных ситуаций. Конфликт указывает на проблемные зоны в семейных отношениях. Но в супружестве очень важно умение разрешать эти ситуации. Выделяют несколько основных причин супружеских конфликтов. Одна из них – это разные типы личности людей, которые решили жить вместе, что относится к внутреннему фактору, влияющему на супружеские конфликты.

Под *конфликтом* понимают расхождение в целях или интересах, взглядах или идеях двух людей.

Под *супружеским конфликтом* понимают столкновение противоположно направленных взглядов, мотивов и интересов супругов.

Проанализировав различные точки зрения относительно семантического понимания «*конфликтных отношений в молодой семье*», мы пришли к выводу, что это один из видов межличностных отношений, который проявляется в форме взаимных не конструктивных отношений, взаимосвязанных исключая друг друга потребностей, интересов, целей, что способствует формированию негативных поведенческих установок, отягощающие эмоциональное напряжение в молодой семье.

Люди могут объединяться в пары по типу схожести характеров и темперамента или по типу дополнения друг друга, то есть противоположности.

Вот пример схожести типов личности: оба супруга экстраверты – то есть тип личности, который ориентирован в своей жизни на внешние факторы, у таких супругов общие интересы, увлечения и взгляд на мир, конфликты могут возникать из-за нежелания супругов уступать друг другу.

Другой пример – один из супругов любит доминировать, а другой привык подчиняться, в таком союзе партнёры, как сказал бы семейный психолог, будут дополнять друг друга, и конфликты будут возникать тогда, когда кто-то устанет от выполняемой привычной роли.

Другим фактором, влияющим на супружеские конфликты, семейный психолог назвал бы внешние факторы. А именно: влияние родительской семьи, друзей, культурных правил и норм поведения, ценностных ориентиров. Различия в этих факторах могут влиять на возникновение проблем в супружестве.

Изучением проблемами воздействия психологических и социальных факторов занимались В.А. Сысенко, А.Т. Разумихина, А.И. Кочетов и многие другие ученые.

В.А. Сысенко объединила факторы конфликтных отношений в три большие категории:

1. Конфликтные отношения на почве несправедливого распределения труда (разные понятия прав и обязанностей).

2. Конфликтные отношения на почве неудовлетворения каких-либо потребностей.

3. Ссоры из-за недостатка в воспитании [6, с. 56].

По поводу первого фактора следует отметить, что главным в распределении семейных обязанностей является именно их согласованность. Поиски этой согласованности могут быть сопряжены с конфликтами. Муж и жена могут ожидать от супружества очень многого и по-разному представлять свою семейную жизнь. При этом, чем более не совпадают эти представления, тем менее прочной является семья, тем больше возникает опасных для нее ситуаций. В подобном случае можно говорить о несовпадении ролевых ожиданий, ролевым конфликте или, более широко, о конфликте представлений.

Если члены семьи каждый по-своему понимают свои роли и предъявляют друг другу несогласованные, отвергаемые другими ожидания и соответствующие им требования, семья является малосовместимой и конфликтной. Поведение одного, отвечающее его индивидуальным представлениям о своей семейной роли, будет рассматриваться им как единственно правильное, а поведение другого партнера, противоречащее им, как неверное и даже злонамеренное [5, с. 142].

С этими ожиданиями и представлениями тесно смыкаются потребности, которые супруги хотели бы удовлетворить в браке. Если представления не совпадают, то во взаимном рассогласовании находятся и потребности, которые являются актуальными для другого, и соответственно, ждут от партнера удовлетворения тех своих потребностей, которые он как раз удовлетворять не собирается. Такое рассогласование переходит сначала в скрытый, а потом и в открытый поведенческий конфликт, когда один из супругов с его ожиданиями и потребностями становится препятствием для удовлетворения желаний, намерений и интересов другого.

Одна из наиболее распространенных факторов конфликтных отношений по мнению П.П. Разумихиной – эгоистичность одного или обоих супругов. Эгоист, прежде всего, думает о своих потребностях, заботится о себе, не считается с потребностями и интересами близких людей. Эгоизм одного из супругов делает несчастными обоих [4, с. 189].

Другим фактором конфликтных отношений, с точки зрения А.Т. Разумихиной может стать неуступчивость супругов. Она – главное препятствие к взаимопониманию, согласию, семейной гармонии. Уступать должны оба супруга. Но первым уступить должен тот, кто мудрее, сильнее, кто понимает, что нежелание и неумение уступать – путь, ведущий к ссорам и нередко – к разводам [3, с. 190].

Очень важно научиться такту и выдержке, умению убедительно и аргументировано излагать свою точку зрения. Если же убедить супруга не удаётся, лучше прекратить спор. Самое главное – не превратить семейные споры в ссоры, дискуссии – в скандалы и выяснения отношений. Супругам надо научиться взаимодействовать с родителями и родственниками, а важнее – научиться уважать друг друга [3, с. 8-9].

Семейное согласие строится постепенно на взаимопонимании и собственном самосовершенствовании. Если кого-либо из супругов не устраивают привычки, потребности и установки другого, надо, чтобы и другой это осознал и понял, что необходима перемена. Исправить положение можно в том случае, если этого хотят оба супруга. Скандалы, ультиматумы, брань, даже физическое насилие не побуждают к лучшему поведению, не помогают, а только мешают виновному исправить свои ошибки или избавиться от недостатков. Повысить культуру быта, культуру отношений – это значит и повысить требовательность супруга к самому себе.

Стремясь помочь любимому человеку избавиться от недостатков, нельзя занимать позиции судьи. Важно и самому определить свою долю вины в неправильном поведении любимого человека.

Новый, весьма сложный образ жизни, груз семейных обязанностей, неустроенность быта и прочие связанные с началом совместной жизни вещи оказываются для многих супружеских пар неожиданной, неприятной, а порой и неподъемной ношей. О том, что дело обстоит именно так, свидетельствует авторитетное мнение А. Харчева и В. Мацковского, которые к числу основных причин, факторов супружеских конфликтов, конфликтных отношений и разводов в молодых семьях относят установку на брак как на нечто легкое [7, с. 88]: неподготовленность молодых людей к резкому изменению образа жизни;

- сложность отношений между поколениями;
- гедонистическое отношение к браку (когда от него ждут только приятных неожиданностей);
- отсутствие подготовки к выполнению всего комплекта функций, необходимых в семье [6, с. 88].

Семь основных факторов конфликтных отношений называет А.И. Кочетов:

- нарушение этики супружеских отношений (измена, ревность);
- биологическая несовместимость;
- неправильные взаимоотношения супругов (одного из них) с окружающими их людьми – родственниками, знакомыми, сослуживцами и т.д.;
- несовместимость интересов и потребностей;
- различие педагогических позиций по отношению к ребенку;
- наличие личностных недостатков или отрицательных качеств у одного, а подчас и у обоих супругов;
- отсутствие взаимопонимания между родителями и детьми.

Основным фактором конфликта, конфликтных отношений в молодых семьях, с точки зрения К. Витека,

является проблема семейного лидера; по существу, это означает отсутствие постоянной, стабильной структуры семьи. В тех случаях, когда в семье имеется лидер, его партнер обычно этого лидерства не принимает – либо по существу, либо по форме. Лидерство, как правило, носит авторитарный характер и непременно сопровождается подавлением партнера. Именно поэтому в некоторых супружеских парах наблюдается такая картина: один из партнеров – лидер; второй принимает такое положение в принципе, но не может смириться с конкретными формами лидерства [1, с. 44].

Теоретический анализ среди множества факторов выделил следующие, действия которых были изучены в нашем исследовании:

1. неподготовленность молодых людей к резкому изменению образа жизни;
2. нереализованные ожидания и неудовлетворенные потребности, связанные с семейной жизнью;
3. нарушение этики супружеских отношений;
4. несовместимость интересов и потребностей;
5. биологическая несовместимость, расхождение в иерархии семейных ценностей;
6. рассогласование в распределении ролей между супругами;
7. проявление доминирования одним из супругов.

Для изучения конфликтных отношений в молодых семьях была выбрана база исследования. Исследование проводилось на базе центра «Семья» г. Новокуйбышевска.

Выборку составили 20 молодых супружеских пар г. Новокуйбышевска, заключившие брак, со стажем семейной жизни от 6 месяцев до 3,5 лет, не имеющие детей, живущие отдельно от родителей.

Возраст супругов: от 22 лет до 28.

Всего в экспериментальном исследовании приняли участие 40 человек.

Целью исследования была определение причин и факторов, влияющих на супружеские конфликты.

Результаты исследований свидетельствуют о том, что в 94 % молодых семей основной причиной возникновения конфликтов является проявление доминирования одним из супругов и разногласия в отношении к деньгам, в 83 % – проявление ревности, в 78 % – нарушение ролевых ожиданий, в 55 % – рассогласование норм поведения.

По результатам опытно-экспериментальной работы можно сделать следующие выводы.

В исследуемых нами молодых семьях возникают супружеские конфликты, причинами которых являются различные взгляды на распределение ролей в семье; неудовлетворенность потребностей одного из супругов; отсутствия внимания, понимания и поддержки; психологическое отчуждение супругов друг от друга; проявление доминирования одним из супругов; проявление ревности; нарушение ролевых ожиданий; рассогласование норм поведения; разногласия в распределении материальных средств.

Доминирующими причинами возникновения супружеских конфликтов в современных молодых семьях являются материальное обеспечение семьи, несогласованность организации развлечений; дисгармоничность в сексуальной сфере; напряженный эмоциональный климат в семье; доминирование одного из супругов в семье; проявление ревности; недоверие в отношениях.

Наименее выраженными причинами возникновения конфликтов являются отношения с родственниками и друзьями и проявление автономии одним из супругов. На наш взгляд, это объясняется тем, что все испытуемые нами пары живут отдельно от родителей, не зависят от них материально.

Стремление к поиску способов и подходов в преодолении конфликтных отношений связано с предпочтением людей мирно и бесконфликтно разрешить возникающие в отношениях между ними проблемы, перейти от конфликта к сотрудничеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витек, К. Проблемы супружеского благополучия / К. Витек / Пер. с чеш. / Общ. ред. и предисл. М.С. Мацковского. – М.: Прогресс, 1988. – 138 с.
2. Влади́н, В., Капустин Д. Гармония семейных отношений / В. Влади́н, Д. Капустин. – Минск, 1988. – 379 с.
3. Жолудева, С.В. Психологическая готовность к браку на разных этапах взрослости: автореферат дис. кандидата психологических наук: 19.00.13 / С.В. Жолудева. – Ростов-на-Дону, 2009. – 22 с.
4. Разумихина, П.П. Мир семьи: Книга для учащихся старших классов по курсу «Этика и психология семейной жизни» / П.П. Разумихина. – М.: Просвещение, 1986. – 208 с.
5. Разумовская, Т.А. Узы брака, узы свободы / Т.А. Разумовская. – М.: Мол. Гвардия, 1990. – 222 с.
6. Сысенко, В.А. Супружеские конфликты / В.А. Сысенко. – М.: Изд-во «Академия», 2001. – 176 с.
7. Харчев, А.Г. Современная семья и ее проблемы / А.Г. Харчев. – М.: Изд-во «Статистика», 2005. – 211 с.

Материал поступил в редакцию 29.12.16.

CONFLICT RELATIONS IN YOUNG FAMILIES

L.A. Chumachenko, Student

Samara State University of Social Sciences and Education, Russia

Abstract. Based on theoretical and empirical research author analyzes the factors influencing on the conflict relations in young families in Novokuybyshevsk.

Keywords: young family, conflict, conflict relations in young families, factors of conflict relations.

Наука и Мир

Ежемесячный научный журнал

№ 1 (41), Том 2, январь / 2017

Адрес редакции:
Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: info@scienceph.ru
www.scienceph.ru

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2308-4804

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Лукиенко Леонид Викторович, доктор технических наук
Боровик Виталий Витальевич, кандидат технических наук
Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Валуев Антон Вадимович, кандидат исторических наук
Кисляков Валерий Александрович, доктор медицинских наук
Рзаева Алия Байрам, кандидат химических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Кондрашихин Андрей Борисович, доктор экономических наук, кандидат технических наук

Подписано в печать 24.01.2017 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 24.